

Всё
пришедшее
после

Всеволод
Георгиев

Всеволод Георгиев
Всё пришедшее после

«Этерна»

2014

Георгиев В.

Всё пришедшее после / В. Георгиев — «Этерна», 2014

Действие романа происходит в период с 1963 по 1993 год. Он мог бы послужить пособием по изучению этого времени, если бы не необычная точка зрения, с которой рассматриваются те или иные события. В сущности, она основана на представлении, что публичная политика – лишь оформление сакральной исторической миссии, которая поддерживается неизвестными хранителями тайны, посвященными в содержание проекта. К характерным чертам романа относятся отсылки к фактам минувших столетий, обращение к легендам, историческим загадкам и гипотезам. В целом это серьезное, но увлекательное путешествие в действительность, которая оказывается богаче вольного вымысла.

© Георгиев В., 2014

© Этерна, 2014

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	7
1. Московская пастораль	7
2. Первые открытия	15
3. Искатели жемчуга	23
4. Идущий путем одиночества	33
5. Секретное досье	42
6. Сильный с сильным лицом к лицу	51
7. Виталис значит «жизненный»	62
8. Старшая сестра кроткой овечки	70
9. Презумция верности	80
10. Держа розу за лепесток	90
11. Вне логики	97
Часть вторая	104
1. Вечером во ржи	104
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Всеволод Георгиев

Всё пришедшее после

Предисловие

Мы пересекли границу Воеводины и за поселком нашли позицию радиолокационной станции. Перед глазами предстало печальное зрелище.

Тонкие металлические борта передвижных кунгов болотной окраски не могли защитить от обстрела ни оборудования, ни людей, находившихся внутри.

Куда делись люди, мы не знали: убиты ли, ранены, Бог весть; оставалось надеяться, что им удалось покинуть это место раньше, чем взрывная волна перевернула одну из автомашин – она лежала на боку, а осколки пронзили другую – эта, наклонившись, застыла у зеленого пригорка.

Как бы то ни было, а РЛС давно устаревшей конструкции сражалась до конца, и гибель ее была славной. Те, кто обслуживал станцию, – настоящие герои! Так сказал старший нашей группы. Он еще что-то говорил об эффективной поверхности рассеяния и диаграмме направленности – трудно поверить, станция давала целеуказание на суперсовременные самолеты-невидимки F117.

В технике я разбираюсь слабо, из пояснений я только и понял, что этим стареньким радаром цель захватывали не спереди, где помещалась основная радиозащита самолета, а сзади, вдогон. Благодаря смекалке экипажа станции страшные бомбардировщики «Стелле», черными дельтапланами летящие в ночи над руслом лучезарной Сабы, становились видимыми, и радиолокатор без заминки выхватывал из мрака их координаты. Есть русская поговорка: голь на выдумки хитра.

В желающих заполучить уцелевшую документацию и материальную часть погибшей станции недостатка не было, поэтому в нашу задачу входило срочно изъять или уничтожить и то и другое.

Мои товарищи спешно осмотрели поприще хитроумного радара. Один из них обратил мое внимание на четыре большие тетради в коленкоровых переплетах. Они были сплошь исписаны бисерной кириллицей, как оказалось, по-русски. Из группы я один знал русский язык. Открыв первую тетрадь, я прочел: в пятницу, 22 марта 1963 года... Любая, пусть и недавняя, история вызывает мой интерес. Я взял тетради с собой.

В свободную минуту я погрузился в чтение. В моих руках очутился черновик рукописи неизвестного автора, нареченной им романом-апокрифом.

Положительно, некоторые вещи в романе показались мне столь необычными, что я мысленно согласился с таким названием. Некоторым образом знакомый с полной тайных и драматических событий далекой и близкой действительностью, я с удивлением обнаружил, что мы с автором, что называется, мазаны одним мирром. Как добрых знакомых встречал я в рукописи известные мне парадигмы, еще больше я был рад встрече с незнакомыми или незамеченными мною раньше вещами. Некоторые из них казались мне чистой фантазией, однако позже я наводил справки и не раз убеждался, что в их основе лежат прежде неизвестные мне факты.

Чем глубже я погружался в роман, тем больше мне хотелось разыскать его автора. Прошло несколько времени, и я приехал в Россию, однако мои поиски, к глубокому сожалению, не увенчались успехом. В продолжение трех лет мне так и не удалось найти скитальца.

Было бы ошибкой продолжать и дальше играть роль скупого рыцаря, утаивая Случаем доставленный мне предмет для исцеления от скуки. Я решил больше не скрывать от всех спа-

сенную рукопись, а по-людски дать прожить жизнь вместе с героями романа. Как сказал один из них: рукописи не горят, они умирают в архивах.

Возможно, для кого-то из читателей книга раздвинет стены – тогда поднимутся вершины на горизонте, возникнет одновременно идиллический и суровый пейзаж. Так было со мной. Узнавая забытые дали, я не мог не подумать: «Et in Arcadia Ego¹. Мне ли быть стерегушим драконом?»

С верой в Господина жизни выпускаю эту книгу из своих рук, с волнением ожидаю результата.

Книга поделена на четыре части, названия которых автор счел нужным скрыть за изящной латынью. Вот мой перевод этих четырех названий: «Юноша из Аркадии», «Хранит тайну», «Пастух и Навигатор», «День гнева».

¹ И вот я в Аркадии (*лат.*).

Часть первая

Arcadius juvenis (Юноша из Аркадии)

1. Московская пастораль

В пятницу, 22 марта 1963 года, над Москвой сияло чисто вымытое голубое небо. В черных ручьях бликами отражалось солнце. Прохожие обходили лужи, а на подсохшем асфальте школьницы в распахнутых пальто уже расчерчивали мелом классики.

Он... представьте себе пятнадцатилетнего капитана в двенадцать лет. Дети московских дворов выросли рано, однако многим это не мешало на всю жизнь остаться идеалистами, потому что лучшими друзьями и самыми верными их спутниками становились книги.

Если в детстве ты читал хорошие книжки, то в душе, наверное, сохранил отпечаток рыцарства, чести, готовности прийти на помощь и презирал алчность, невежество, корысть и особенно предательство.

Завораживающим достоинством обладали книги о приключениях, битвах и подвигах.

Любимые книжки не всегда занимали место на полках. Их брали у товарищей, в библиотеке, у родственников. Речи не было о том, чтобы найти в магазине свободно стоящие на полках томики Дюма, Вальтера Скотта, Майн Рида, Стивенсона, Луи Буссенара или Фенимора Купера.

Герой нашего повествования, двигаясь по направлению к центру столицы, пересек Садовое кольцо, следуя по улице Чернышевского, миновал продовольственный магазин, парикмахерскую и скрылся в темном и прохладном помещении букинистического магазина. Не задерживаясь, он пошел прямо, к отделу художественной литературы.

В ту пору в букинистическом магазине можно было приобрести не только известную, но и редкую книгу. Москву населяли небогатые люди, еще никто не бросался приобретать Сервантеса к купленному серванту. Домашние библиотеки накапливались поколениями. Давно Белинский и Гоголь, как мечтал Некрасов, заменили творения Матвея Комарова. К книгам относились серьезно. Впрочем, партия и правительство тоже.

Спустя десятилетие начнется первая московская книжная революция. В обмен на сданную макулатуру (не меньше 20 килограммов) счастливые москвичи будут получать талоны на покупку ставших в одночасье дефицитом избранных произведений избранных же авторов.

Приобретение книг надолго станет увлечением, своего рода спортом, вначале престижным и весьма уважаемым, но постепенно, в течение полутора десятков лет, приходящим в упадок.

На старте алчущие украсить книжную полку «Королевой Марго» смело несли в приемный пункт вторсырья завалявшуюся среди старых книг «Графиню Монсоро», чтобы потом, когда в золотом макулатурном фонде появится та же «графиня», бросить на весы приемщика подписку «Иностранной литературы».

В метро появились люди среднего возраста, чаще женщины (мужчины доставали, по обыкновению, из рукава пальто свежий номер газеты «Правда»), усердно штудирующие новинки макулатурного коловращения: «Трех мушкетеров» или «Союз рыжих» Конан Дойла, как будто эти книги до настоящего времени были запрещены, не лежали в каждой заводской библиотеке или же не были известны публике и представляли интерес только для литературоведов.

Но все это еще будет, пока же в счастливое дореволюционное книжное время, а всякое дореволюционное время – счастливое, наш юный капитан, притворно хмурясь, разглядывал

старые книги. Он нашел что искал – книгу, которую давно прочел, но не имел собственного экземпляра.

В свое время он читал ее не торопясь, желая продлить часы общения с ней. Увы, непрочитанная часть стремительно таяла. Тогда он дал зарок читать не более 12 листов в день. Все равно, окончание приближалось слишком быстро. Настала минута, когда он чуть ли не с досадой захлопнул книгу. Она была прочитана. С той поры он мечтал иметь ее в своей библиотеке. Накопив два рубля, исправно ходил в «бук», зная, что рано или поздно ему повезет.

Итак, заплатив два рубля две копейки, он получил из рук продавщицы подержанный том «Трех мушкетеров». Книгу всех времен и всех народов. Книгу о том, как юноша вступает в столь вожделенную взрослую жизнь и с первых шагов попадает в жуткую свистопляску событий, переживая за короткий срок такие драмы и трагедии, от которых он и его друзья едва опомнились через целых двадцать лет.

Конечно, наш маленький библиофил несколько раз успел посмотреть французский фильм Бернара Бордери с восхитительной Милен Демонжо в роли миледи. Фильм и нравился, и не нравился. Детская непосредственность не отказывалась воспринимать цветной костюмный фильм с удалым, неутомимым и постоянно улыбающимся Жераром Баррэ в главной роли. Но что осталось от романа Дюма? Д'Артаньян на экране запросто расправлялся со всей отборной гвардией старых, испытанных бойцов, приученных к оружию с детства. Они наверняка не раз попадали под удар подкованного копыта боевого коня, но здесь падали от тумачков восемнадцатилетнего юноши. Впрочем, актеру можно было дать и все тридцать. Разве могло это устроить внимательного читателя?

Появляясь в кадре, д'Артаньян лихо раздавал затрещины гвардейцам кардинала, перед ухмыляющимся гасконцем не могла устоять ни одна женщина, он на короткой ноге общался с Ришелье и на фоне представительных друзей легко овладевал любой ситуацией.

Ничего такого в книге не было, и поэтому фильм не нравился, справедливее сказать, нравился лишь отчасти. Гений Александра Дюма в фильме отсутствовал. Даже тени не осталось. Позже наш юный друг увидит много киноверсий, и ни одна из них не сможет его удовлетворить.

Только иногда, благодаря хорошим актерам, можно будет увидеть, как трудно приходится тому или иному герою романа. Как в глазах мелькнет наконец понимание момента. Как судорогой передернет лицо. Но уже звучит победный марш, и перед падением согнули ноги в коленях гвардейцы кардинала. Нет, он не мог этого вынести. И тогда ему пришла в голову смелая мысль: он решил написать свой сценарий.

Сколько же усилий может потребоваться? Сколько вещей предстоит узнать? Однако куда ему было торопиться? В запасе у него была вся жизнь.

«– Анна, подойди, – настоятельница монастыря подозвала шестнадцатилетнюю бенедиктинку, чтобы представить ее священнику.

Новый священник был молод, простодушен. Славное лицо простого деревенского парня, умный взгляд, скрываемая за нарочитой солидностью юношеская непосредственность и любопытство.

– Отче, это – Анна де Бейль.

– Благословите, отче. – Анна опустила на колени, поцеловала священнику руку.

– Ступай. – Настоятельница легко подтолкнула девушку, и та, улыбаясь и едва касаясь земли, удалилась.

Священник невольно проводил ее глазами. Она оглянулась.

– Анна из хорошей семьи, – продолжала настоятельница, – и, может быть, в свое время займет мое место.

– Почему это дитя стало монахиней?

– Родители настояли. По-моему, они ее немного побаиваются. Она же, кажется, ничего не боится. Никогда не теряет ни сна, ни аппетита. Другие девушки боятся грозы или разбойников, собак или лягушек. Она не боится даже темноты.

– Это поистине чистая душа, мать настоятельница, и, надеюсь, принесет славу вашему монастырю.

– Да будет так!»

Наш герой любил свой большой письменный стол, чистый лист бумаги, авторучку, которая заправлялась синими чернилами. Слева на столе стояла старая бронзовая лампа. Такие лампы в сороковых годах были принадлежностью кабинетов и центральных читален. Такая лампа стояла на столе у Сталина. При Сталине не любили излишеств – кабинеты начальников отличались лишь размерами.

Письменный стол придавал всей комнате солидность и интеллигентность. Долгие годы стол был близким другом, прожив столько же лет, сколько обычно отпущено человеку. Поверхность впитала первые рисунки, неумело написанные буквы, школьные сочинения, логарифмические уравнения, позже интегралы, постоянную Планка и пси-функцию. На нее капали чернила и слезы. Как на голограмме, записались письма и научные статьи. Как на могильной плите, стерлись имена покинувших дом людей.

«Ты уже начал писать, – подумал он, мысленно обращаясь к самому себе, – а фильм еще не получил названия».

Однако название пришло сразу – «Три королевских мушкетера». Оно будто приподнимало этот фильм над остальными. Эдакий «King size» – «Королевский размер», как, скажем, танк «Королевский тигр» стоит на ступень выше просто «Тигра». «Кроме того, – рассуждал он, – оно куда более точно отражает род войск, в котором служили друзья д'Артаньяна, ведь отборная конная лейб-гвардия короля называлась королевскими мушкетерами, в отличие от просто мушкетеров, носивших тяжелый мушкет и рогатину в качестве подставки для стрельбы, что, естественно, относило их к пехоте. Наконец, название должно точно указывать на роман Дюма, чтобы не создавать впечатления, будто речь идет о его вольной трактовке».

«– Астрологи способны предсказывать истину, особенно в общем смысле. Но во многих случаях они не имеют этой способности, ибо ничто не препятствует человеку сопротивляться своим страстям. Поэтому сами астрологи говорят, что мудрый человек сильнее звезд, поскольку он побеждает свои страсти. Так говорил Фома Аквинский, и этими словами я заканчиваю свою проповедь. – Священник стоял на кафедре монастырского храма.

Бенедиктинки смотрели на него снизу. Он же чувствовал только зачарованный взгляд огромных голубых глаз Анны де Бейль. Она очнулась, когда его голос стих. Он спустился с кафедры.

В монастырской трапезной к потолку были подвешены клетки с поющими канарейками. Священник сидел за отдельным столом, поставленным рядом со столом настоятельницы и старших монахинь. Остальные расположились за двумя длинными столами вдоль стен. Во время еды одна из монахинь вслух читала Библию.

Анна с трудом отрывала взгляд от священника. Встречаясь с ней глазами, он учтиво и скромно улыбался. Она опускала ресницы.

После трапезы настоятельница подозвала Анну и другую монахиню, постарше:

– Через час кюре отправляется в Аилль. Приготовьте ему комнату для гостей – он должен отдохнуть перед дорогой!»

В комнату вошли сумерки, и наш герой зажег настольную лампу. Он писал, плотно сжав зубы. Иногда надолго останавливался, откидывался на спинку стула и думал. Потом, зачеркнув несколько слов, переделывал предложение. Текст – не жизнь, он не терпит фальши.

Что он знал о пути, приводящим мужчину к девушке? Столько же, сколько о пути орла в небе. Что он вообще знал о пределах отношений двух полов? Как это начинается, чем заканчивается? Он задумался.

Пятидесятые годы... Он – ученик второго класса. К тому времени его отец уже уехал на родину, в Испанию, откуда был увезен в детстве.

По рассказам он помнил, как отца во время войны в Испании посадили на пароход, который шел в Одессу, затем привезли в Москву в интернат на Большой Грузинской, где вырастили и выучили. Студентом молодой испанец женился на его матери. Марина, его мать, русская, не захотела носить фамилию Гонсалес, назло всем гасконцам была блондинкой и дерзко смотрела на мир светло-кариими глазами. Наш юный капитан, напротив, рос темноволосым и синеглазым, как отец. Когда он, Артур Гонсалес, шел рядом с матерью и ее подругой Клавдией, его скорее можно было принять за сына подруги.

Клавдия приходилась Марине дальней родственницей по первому мужу. Ее сын Виталик, как можно догадаться (жизнь при случае не прочь пошутить), совсем не походил на Клавдию, имел светлые волосы и грустные серые глаза. Виталик немного побаивался нового мужа Клавдии, фигуры весьма примечательной.

Что представлял собой отчим Виталика? Невысокого роста брюнет, ладно скроенный, он, казалось, умел делать все. Волосы, зачесанные назад, при встряхивании головой распадались надвое, красиво свешивались по обеим сторонам лба.

В пятидесятые доживал свой срок послевоенный шик. Костюм с широкими брюками, рубашка в полоску с узким отложным воротничком; на свидание или праздник надевался галстук. Комплект одежды у молодых людей, как правило, был единственным. Фетровая шляпа придавала оттенок респектабельности. Легкая приблатненность не исключалась. У нового мужа Клавдии на руке была небольшая татуировка – меч со змеей.

Эта мода уже сдавала дела сменнице из-за границы. После Московского фестиваля молодежи и студентов в пятьдесят седьмом стали появляться первые стилисты – так называли тех, кто осмелился носить цветастые и свободные рубашки, узкие коротковатые брючки и ботинки на толстой каучуковой подошве. Сверстники стали называть парней «чуваками», а девушек – «чувихами». Мужчины волосы удлиняли, женщины укорачивали. Появилась прическа «Я у мамы дурочка». Конспиративно проникли западная музыка и мечта любого стилиста – жвачная резинка. Вместе с голубем мира, которого нарисовал Пикассо, пришли буги-вуги и рок-н-ролл. Поэты читали стихи у отстроенного памятника Маяковскому. Такое было время.

Муж Клавдии, красивый, ловкий, отчаянный парень, работал техником-конструктором и учился в заочном институте. Он родился в Москве, жил на Солдатской улице. Оттуда в войну ушел в военное училище. По обычаю того сурового времени успел побывать в тюрьме (эта тема никогда и никем не обсуждалась). Лишь однажды он вышел из себя и накричал на Виталика, который, придя из школы, сказал, что чуть не получил «парашу». Так ребяташки из его класса назвали двойку, преобразовав слово «пара» в более мягкое, как им казалось, «параша».

Вадим, так звали ладного мужа Клавдии, демобилизовался в чине сержанта и теперь трудился в секретном КБ, часто выезжая в Тюратам.

Преферанс, бильярд, друзья, футбол, танцы, а также книги, кино, первые телевизионные приемники – такова была его жизнь, и Клавдии приходилось ее терпеть и в ней участвовать.

В те времена бытовой магнитофон еще не появился, и любой компанейский парень при наличии слуха пел и играл на гитаре. Под три аккорда можно было спеть всю жизнь. В ход шли городские романсы, блатные песни, стихи старательно забытого властью Есенина, короче говоря, тот фольклор, который теперь собирают и записывают. Позже на трех аккордах зазвучала поэзия Окуджавы и Высоцкого, но уже пели Галич и Анчаров.

Когда Вадим за праздничным столом брал гитару, ударял по струнам и волосы его рассыпались, все ждали песен. Он пел про лихого Кольку Снегирева, летящего стрелой по Чуй-

скому тракту в погоне за зеленым «фордом». Артур с Виталиком представляли себе неземной красоты «форд» и мощную грузовую машину АМО, которая пыталась его догнать. На «форте» работала красавица Рая. Однажды она поставила лихому шоферу условие: сумеешь обогнать «форд» – Раечка будет твоей. Победа обошлась слишком дорого, Колька Снегирев разбился насмерть.

Из главы «Жена Атоса»:

«– Чувствительное сердце – разбитое сердце, – сказал Атос.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать, что любовь – это лотерея, в которой выигравшему достается смерть! Поверьте мне, любезный д'Артаньян, вам очень повезло, что вы проиграли! Проигрывайте всегда – таков мой совет.

– Мне казалось, что она так любит меня!

– Это только казалось вам.

– О нет, она действительно любила меня!

– Дитя! Нет такого мужчины, который не верил бы, подобно вам, что его возлюбленная любит его, и нет такого мужчины, который бы не был обманут своей возлюбленной».

Артура приводила в трепет мысль о том, что должна была чувствовать бедная Раечка, невольно спровоцировав смерть парня.

– А что с ней стало, когда он разбился? – такой вопрос поставил он перед взрослыми.

– Погоревала, а потом, небось, вышла за другого, – сказала, пожав плечами, Клавдия.

– Со смертью мужчины жизнь не останавливается, – это вступил в дискуссию Вадим. – Смерть мужчины – это нормально! Мужчина предназначен для того, чтобы умереть. А женщины и дети должны жить.

– Что ты такое говоришь, прости Господи! – воскликнула Клавдия.

– Эх, ребята, когда вырастете, вы меня поймете. Только невежды думают, что мир создан для мужчин. Да, они хорохорятся, ведут себя шумно, по-хозяйски, устанавливают свои правила, азартно играют. Но сами-то они – подопытные кролики, щепка, идущая на растопку. Они вспыхивают и сгорают, как мазут, в топке истории. А женщины и дети остаются жить. Так-то вот! Хорошо, когда мужчина успеваешь увидеть своих внуков. Но женщине просто неприлично не дожить до правнуков. Оглянитесь вокруг, посмотрите на родных. Много ли дедов наберется? Даже отцов и старших братьев мало осталось. Часто человек совсем не помнит деда, но всегда знает свою бабушку. – Вадим потрянул головой. – Вот так и нас, мужчин, когда-нибудь не станет, а вы, женщины, – он посмотрел на Марину и Клавдию, – еще долго-долго будете жить, растить детей, может быть, даже выходить замуж, нянчить внуков, а затем и правнуков. Обязательно правнуков, – подчеркнул Вадим. – Проживете еще целую жизнь. Когда умирает женщина или ребенок – это чрезвычайное происшествие, когда умирает мужчина – это только факт прошедшего дня. И не делайте таких возмущенных лиц, не притворяйтесь, будто вы этого не знали. Женщины знают, что все в мире для них.

После этих слов мальчики преисполнились гордости, а их матери принялись спорить и доказывать, какая тяжелая жизнь выпадает на долю женщин.

– Согласен, – не стал возражать Вадим, – действительно, жизнь тяжелая. Но ведь речь не о жизни, а о смерти. Я вот тут встретил соседскую девочку, спрашиваю, как живет ее цыпленок, а она отвечает: он живет плохо – он умер.

Переведя все в шутку и заставив всех улыбнуться, Вадим ударил по струнам: воровка никогда не станет прачкой, урка не подставит финке грудь... Он остановился, прихлопнув зазвучавшие струны ладонью.

– А вообще-то, кроме шуток, история про Раю не выдумана. Я служил в тех местах.

– Служил? – Клавдия как-то странно спросила, искоса посмотрев на мужа.

– Да, служил, – с нажимом подтвердил Вадим. – До войны там и вправду работала Рая на «форде». И все, о чем поется в песне, – быль. После гибели шофера было следствие. Раю с «форта» сняли, она стала работать на грузовике. Зимой машины ходили по льду Чуя. Однажды она перевозила людей на другой берег. Дело шло к весне, и лед стал подламываться. Но Рая была не шофером, а настоящим асом. Лед трещал, а машина летела, как птица. На берегу стояли люди и смотрели. – Вадим взглянул на ребят, они слушали, открыв рты. – На бешеной скорости машина выскочила на скользкий берег, ее занесло, и она сшибла несколько человек. – Вадим обвел глазами слушателей. – Тогда никому и ничего не прощали. Рая пошла под суд и уже никогда не садилась за руль.

Больше всего мальчики любили песню «В Кейптаунском порту» и всякий раз просили ее спеть. Еще бы! Там, достав кортики, отчаянно дрались французские моряки и полегли все, как один, не отступив ни на шаг. А «Жанетта» отправилась к родным берегам с новым экипажем.

– Да спой ты им эту песню, – поддерживала их Клавдия, – видишь, они за нее тебе пятки лизать готовы.

Самой Клавдии нравились песни про любовь, про влюбленного в знатную леди матроса или про серую юбку.

К вечеру растапливалась голландская печка, одна на две крохотные смежные комнатки. Пили чай. Взрослые тихо разговаривали. Артур слушал, смотрел на мать и думал о том, сколько дней осталось до каникул.

В субботу или предпраздничный день они засиживались у Клавдии допоздна и обыкновенно оставались ночевать. Виталик начинал клевать носом, его относили в постель.

Зимы в Москве были снежные. Двухэтажные деревянные домики на Солдатской утопали в снегу. На улицах было темно и пустынно. Оранжевый свет в узких оконцах находил в себе силу освещать лишь замерзшее стекло, покрытое причудливым ледяным узором. Снег поглощал звуки и краски. В конце длинной улицы появлялся, глухо постукивая на повороте, трамвай. Он осторожно, подрагивая, двигался вдоль Екатерининского дворца, выходил на Красноказарменную и дальше шел некоторое время по маршруту троллейбуса, тоже двадцать четвертого номера, пока не сворачивал к набережной Яузы.

В доме было тепло и уютно, ковровые дорожки лежали на крашеном полу. Женщины ложились в маленькой комнате. В другой комнате на полуторной кровати размещались мальчики с Вадимом. Виталик уже видел десятый сон. Артур засыпал не сразу. Вадим заходил поболтать к женщинам, потом, вернувшись, раздевался в темноте. Он ложился рядом с Артуром, вздыхал, поворачивался и запускал руку ему в трусики.

Артур никогда и никому не говорил об этом. Странно, он понимал, что это плохо, но готов был подчиняться и делал все, что хотел от него Вадим. А тот брал Артура за руку и заставлял принять участие в своей порочной забаве.

Артур вырос, однако больше не имел и не стремился к отношениям подобного рода. Став взрослым, он понял, что здесь тюрьма являла свой страшный лик, осознал, через что прошел Вадим, юношей попав туда. Повзрослев, уяснил животное стремление к превосходству, простейший способ самоутверждения и никогда не пользовался ситуацией для столь примитивного доказательства своего старшинства или силы. Осталась лишь память о порочном вкусе власти, но в нем она и умерла, не заразив новые жертвы, которые понесли бы дальше обманчиво сладкую отраву.

Артур гнал от себя мысли о Виталике, которому, по-видимому, приходилось терпеть куда большие притязания Вадима. Иногда он задавал себе вопрос: знала ли Клавдия про Виталика и Вадима, и позже, решил, что, вполне вероятно, догадывалась, но не смела перечить Вадиму. Впрочем, может быть, знала и находила в этом возбуждающую пикантность?

Клавдия часто ночевала у одинокой больной свекрови, матери ее первого мужа, и тогда Виталик оставался с Вадимом один на один. Перед тем как лечь спать, Виталик должен был

вымыть ему ноги, и тот, хмелея от вседозволенности, мог потребовать от мальчика исполнения любой своей прихоти. Спешить ему было некуда, впереди была целая ночь.

Бывали дни, когда Клавдия, жалуясь на плохое самочувствие, стелила себе в комнате, где обычно спал Виталик, и тогда Вадим, не скрываясь, укладывал Виталика вместе с собой. Он снимал с себя одежду, ложился рядом и для начала по-хозяйски клал на него колено. Виталик замирал, здесь уже было не до сна. Вадим сам не мог сразу уснуть и ему не давал. Слегка подталкивая, он заставлял Виталика передвинуться вниз под одеяло.

Но Вадиму мало было повергнуть ниц одного Виталика, при удобном случае он, развлекаясь с Артуром, охватывал босыми ступнями его шею и мягко валил в изножье кровати, призывая к полному подчинению. И Артур, чувствуя, как горят щеки, не помня себя, безмолвно подчинялся.

Опыта отношений с женщинами у Артура пока не было, он лишь интуитивно угадывал нюансы любовных связей. Ему нравились девочки и нравилось их внимание. Девушки и женщины по-настоящему волновали его. Он бы все отдал, чтобы они делали с ним то же, что делал Вадим. Если бы Клеопатра потребовала у него жизнь за ночь, проведенную с ней, он бы, наверное, согласился. Между тем он плохо представлял себе, как это происходит с женщиной.

Когда он оставался на день-два у Клавдии, он спал в комнате Виталика. Клавдия ложилась с мужем. Виталик засыпал быстро и начинал мерно посапывать. Взрослые шептались, затем, решив, что дети уснули, давали волю своим чувствам. Артур, лежа в темноте, через неприкрытую дверь слышал, как в сопровождении шлепающего звука скрипит кровать. Вадим начинал тяжело дышать, а Клавдия легонько постанывать. Наконец они останавливались и замирали.

«В монастырь бенедиктинок тихо пришла зима. Легкий снежок закружился в воздухе. Такой легкий, что не мог прикрыть промерзшую сухую землю и лишь припудрил наветренную сторону обочин дорог да белыми мазками раскрасил овраги.

У ворот мать-настоятельница беседовала с высоким серьезным человеком лет тридцати, одетым во все черное и с небольшой черной бородой. Они прохаживались по дороге, он из почтительности держал шапку в руках.

– Я знаю, мессир, – говорила настоятельница, – ваш брат кюре, нарушив обеты, влюбился в Анну де Бейль и, продав священные сосуды, бежал вместе с нею. Слышала, что в Лилле их узнали и заключили в тюрьму.

– Увы, Анна де Бейль соблазнила не только моего брата, но и сына королевского прокурора. Ее отпустили. Брата приговорили к десяти годам заключения в кандалах и клейму преступника. Я, лильский палач, должен был заклеить собственного брата.

Настоятельница перекрестилась.

– Но я отомстил, – продолжал человек в черном. – Мне удалось ее выследить, и я наложил на нее такое же клеймо, как и на моего брата.

Настоятельница по-женски тихо вскрикнула. Теперь она не отрываясь смотрела на лильского палача.

– Вот! Я приехал сказать вам это. Прошу вас: помолитесь за него и за меня.

– Бог милостив! Я буду молиться.

– Это не все. Она исчезла. Вернувшись в Лилль, я узнал, что мой брат тоже исчез. Меня обвинили в его побеге, и теперь я должен занять его место в тюрьме, пока он не объявится.

– Боже, сколько жизней сломано!

– Она не остановится, – мрачно сказал палач. – Ей всего только шестнадцать, что же будет лет через пять? Она была в моих руках, но я не осмелился лишить ее жизни.

– Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Ступайте с Богом, мессир. Придет ваше время, и вы совершите правосудие Божье.

Она перекрестила его и пошла к воротам. Он стоял и смотрел ей вслед. Снег опускался на его длинные волосы, покрывая их сединой».

Артур положил авторучку на стол. Итак, Анна де Бейль, будущая миледи, соблазнила сначала священника, а затем сына королевского прокурора, чтобы избежать наказания. Артур понимал, что миледи только осваивала свой прием мистического сладострастия, так блестяще использованный ею в приручении Фельтона.

Артур вырастет и узнает, как легко женщина делает своим рабом порядочного человека. Преклоняясь перед ним вначале, оценивая с любовью его достоинства, в которых он сам себе не смеет признаться, она приобретает все больше и больше власти. Возбуждив к себе сострадание, она становится его кумиром. Его любовь начинает питаться добром, которое он несет своей любимой. Человек так устроен: он любит людей за добро, которое он им сделал, – именно так, а не наоборот, потому что гордыни в человеке всегда больше, чем чувства благодарности. А благодарность... благодарность – самое редкое, легковесное и хрупкое чувство из всех человеческих чувств.

«Весна в Берри с восторгом была встречена вишневыми садами. Деревья оделись в ажурные бело-розовые покрывала. Воздух, пронизанный солнцем, струился сиреневой дымкой. Солнечные лучи без труда пробивались сквозь ветви зацветающих вишен. Над садами плыл малиновый звон колоколов. Вдали, у кромки суровых лесов, прозрачная дымка переходила в густую синеву.

Вишневый сад выходил к оврагу. По молодой траве между рядами деревьев шла очаровательная молодая пара. Девушка лет семнадцати, Анна де Бейль, опрятно одетая, с сияющими, как небо, глазами; ее сопровождал молодой вельможа с открытым и чистым лбом, прекрасно сложенный, в скромном, но элегантном костюме. Шляпу с пером он держал в руке. Они шли к оврагу.

– Дорогая Анна, не могу поверить, что завтра вы будете моей женой.

– Ах, ваша светлость, вы полновластный господин на землях графства. Вы можете казнить и миловать своих подданных. Но знайте: вы уже подарили счастье одной из них.

Анна и граф де Аа Фер приблизились к обрыву. Она боязливо прижалась к плечу графа. Он повернулся к ней. Ее глаза смотрели снизу вверх робко и в то же время призывно. Он обнял и мягко поцеловал ее.

– Ты с ума сошел, – прошептала она, прижимаясь к нему и замирая от счастья».

2. Первые открытия

Артуру непросто далась эта сцена. Несколько раз он переписывал ее. Он чувствовал, что при спящем воображении слова лишаются смысла.

Как бы он определил женщину? Женщина – это любопытство, самолюбие, слабость, эгоизм и венчающая их жестокость. Самые слабые оказываются наиболее жестокими. Как всякая крайность приобретает противоположные свойства, так слабость становится силой. Только жестокость – это мнимая часть силы. Действительной частью является великодушие.

«Вот она, математическая модель жизни, – думал Артур, а он был хорошим математиком, – все носит комплексный характер. Действительная часть – добрая, светлая, подаренная Богом, мнимая – злая, темная, инфернальная. Вектор наших мыслей и поступков, как стрелка, занимает некоторое промежуточное положение, в зависимости от величины этих компонент».

Артур вздохнул, он подозревал, что чем ближе к схеме, тем дальше от жизни. Столкнувшись с жизнью, формулы начинают врать. Так невероятные события встречаются чаще, чем можно было бы их ожидать.

«Анна в хорошем настроении вернулась домой. Небольшой красивый дом с зелеными ставнями и белой входной дверью, с плющом, взбирающимся на стены, как нельзя более подходил для скромной, но очаровательной девушки, живущей в нем вместе с братом священником.

Священник с печальными глазами, переживающий, видимо, потерю родных и души не чаявший в своей сестре, расцветающая девушка, молодость которой помогает пережить все печали, живущая будущим и готовящаяся, между прочим, стать завтра графиней де Ла Фер, – такими их видят вне стен дома. Войдем же вместе с будущей графиней в белую дверь.

– Куда это ты собрался? – Голос Анны не потерял своей мелодичности, но звучал строго.

– К больному, – священник отвечал сдержанно, пряча глаза.

Взгляд Анны стал мягче, почти ласковым. Она расслабилась, подошла к нему.

– Ну, иди, иди. – Анна благодарно погладила его по плечу и поцеловала.

Он вышел из дома. Она смотрела ему вслед из окна. Он махнул рукой и решительно зашагал на север. Лицо его было поднято к небу, а глаза полны слез.

Неделю спустя, когда молодая графиня продолжала принимать поздравления своих подданных, священник прибыл в Амль. Узнав, что его брат в тюрьме, он пришел ночью к ее воротам и удавился. Оpozнав тело, власти выпустили брата. Лилльский палач покинул город».

Знала ли об этом будущая миледи? Нет, конечно, да никогда этим и не интересовалась. Первая жертва исчезла из ее жизни, она даже была благодарна этой жертве за покладистость. Поломанная жизнь, загубленная душа. Отвергнут и забыт! Что ей до того? Миледи больше не думала о нем. Наступила и пошла дальше. Это сделано пока что не со зла и не на скользком пути мести. Просто эгоизм не знает сострадания. А кто не знает сострадания, пропадает.

Она перешагнула черту, после которой человеку стоит неимоверных усилий обрести путь к спасению. В момент прощания миледи, почувствовав одновременно и сожаление, и облегчение, с радостью и ожиданием вступила на дорогу, приведшую ее в конце концов к позорной смерти.

Еще Артур подумал, что это должно как-то отразиться на ее облике. Мудрец или художник видит изменение внешности девушки, ставшей женщиной. Так и в этом случае: детские черты должны улечься, все линии обрести четкость и завершенность. У зла достаточно ума, чтобы при дневном свете выглядеть совершенством.

«На следующий день состоялось пышное бракосочетание графа де Ла Фер и Анны де Бейль. Роскошное кольцо – голубой сапфир в окружении бриллиантов – украсило в ночь любви руку голубоглазой девушки».

Анна уже тогда должна была производить необыкновенное впечатление – незаурядный ум и опьяняющая внешность. Иначе первый вельможа не сделал бы ее первой дамой Берри.

Артур, поколебавшись, все же решил, что она – первая дама Берри, а не Ла Ферра. Он выяснил, что Ла Ферра – это город в шести лье от Сен-Кантена в Пикардии. Возможно, прадед Атоса, Ангерран де Ла Ферра, знал его губернатора Антуана д'Эстре, отца Габриель д'Эстре. Ее дети от короля Генриха IV положили начало Вандомскому дому. Ее внуком был герцог де Бофор, смелый и косноязычный персонаж романов «Двадцать лет спустя» и «Виконт де Бражелон». Габриель чуть не стала королевой Франции. Она умерла внезапно в 26 лет к выгоде клана Медичи. После ее смерти ничто не помешало Марии Медичи стать женой короля Генриха IV.

А что же сам граф де Ла Ферра? Молодой человек, образованный, умный, физически одаренный. Черные волосы, средний рост, прекрасная фигура, красивые руки. Спокойствие и дворянское равенство со всем миром, как выразился Пастернак. Пьеру Корнелью в ту пору шел только четырнадцатый год, и «Сид» еще не был им прославлен на весь мир. Однако, подобно Сиду, граф мог бы сказать: мне страсть дороже жизни, но честь дороже страсти.

Артур в который раз позавидовал поэтам. «Поэт, – думал он, – отличается от всех прочих тем, что точно и емко формулирует мысли и чувства. Одна фраза может перетянуть несколько скучных диссертаций».

Между тем Артур добрался до одного из самых загадочных событий романа. Он медлил, как пловец, входящий в воду.

Из главы «Совет мушкетеров»:

«– Ведь мертвые не возвращаются обратно.

– Вы так думаете, Портос? – ответил Атос с мрачной улыбкой».

Анне де Бейль удалось вернуться. Но это была уже не прежняя целеустремленная, хотя и наказанная, эгоистка. Нет, это было существо из ада, не находящее покоя, не знающее жалости, неутомимое, готовое убивать. Обольстительная тигрица, питающаяся человечиною. По крайней мере, такой она предстает перед нами по воле автора.

Артур глубоко вздохнул и бросился в воду.

«Всадник и всадница скакали по освещенной солнцем заброшенной лесной дороге. Из лесу до них доносился отдаленный звук охотничьего рога. Кони шли размеренным галопом. Счастливые и раскрасневшиеся от скачки лица двух молодых людей – графа и графини де Ла Ферра чаще смотрели друг на друга, чем на дорогу.

Ничто не предвещало беды. Выскочив из-за поворота, они прямо перед собой увидели низко наклонившееся дерево. Лошадь графини от неожиданности заупрямилась, и графиня, не удержавшись в седле, упала на землю и потеряла сознание. Граф, прыгнув с седла едва ли не раньше, чем его жена коснулась земли, подбежал к ней и попытался привести ее в чувство.

Первые его попытки оказались тщетными, и тогда он кинжалом разрезал застегнутую плаття, освободив графиню от теснящей дыхания ткани.

Грудь и плечи женщины были покрыты испариной, пальцы графа наткнулись на легкую шероховатость кожи. Чтобы убедиться, не ранена ли графиня, он внимательно осмотрел ее плечо и обмер.

Под ярким солнечным светом его взору предстало небольшое, малозаметное, рыжеватого оттенка клеймо в виде лилии французского королевского дома. Он потряс головой, сомнений не оставалось, плечо украшала лилия, которой во Франции клеймили воровок.

У него потемнело в глазах. Стыд, ревность, гнев, унижение, отчаяние – в течение страшной минуты все испытанные им чувства переплавились в решительность. Он подобрал брошенный кинжал и шагнул к беспомощно лежащему телу».

Артур вынырнул. Ну, допустим. Но что произошло дальше? Он почувствовал дыхание тайны. Где-то совсем близко лежал узорчатый ключ, золотое звено, большая пружина романа.

«Любовь это лотерея, в которой выигравшему достается смерть!» Выигравшему – приговор!

Священник выиграл смерть! Констанция Бонасье выиграла смерть! Герцог Бэкингам выиграл смерть! Фельтон, убийца Бакингема, выиграл смерть! Миледи выиграла смерть!

Не всякий, кто умирает, выигрывает любовь, но всякий выигравший любовь умирает. Ничего себе, диалектика жизни! В романе за все три с лишним года действия д'Артаньян не убил ни одного гвардейца кардинала.

Атос был ранен, Портос был ранен, Арамис был ранен, д'Артаньян был ранен. Двое из четырех слуг были ранены. Таковы реалии.

Артур пришел к необходимости поделиться своим открытием.

Он знал, с кем можно поговорить. Раньше Артур чуть ли не каждое лето проводил с матерью у своего крестного на даче. Крестный приходился Марине двоюродным братом и имел старую дачу, которая досталась ему от родителей.

С ним можно было беседовать на любую тему. Как и Артур, он с детства любил книги и много читал. Потом стал ученым-историком и отличным спортсменом (повзрослев, Артур откроет для себя понятие «каллокагатия» – аристократический идеал античных греков – быть развитым внешне и внутренне, а затем «софросине», или здравомыслие и чувство меры). При рождении ему дали имя хотя и латинское, но тоже вполне подходящее – Константин.

Будучи историком, он состоял в партии, что, впрочем, не мешало ему быть идеалистом, то есть находиться в шаге от одиночества. Он давно прошел этот шаг.

Артур, как и мать, звал его Костей. Так уж он привык с детства, с первых слов, вначале лепетал: Котя, а потом твердо – Костя.

Августовским днем Артур вышел из электрички на железнодорожной станции Удельная, спустился на дорогу, полюбовался замечательным деревянным храмом и вскоре уже открывал калитку знакомого дачного участка.

А через два часа они сидели в саду за столом, пили чай, беседовали, и ветер над ними играл верхушками сосен.

– Послушай, послушай, Костя, получается, что Дюма еще в прошлом веке вывел, что в основе всего лежит смерть.

– Ну, знаешь! Плиний в начале нашей эры утверждал, что человек начинает умирать с рождения.

– Я хочу сказать, что Дюма в «Трех мушкетерах» открыл для читателя экзистенциализм. Костя улыбнулся.

– Почти на сто лет раньше Ремарка, – продолжал Артур. – Не смейся. Как у Ремарка, герои Дюма любили... и умирали. Как будто человек рождается только затем, чтобы узнать, что такое любовь.

– Все романы о любви и смерти, – сказал Костя. – Остальное, как говорит Екклезиаст, суета и томление духа.

– Но разве это все, что хотел сказать Дюма? Ведь есть же еще что-то?

– Думаю, есть. Понимаешь, тогда романы писали люди зрелые, в те времена за приключениями и занимательным сюжетом всегда скрывались серьезные вещи, из тех, что волновали писателя. В них отражались тенденции общества, которые не могли быть высказаны открыто. Издавна писатели знали нечто неизвестное общей массе, считая себя обязанными высказаться. Иногда даже прибегали к шифру, понятному немногим.

– А сейчас? – Артур смотрел на Костю во все глаза.

– Так было, есть и, надеюсь, будет.

– Почему?

– Общество стратифицировано.

– Как это?

– Есть разные слои с различными интересами и целями, – пояснил Костя. – Часто они вынуждены эти цели скрывать. Они очень влиятельны, очень богаты и очень заинтересованы в своих замыслах. Мстительны. Если им угрожают или их разоблачают, они готовы на все.

– Открывают огонь на поражение?

– В переносном смысле. Хотя бывает и в буквальном. Писатели – люди известные. Поразить требуется не самого писателя, а его идею. Поэтому в лучшем случае его обвиняют в некомпетентности, а то и в помешательстве. – Костя взглянул на Артура. – Видишь ли, все серьезные вещи в жизни имеют три стороны: публичную, частную и тайную. Публичная сторона романа Дюма – это то, что показывают нам в кино, по ней большинство людей судят о книге. Но ведь есть множество таких, кто не раз и не два читал роман. Они находят в нем частную сторону. В глубине частной жизни мы с тобой открыли экзистенциализм. Он лежит в подсознании человека, и люди безотчетно тянутся к нему.

– Но есть и тайный шифр?

Костя погладил подбородок.

– Возможно, только установить его трудновато.

– Ну, не тяни, Костя.

– Тебе нужны примеры? Изволь. Ну, скажем, ты помнишь эпизод, когда Атос проиграл англичанину лошадь, а заодно и лошадь д'Артаньяна?

– Лорду Винтеру? Конечно. Потом д'Артаньян свою лошадь отыграл.

– А Атос убеждал его взять деньги вместо лошади.

– Ага, он еще сказал, что вдвоем на одной лошади они будут похожи на сыновей Эмона, потерявших своих братьев.

– Вот! – Поднял палец Костя. – А какие ассоциации возникают, когда говорят о двух всадниках на одной лошади?

– Какие?

– Орден бедных рыцарей Христа и Храма Соломона! Наше внимание фиксируется на исторических корнях сюжета.

– Тамплиеры? Ну, это он мог и просто так сказать.

– Маловероятно, – сказал Костя. – К тому же братьев было четверо, и их замечательный конь Баярд мог нести всех четверых. Братья противостояли Карлу Великому, представителю новой династии, и были сыновьями вдовы. Возникает цепь аналогий.

– Четверо против кардинала?

– Вот именно. И не только.

– А почему ты вспомнил о тамплиерах?

– Я сейчас перевожу одну средневековую поэму. Все европейские тайны оттуда.

– Расскажи, Костя. Пожалуйста.

– Конечно расскажу. Пойдем прогуляемся, – предложил Костя.

Артур вскочил, готовый идти куда угодно. Они вышли за калитку и направились к стадиону.

Чтобы приземлиться за дальними дачами, солнце превращалось в огромный красный шар. Внизу уже лежали тени, и лишь золотые вершины сосен никак не хотели уступать вечерней тьме.

– Это повествование, – рассказывал Костя, – о событиях в Outremer – Заморской земле, которую посетил во времена крестоносцев рыцарь Иоганн фон Вюрцбург. Оттуда он привез в свой замок в Баварии (тогда это была Нижняя Франкония) целый сундук свитков, в числе которых оказалась и эта поэма. Замок и сейчас возвышается в окружении виноградников над городом Вюрцбург.

И Костя поведал Артуру таинственную историю о Caput mortuum – Мертвой голове. Вот эта история.

Неоконченная история о Мертвой голове

Иоганн фон Вюрцбург прибыл в древний город, занятый крестоносцами. Паломники стремились туда, несмотря на все опасности путешествия. Рыцарь посетил холм рядом с Золотыми воротами, где еще оставались частично разрушенные строения разграбленного Храма, а на скале возвышалось Святилище.

Ниже располагались огромные конюшни Соломона, где рыцарь намеревался поставить свою лошадь. Конюшни были столь обширны, что могли вместить не меньше двух тысяч боевых коней, и Вюрцбург надеялся без труда найти место.

Действительно, в помещениях конюшен было пусто. В дальнем углу шли какие-то работы. Мастер, наблюдавший за работами, оказался знатным рыцарем. Звали его Бертран де Бланшфор. Фон Вюрцбург, представившись, почтительно приветствовал его. Выяснилось, что у них есть общие знакомые.

Со временем Бланшфор проникся к образованному паломнику большим доверием и показал ему ведущиеся раскопки.

Осматривая участок, где велись работы, Вюрцбург заметил, что некоторые землекопы, с благородными лицами, крепкими, но изящными руками, роют землю заступом, другие работают небольшими совками, третьи же сметают землю кисточками из конского волоса.

Он поинтересовался у Мастера, нашли ли что-нибудь в этой священной земле. И тогда Бланшфор отвел его в тайное помещение, где лежали рукописи, тщательно переписываемые учеными монахами.

Затем он, не удержавшись, открыл еще одну дверь. В центре комнаты стоял покрытый золотом серебряный ковчег в виде головы прекрасной женщины.

Ничего подобного Вюрцбург никогда не видел. Бланшфор с благоговением открыл ковчег, внутри обнаружили обернутые в белоснежное полотно, отделанное красным шитьем, небольшого размера череп и кости.

Мастер поведал, что однажды он приютил странника преклонных лет, который рассказал ему одну историю. Выслушав ее, Бертран де Бланшфор оставил свою супругу Фабрису и вместе с братьями Раймоном и Арно отправился в далекое путешествие, чтобы заняться раскопками в Святой земле. Вот что рассказал ему старик:

– В молодости я полюбил девушку из знатной семьи. Все счастье моей жизни заключалось в ней. Часы, проведенные с любимой, казались мгновениями, мгновения без нее – часами. Стоило мне ее увидеть, и забывалась любая беда, рана, вид поля после битвы и ледяной ветер на марше.

В один несчастный день я возвращался из похода, стремясь всем сердцем к своей Исе, так звали мою невесту, однако сердце мое билось не радостно, но тревожно. Тревога усилилась, когда я разминулся на дороге с богатым шевалье: на его щите были изображены три черные головы. Вид этих голов действовал угнетающе. Стало совсем тяжело.

Позже, уже при других обстоятельствах, я вновь повстречал этого рыцаря, и вид черных голов нимало меня не смутил. Счастливый, я напомнил ему первую встречу и не утаил от него ничего из тех удивительных событий, что последовали сразу за ней.

Итак, со щемящим сердце чувством я спешил к своей несравненной Исе. Предчувствия не обманули меня. Дом моей невесты был в трауре, и, едва соскочив с коня, я узнал, что она умерла. Мало того, несколько часов назад ее предали земле. Мне показали свежую могилу, и я бросился на землю, обнимая ее, как обнимают любимых, и пролежал, не помня себя, до темноты.

Когда стемнело, я встал, кровь забила во мне, я жаждал действия. Я хотел непременно оказаться рядом с ней – она лежала там, в глубине, такая одинокая, незащищенная. Я желал, я стремился разделить с ней ее горькую участь. И тогда я приказал оруженосцам раскопать могилу. Земля была как пух, я помогал им, в несколько минут мы добрались до гроба. Мы подняли его и на руках отнесли в мой дом, стоявший неподалеку от кладбища.

Я отослал всех, запер двери и открыл крышку. Моя непорочная Иса лежала как живая, только бледная и холодная. Стоит ли говорить, что в исступлении я покрыл ее бесчисленными поцелуями. Я старался согреть в своих руках ее руки. Я чувствовал, как захлестывает меня любовная страсть, и ничего не мог с собой поделать. Мнилось не мертвое, но живое тело лежит передо мной.

Внезапно мне показалось, что стены комнаты сошли со своих мест, а потолок двинулся вниз. Я увидел, что веки моей покойницы открылись, и она села, испуганно глядя на меня. Я упал на колени и осенил себя крестным знаменем. Моя невеста была жива!

Когда мы оба успокоились, вот что она мне рассказала:

– Ты уехал, и я очень скучала. Но третьего дня пришла весть, что через наши места проедет сам Золотой голос королевства, первый из поэтов, ученый и философ. Я сгорала от любопытства и попросила моего отца пригласить его остановиться в нашем доме. Мое желание осуществилось, я познакомилась с ним, он был прекрасен, несмотря на годы. Говорили, что волшебство его голоса очаровывает женщин, и те, кого он сделал счастливыми на миг, долго хранят воспоминания о нем. Большинство же, чьи назойливые притязания он отверг, полны сожаления, среди них есть и такие, кто ненавидит его за это. Увы, последующие события убедили меня, что людская молва не лжет. К слову сказать, ко мне он отнесся, как к дочери.

Золотой голос, привыкший к общему вниманию, порадовал нас божественной музыкой и неподражаемым пением. Баллады, которые распевал этот благородный рыцарь, были восхитительны.

Чудесным днем мы вдвоем сидели на берегу нашей реки. Он тихо перебирал струны, нежная мелодия сопровождала его негромкую речь. До слуг не доносились его слова, и я была единственным человеком, кто выслушал начало удивительного повествования.

Внезапно наша идиллия была прервана самым грубым образом. Послышался нарастающий конский топот, и я увидела, что к нам устремилось несколько амазонок. Наши слуги оказались сбитыми с ног, моя кастелянша, кинувшаяся ко мне, упала, и я оцепенела от страха.

Лица амазонок были прикрыты белыми вуалями, они сидели на лошадях верхом как мужчины. Завидев моего гостя, они с криками выхватили оружие. Нахмурившись, он отбежал на несколько шагов в сторону, чтобы не подвергать меня опасности, и выхватил кинжал.

Они налетели, как вихрь, я успела заметить, что острые, как бритва, мечи амазонок коснулись его тела, фонтаном брызнула кровь. Крик застрял у меня в горле, когда я увидела голову поэта, с глухим звуком упавшую с высоты его тела на землю. Голова покатила к воде, я почувствовала, что лечу в темноту, все исчезло.

Если бы не ты, мой любимый, я никогда больше не смогла бы увидеть солнечный свет.

Взволнованный, я смотрел на нее, переживая вместе с нею ужасные события того дня. Она продолжала свой рассказ:

– Когда появились эти фурии, Золотой голос приступил к одной истории, что врезалась мне в память, и если я не расскажу ее тебе, она вечно будет терзать меня. Слушай же начало этой истории.

– Последнее время, – Золотой голос говорил немного нараспев, – я много путешествовал. Мне посчастливилось посетить одну школу древней мудрости, где я познакомился с учителем по имени Раши. Раши долго жил среди людей, посетил разные города и страны, много знал и многое помнил. Однажды он поведал мне, что у подножия Храма в Святой земле, где тысячи конских копыт вытоптали песок, зарыты сокровища, из тех, что имеют силу, но не имеют цены.

«Придет время, – сказал Раши, – и они откроются людям по воле Господа». Раши рассказал мне, что он собственными глазами видел чудесную женскую голову, выполненную из золота и серебра, но ценность ее составлял не благородный металл, а то, что было помещено внутри головы. Полая, она содержала мощи Непорочной Девы, а сила, заключенная в них, творила чудеса. Стоило только...

– Стоило только...? – спросил я у Исы.

– В это самое время, – ответила она, – появились с криками амазонки. Золотой голос потянулся рукой к горлу и сжал в руке шнурок, на котором висел его нательный крест. Что было дальше, ты знаешь.

Костя замолчал.

– А дальше? – Артур с ожиданием посмотрел на Костю.

– А дальше ты приехал, и я остановился.

В эту ночь Артур видел сон.

Они с Костей спускаются в огромное помещение, где стоят лошади всех мастей.

– Где мы? – спрашивает Артур.

– Это конюшни царя Соломона, – говорит Костя.

Они идут и идут вдоль денников до самой дальней стены. Там Костя находит лопату и начинает копать яму в земляном полу.

Свежий утренний ветерок обдувает их лица. Через раскрытые ворота и окна наверху виднеется голубое небо в легкой дымке, как на картинах Леонардо.

– Мы что-то ищем?

– Краеугольный камень, который отвергли строители, – голос Кости звучит торжественно.

– Разве его надо искать в земле?

– Это не просто земля, это – Удел.

Костя нагибается и извлекает из земли медную табличку, похожую на те, что во времена детства Артура висели на дверях коммунальных квартир, указывая, кому сколько раз звонить. На табличке написано: «Ваше место во внешнем круге».

– Смотри, Костя! – Артур поворачивается к воротам.

От ворот конюшни к ним приближается белый конь. На лбу у него длинный и острый рог.

– Это и есть Баярд?

– Это – Непорочный Единорог, – шепчет Костя. – Ну же, садись.

Они вдвоем садятся на коня, и тот, легко выскочив на белый свет, спрыгивает с Храмовой горы. У Артура захватывает дух.

Все исчезло, и он проснулся.

Воздух, пахнувший разогретой травой и теплым сосновым деревом, через открытое окно вливался в комнату. За окном щебетали птицы. Щемящим стоном издали донесся гудок летящей мимо Малаховки электрички.

В тени дома загорелый Костя в одних плавках ворочал тронутую пятнами ржавчины штангу.

Артур рассказал про сон. Костя выслушал и покачал головой. Они поговорили, и Костя опять взялся за штангу.

Пока Артур обошел все закоулки знакомого с детства сада, подставляя лучам солнца гладкое тело горожанина, Костя вынес на улицу два ведра холодной воды и вылил их себе на голову.

Что может быть лучше завтрака на природе! Костя умел быстро и аккуратно накрыть на стол, сказывалась привычка к одинокой жизни, сохраняющей чистоплотность, этот закон цивилизованного мира. Все было просто и в то же время изысканно.

За завтраком вернулись к прежней теме. Стол стоял под яблонями, и наливающиеся соком осенние яблоки пригибали ветви, как будто стремились лучше расслышать их беседу.

– Вот ты говоришь: д'Артаньян выиграл лошадь. – Костя поставил чашку на блюдце и посмотрел на Артура.

– Я говорю?

– Да. А как он ее выиграл?

– Как? С большим трудом. Он бросил кости: на одной была двойка, а на другой – вообще единица. Очень неудачный вариант.

– Потом бросил англичанин.

– Ага, у него оказались две единицы, и Атос сказал, что за всю жизнь он видел всего три раза такой бросок.

– Правильно! Он даже сказал где.

– Да, один у господина де Тревиля, потом у себя в замке, когда у него был замок, а вот третий... Третий не помню.

– А третий, – напомнил Костя, – у господина де Креки.

– Что еще за господин де Креки?

– Шарль де Бланшфор, сеньор де Креки, – торжествующе сказал Костя. – Будущий маршал Франции. Если хочешь знать, особняк, в котором во время своего приезда в Париж жил Петр I, принадлежал некогда ему, господину де Креки. Так вот, – продолжал Костя, – французы XIX века разбирались в генеалогии. Этот сеньор де Креки был потомком Бертрана де Бланшфора, четвертого магистра двух рыцарских орденов: ордена Храма и Сионского ордена.

– Про тамплиеров я знаю. А Сионский орден?

– Считается, что он просуществовал до 1188 года.

– А потом?

– Потом? Потом их дороги разошлись. Сионский орден малоизвестен. Но, судя по всему, весьма влиятелен. – И Костя опять взялся за чашку.

3. Искатели жемчуга

В тот раз Артур остался на даче еще на один день. У него заканчивались студенческие каникулы, а Костя догуливал свой долгий преподавательский отпуск, во время которого он готовил статью в какой-то ученый журнал.

– Костя, меня все-таки мучает вопрос: как миледи могла спастись?

– Когда ее повесили?

– Да.

«Граф де Ла Фер разрезал платье и стащил его с графини. Лежащая в обмороке женщина осталась в одной батистовой сорочке, чулках с подвязками и высоких инурованных туфлях. Разрезав инурки, он снял с нее и обувь, затем прислонил безжизненное тело к стволу дерева, носовым платком связал ей за спиной руки.

Лошадь графини стояла над ней, тянулась губами к лицу. Граф двумя взмахами ножа отрезал волочащийся по земле повод, сделал из него петлю, вскочил на своего коня и привязал конец петли к нависавшему над дорогой дереву. Потом, не слезая с седла, поднял графиню, накинул ремень ей на шею и, оставив висеть над землей, пустил коня галопом».

Старая дача довоенной постройки позволяла Косте иметь все условия для жизни и работы даже зимой. У него был кабинет с огромной и, видимо, хорошей библиотекой. Часть книг он нашел в сундуках на чердаке, привел в порядок и очень ими дорожил. Немало книг содержало позабытую букву ять и твердый знак на конце существительного. Были старые, даже старинные книги на иностранных языках. Окончив исторический факультет, Костя неплохо знал языки: французский и английский, читал по-немецки. Немецкий он учил еще в школе.

Библиотеку Костя постоянно пополнял. Кое-что из нее перепало и Артуру. Так Артур прочел «Сын человеческий» Андрея Боголюбова. Книга была издана в Брюсселе, и для Артура она стала узенькой шелочкой в «железном занавесе», который Советский Союз опустил перед большинством своих граждан.

Позже Артур прочел «Истоки религии», «Магизм и единобожие» Эммануила Светлова.

Спустя много лет Артур узнал, что Боголюбов и Светлов – это один и тот же человек, подмосковный священник Александр Владимирович Мень, убитый ранним сентябрьским утром по дороге к храму.

На обширном письменном столе у Кости располагалась массивная чернильница из мрамора, рядом, как танк, стояло мраморное пресс-папье. Стол был завален книгами, исписанными листами бумаги, газетными вырезками, иностранной прессой, справочниками и словарями. Артура всегда влекло к нему. Кроме переводимой поэмы на столе лежал также незаконченный перевод с английского.

Артур прочел:

Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Каким образом? Мы найдем единомышленников, помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания.

– Что это, Костя?

Костя тоже подошел к столу, посмотрел, что читает Артур.

– Слышал такое понятие – классовый враг?

Артур был поражен и подавлен. Он как будто заглянул в микроскоп и увидел смертельную дарвиновскую борьбу за выживание. Похолодев, он стоял и смотрел на Костю, безмолвно требуя объяснений.

– Видишь, как все непросто, – сказал Костя. – Это политика, Артур. В политике насилие возводится в принцип, а лицемерие становится правилом.

– А мы? Мы чем отвечаем? Что можем противопоставить?

Костя придумал своему голосу бодрые интонации:

– Как что? Столетие Ленина, социалистическое соревнование, политучеба, доклады, рефераты, доски почета, наконец!

Артур покачал головой:

– Значит, ты считаешь, что мы уже заразились? И лечим вирус антибиотиками?

Костя развел руками.

Возвращаясь в Москву, Артур посматривал в окно вагона, вспоминал беседы с крестным, восхищался, правда не без снисходительности технократа к гуманитарию, его знаниями и нетривиальным (так бы он выразился) мышлением.

От Казанского вокзала он шел домой пешком. Асфальт еще хранил тепло летнего дня. Солнце пряталось за высокими домами, наступал вечер. Молодые люди в рубашках с закатанными рукавами и отглаженных брюках клеш шли в кино и на танцплощадки. Девушки в коротких юбках и туфельках на каблучках вызвали желание оглянуться.

Знакомое чувство ожидания и надежды, прекрасное чувство, свойственное молодости, рождалось в сердце Артура. Он любил свой затихающий город, привычный низкий свист набирающего скорость троллейбуса, первые огни фонарей в прозрачных сумерках, отдаленные птичьи голоса тормозов на Садовом кольце.

Артур вздохнул.

– Ну, как там наш чернокнижник? – Марина жарила микояновские котлеты (55 копеек за десяток).

Артур сидел на кухне, ждал ужина и рассказывал ей о Косте, вернее, о предмете их разговоров.

– Кто был настоящим чернокнижником, так это кардинал Ришелье. Костя сказал, что в кардинальском дворце была большая библиотека, и в ней книги по магии и каббалистике. Знаешь, кто был его настоящим противником? Габсбурги. Та же Анна Австрийская, дочь испанского короля и сестра испанского короля. А брат Людовика XIII Гастон Орлеанский постоянно устраивал заговоры против короля и кардинала.

– Кардинала даже король боялся? – Марина накрыла котлеты крышкой, чтобы они стали сочнее.

– Не совсем так. – Артур смел с клеенчатой скатерти несуществующие крошки. – Отношения были куда более сложными. Кардиналу даже приходилось подавать в отставку. Против него были и мать короля, и жена короля, и брат короля, да еще фавориты короля.

– И он всех победил?

– Почти.

– Что значит почти?

– Мать король отправил в изгнание, брата король не мог простить за его женитьбу на Маргарите Лотарингской.

– Почему?

– Костя сказал, что Лотаринги всегда претендовали на французский трон. Брат Маргариты Шарль де Гиз несколько раз изгонялся из своих владений.

– А королева?

– Анна Австрийская? Очень поздно родила наследника, поэтому ее номер был шестнадцать. Короче, Ришелье в конце жизни все-таки был отправлен в отставку и поселился в Тарасконе.

– Как Тартарен из Тараскона?

– Ага. Отставка, правда, длилась недолго.

– Почему? – Марина стала расставлять тарелки.

– Потому что новым фаворитом стал Сен-Мар. Он должен был стать и заменой кардиналу. А кардинал очень скоро получил из Арля от своего агента копию договора, который Сен-Мар заключил с Испанией от имени брата короля. Кардинал спокойненько переслал эту копию королю, и всё: бобик сдох. Сен-Мар был казнен, а Ришелье вызван обратно в Париж.

– Полная победа?

– Как сказать! В этом же году кардинал умер, а спустя полгода умер и сам король.

– Он был старым?

– Когда умер? Да нет, не очень. Королю было чуть больше сорока, а кардиналу пятьдесят семь.

– Как ты все это запомнил?

– Запомнил. Костя интересно рассказывал. Послушай, послушай, после себя Ришелье оставил Мазарини. Тот принял дела королевства и стал фаворитом Анны Австрийской. Но герцог Орлеанский продолжал бороться за престол.

Организовалась Фронда, куда вошла знать: герцог Булонский, Ларошфуко, Лонгвилли.

– Тебе две или три котлеты?

– Лучше три. Хорошо бы еще вилку. Спасибо.

– Кушай, не спеши. Ну, и что было потом? – Марина тоже присела за стол.

– Потом о Ришелье вспоминали как о великом человеке. Вырос Людовик XIV и стал королем-солнцем. Костя назвал его солнцепоклонником. – Артур потянулся за хлебом. – В «Виконте де Бражелоне» описано, как начиналось новое правление.

«Виконт де Бражелон». Первый раз Артур открыл эту книгу 11 октября 1963 года. Помнится, он сделал уроки, сложил в портфель тетрадки и устроился в старом кресле.

Артур не знал ничего лучше, чем погрузиться в интересную книгу. Он был один, сумерки постепенно заполняли комнату, впереди его ждали приключения. И так – в середине мая 1660 года...

Когда Марина пришла с работы, уже совсем стемнело. Артур не без усилий оставил XVII век, чтобы вернуться к действительности. По телевизору показывали улыбающегося Хрущева.

Хрущев обещал, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Построение коммунизма привязывалось им к 1980 году. Люди при коммунизме будут трудиться, но получать не по труду, а по потребностям. Правда, потребности должны быть без особых фантазий. Хрущев мысленно мог снабдить гражданина драповым пальто с каракулевым воротником, добротным костюмом, а автолюбителя (странного типа, предпочитающего вместо общественного транспорта кресло шофера) – автомашиной «Москвич».

Когда развернулось быстрое строительство жилья – «хрущевок», стало ясно, что в конце концов все городские жители получат малогабаритные квартиры, в которые поставят шкафы из древесно-стружечных плит, в которые повесят драповые пальто с каракулевым воротником, в которые на лето положат мешочки с нафталином, который в достатке будет лежать на полках магазинов бытовой химии.

Торговля продуктами стремительно улучшалась: стали открываться магазины полуфабрикатов, так называемые домовые кухни и кулинарии (последние вечно вызывали трудности с ударением, иногда человек в двух соседних фразах ставил ударение в этом слове на разных слогах). В начале 60-х годов в центре Москвы магазины даже начали разносить по квартирам свежий хлеб и молоко. Это были первые шаги к коммунизму.

В небольших городах и селах дела шли не так быстро. Вместо мяса на прилавках лежала рыба, зато на рынке можно было купить хоть телятину, хоть свиную голову.

Однако плотина ограничения потребностей не выдержала, ее смел поток людских желаний. Хрущев сам же открыл форточку на Запад.

Организованная ему в отместку по всем правилам энгастромитов нехватка хлеба стерла воспоминание о призраке коммунизма.

Как беззаботное утро в детстве, ушли в прошлое порожденная оттепелью романтика и песни у костра о далеких городах, о дальних странствиях, о безыскусных и бескорыстных отношениях.

Песни парней из Ливерпуля повернули на сто восемьдесят градусов очарованных тайгой и туманом странников. Романтики надели джинсы и встали в очередь за советским «фиатом».

В ту пору Артур не заметил поворота, он с головой ушел в учебу, на старших курсах физфака вел научные исследования, написал статью в научный журнал. Физический институт Академии наук брал его в аспирантуру. Очнувшись после защиты диплома, он вдруг обнаружил, что живет в незнакомом месте. Все вокруг изменилось. Он устыдился своего старого темного пальто: такие его сверстники давно не носили, потертой зимней шапки из искусственного меха – молодые люди уже выкинули их на помойку. Поношенный костюм и ковбойка требовали срочной замены на нечто более современное.

Он вдруг заметил, что с прилавков исчезли привычные продукты, перейдя в разряд дефицита, люди стали покупать колбасу целыми батонами, тогда как раньше ее покупали по сто граммов, и продавцы нарезали ее тонкими прозрачными ломтиками. Из строителей нового общества образовалось общество потребления.

Косыгинские реформы 1965 года успели перевести советскую экономику на денежные показатели. Стали забываться трудодни и натуральные результаты. Хозрасчетное предприятие стремилось обзавестись рублями. При нормированных ценах возникли излишки денежной массы. Вся страна стала в очередь. Все превращалось в дефицит. Из деревень поехали в город за апельсинами и колбасой.

Досадная неприятность – рубль не являлся конвертируемой валютой. Легче всего эту неприятность можно было обойти, экспортируя на Запад сырье. И тогда страна, как к наркотику, приучилась к сырьевому экспорту. Прощай, коммунизм, даже в драповом пальто.

А что же идеология? Полулегально явились идеи йоги. Широко издавались романы Ефремова, приобщая читателя к теософии. Спустя четверть века, в начале перестройки, вдруг так же неожиданно появятся очерки по западному оккультизму. Круг замкнется. Двинувшись на Восток, придут на Запад. И змея уцепится за собственный хвост.

Однако ранней осенью шестьдесят третьего Хрущев еще уверенно улыбался с экрана неуверенно работающего телевизора «Старт».

– Артур, оторвись от телевизора. Можешь завтра заехать к Косте? Он получил гонорар и решил подкинуть нам к празднику. Заедешь?

– Когда?

– Он сказал, часам к четырем будет дома. Только долго не засиживайся. Ладно?

«Анна де Бейль на коротком ремне повисла между небом и землей. Петля захватила голову вместе с волосами и, зацепившись за подбородок, не затянувшись на горле. Из-под нижней рубашки по чулкам потекла и стала капать на землю кровь.»

Несколько секунд спустя тело пришло в движение: ноги подтянулись к груди, бледное лицо покраснело, закатившиеся глаза открылись и безумно вращались, связанные руки задержались. Тонкие кисти, охваченные платком, с усилием освободились и инстинктивно ловили воздух. Через мгновение женщина вцепилась в свисающие ветви дерева, ей удалось немного подтянуться, чтобы сделать вдох.»

Наконец, захватив одной рукой ствол, она скинула с головы петлю. Это отняло у нее последние силы, она рухнула на землю почти бездыханная, но живая.»

Артур любил бывать у Кости. Тот жил неподалеку, в районе Чистых прудов. Рядом находился кинотеатр «Колизей», а чуть дальше – «Аврора». Туда вполне можно было добраться

пешком. Это занимало не больше двадцати минут. Сорок пятый троллейбус довозил его минут за пять.

В субботу после школы он отправился по известному адресу. Во дворе стоял черный ЗИМ, и Артур понял, что к Косте приехал Глеб.

Глеб Лобов подружился с его крестным еще в школе. Когда Костя жил в эвакуации, они с Глебом учились в одном классе. Шла война, семьи московских служащих вывозились из Москвы. Костя попал к родственникам (к бабушке и дедушке Артура) в соседнюю с Московской область.

Вскоре после войны они с Глебом окончили школу и расстались. Костя получил золотую медаль и, вернувшись в Москву, поступил в университет. Глеб остался в родном городе, учился в педагогическом институте, после нескольких курсов из института ушел, принял монашеский постриг, окончил духовную академию и в тридцать лет стал епископом. В начале шестидесятых после I Всехристианского Мирного Конгресса он уже вошел в Священный Синод Русской Православной Церкви и представлял ее во Всемирном Совете Церквей.

Костя и Глеб сидели за обеденным столом. Глеб привез торт, шоколадные конфеты, яблоки. Костя, как все малопьющие люди, любил сладкое.

Артура усадили, налили чаю, положили огромный кусок торта. Прерванный было разговор продолжался.

– Послушай, – говорил Костя, – насколько я знаю историю, Папа Иоанн XXII правил в четырнадцатом веке, потом был антипапа Иоанн XXIII – в пятнадцатом, и с тех пор Папы себя Иоаннами не называли.

– Все правильно. Когда пять лет назад его избрали Папой и он выбрал себе имя Иоанн XXIII, представляешь, для Ватикана это стало полной неожиданностью. Формально он мог себе это позволить, так как официально низложенный Папа в списке не фигурирует. Фактически же он стал еще одним Иоанном XXIII.

Костя чистил ножом яблоко. Артур тоже заинтересовался:

– А вообще-то как его зовут?

– Звали, – сказал Глеб. – Он умер этим летом. Анжело Джузеппе Ронкалли. Сейчас новый Папа Павел VI.

– А сколько всего было Пап?

– Павел VI считается 264-м.

– Ничего себе!

– У католиков, – сказал Глеб, – есть такой святой, он жил в двенадцатом веке, Малахия. Согласно его пророчеству, до конца света осталось еще три Папы.

– И будет атомная война?

– Нет, атомной войны не будет. А что будет – то нам неизвестно. Сказано: побеждающий не потерпит вреда от второй смерти.

– А я читал, – вступил в их разговор Костя, – что такое же пророчество принадлежит розенкрейцерам. И его относят к концу шестнадцатого века.

– Кто такие розенкрейцеры? – спросил Артур.

– Это такое старинное тайное общество.

Артур, удовлетворившись объяснением, атаковал кусок торта.

– Вот слушай, отец мой, – обратился Глеб к Косте, – мне сегодня позвонили из Парижа. Очень странный был звонок.

– Куда позвонили? – Костя перестал жевать яблоко.

– Прямо в резиденцию, на Гагаринский.

– Ну, тогда ясно, почему странный. Они же не дураки, понимают, что всего говорить нельзя.

– Все равно странный! – настаивал Глеб. – Говорили вежливо, по-русски и без акцента. Предупредили, что в ближайшее время мне придет приглашение из Франции, просили оказать любезность и принять его. Я, конечно, спросил: с чем связано приглашение? Они ответили: с внезапной кончиной Иоанна XXIII.

– Вот тебе раз! Так и сказали? По-русски?

– Ну да! Не Жан такой-то, а Иоанн двадцать третий! Вот тебе история с географией!

– Бывал в Париже?

Глеб кивнул:

– В прошлом году на сессии.

– Поедешь?

Глеб пожал плечами:

– Поживем – увидим.

– Так и сказали: с внезапной кончиной?

– Так и сказали. Хотя Папа Иоанн почил тому уже четыре месяца. Внезапной его кончину, пожалуй, не назовешь – 81 год все-таки. Почти две недели он был при смерти. Одна мексиканская газета даже на один день раньше сообщила о его смерти. – Глеб разгладил бороду. – Как видишь, мотивировка не слишком убедительна.

– Если было два Иоанна XXIII, почему бы не быть и третьему, – тихо заметил Артур.

Костя задумчиво посмотрел на Артура, тот покраснел, но Костя сказал:

– Слова не мальчика, а мужа. Надо подумать, Глеб.

– Ладно, думай, Костя, думай, а мне пора. Хорошо с вами, да надо ехать. – Глеб поднялся.

Артур помнил, что в тот вечер отправился домой вместе с Глебом. На заднем сиденье ЗИМа было просторно, на полу лежал ковер. Спинка переднего сиденья позволяла устроить позади еще два откидных места.

Глеб провез его по вечерней Москве, по бульварам. Они вышли на улице Рылеева. Апартаменты Глеба располагались на первом этаже. В длинном шкафу висели разноцветные церковные облачения. Глеб показал ему свое жилище, вручил две коробки конфет и отправил домой с шофером.

Артур возвращался на «Волге». Автомобиль мышиного цвета с оленем на капоте летел по Садовому кольцу без остановки, точно попадая на зеленые сигналы светофоров. Артур смотрел вперед, ему было хорошо, потому что завтра воскресенье и не надо рано вставать и еще потому что его ждет мама, у него есть интересная книга, а впереди – целый вечер. Он вспомнил чуть встревоженные лица Кости и Глеба. Прошел безмятежный день в стране, привольно раскинувшейся на одной шестой части суши благодаря труду, терпению и крови многих поколений.

«Волга» поравнялась с кинотеатром «Спартак», и Артур вынырнул из сладкой дремоты, готовясь выходить.

Плавно и бесшумно повернув, машина, как акула, приблизилась к его дому и остановилась, подрагивая сильным телом. Артур вышел. Перед аркой дома ему бросилась в глаза афиша: К. Глюк «Орфей». Не задерживаясь, он шагнул под арку.

В этом году Артур успел еще раз встретиться с Глебом у Кости. На этот раз Артур пришел с мамой. Марина и Глеб родились и выросли в одном городе, ходили в одну школу. Дружба с Костей не мешала Глебу в юности ухаживать за ней. Окончив школу, Марина уехала учиться в Москву. В институте она познакомилась с испанцем и влюбилась в синие глаза и шелковые черные волосы. Глеб к этому времени стал иеродиаконом.

Теперь, совсем взрослые, совсем разные, они представляли собой живописную картину за столом, заботливо накрытым Костей. Поверх крахмальной белой скатерти на темно-синем с золотом кузнецовском фарфоре располагались тонкими полукружьями бледная с желтыми прожилками севрюга, яркая семга, баночки с красной икрой и ряпушкой в томате, швейцарский сыр с овальными отверстиями и выступившей слезой, нарезанные свежие французские

булки. Натюрморт дополняла коробка конфет, миндаль в шоколаде, торт из ресторана «Прага», ваза с фруктами и две бутылки «Советского шампанского».

Все это великолепие размещалось перед хрупкой и беззаботной Мариной с непокорными светлыми кудрями, суховатым, начинающим лысеть Костей с крепкой шеей и внимательными глазами, плотным, любящим пошутить и посмеяться Глебом. Из-за длинных волос и бороды Глеб казался старше своих лет. Не забудем и Артура с девичьими ресницами и будто тронутый легким загаром кожей.

Говорил Костя:

– Меня недавно познакомили с одним молодым человеком, совсем еще мальчиком. Он пишет стихи, и, вы знаете, его без натяжки можно назвать настоящим поэтом.

Костя принес с письменного стола листки с напечатанными под копирку стихами.

– Вот послушайте!

Когда мы сердце ушибаем,
Где мысли лезут словно поросль
Нас душат бабы, душат бабы,
Тоска, измена, ложь и подлость.
Века они нам карты путают,
Их руки крепче, чем решетки,
И мы уходим, словно путники
В отчаянье и отрешенность.
Мы затухаем и не сетуем,
Что в душу лезут с кочергою,
Как ветлы, над промокшей Сетунью,
Шумят подолы Гончаровых.
Ах, бабы, бабы, век отпущен вам
Сперва на бал, сперва вы ягодка.
За вашу грудь убили Пушкина,
Сидела б, баба, ты на якоре!
Артур был в полном восторге.
В глазах Глеба засверкали веселые искорки.

Марина скрестила руки на груди:

– И как зовут это юное дарование?

– Леня Губанов.

– А что, Пушкина убили из-за Гончаровой? – спросил Артур.

– Такова, по крайней мере, внешняя причина дуэли, – ответил Костя.

– Как это? Есть и внутренняя? Расскажи, Костя.

– Возможно, дуэль Пушкина была спровоцирована по другим, скрытым соображениям.

Знаете ли вы, что Пушкин состоял в тайном обществе?

– Декабристов?

– Нет, – сказал Костя, – не декабристов. Пушкин был членом масонской ложи. Я видел заявление, написанное его рукой, с просьбой о вступлении в ложу «Трех добродетелей». Однако в нее он вступить не успел. Его приняли в Кишиневе в ложу «Овидий-2». – Костя посмотрел на Марину и Глеба. – Понимаете, друзья, вступающий давал клятву верности, нарушение которой каралось смертью.

Глеб поднял брови:

– Так он порвал с масонством?

– Смотрите, что я нашел. – Костя вернулся к письменному столу, продолжая говорить. – В феврале 1831 года он, как вам известно, женился на Гончаровой, а в конце этого же года поступил на службу. Вот нашел! – Костя прочел вслух:

Я, нижеподписавшийся, сим объявляю, что я ни в какой масонской ложе и ни к какому тайному обществу ни внутри империи, ни вне ее не принадлежу и обязываюсь впредь не принадлежать и никаких сношений с ними не иметь.

Титулярный советник Пушкин, 4 декабря 1831 года.

– Это подписка, которую Пушкин дал при поступлении в коллегии иностранных дел, – сказал Костя.

– А если бы он не женился?

– У истоков любого преступления стоит женщина. Стоит только поискать.

– Это все философия, – заметила Марина.

– Философов не люблю, – сказал Костя.

– Почему?

– Что такое философия? – Костя посмотрел на свет сквозь бокал шампанского. – По-русски означает любовь к мудрости. Обратите внимание, не мудрость, а только любовь к мудрости. Философ – вроде спортивного болельщика на игре, которая зовется жизнью.

– Эх ты завернул! – Глеб засмеялся.

– Неплохо, правда?

– Какие вы умные!

– Не иронизируй, Марина. Мы – Колумбы двадцатого века.

– Свинтусы вы, а не Колумбы. Женщин называете бабами.

– Это не мы, это современная поэзия. Сейчас лирика не в почете.

– А что в почете? – спросил Артур.

– Физика.

– А почему не химия?

– Действительно, почему? – Костя удивленно посмотрел на Марину.

У Глеба опять в глазах замерцали смешливые звездочки.

– Раз Менделеев вышел на прогулку, глядь, неподалеку остановился воз с яблоками. Пока возчик мешкал, сзади к возу подобралась ребятишки и стали вытаскивать яблочки из-под рогожи. Тут подошел какой-то прохожий и говорит Менделееву: «Видал! Вот, химики!»

Анекдот всех помирил.

– Да, – протянул Костя, – «химики в почете» звучит как-то двусмысленно.

– Может, настанут времена, – сказал Артур, – когда в почете будут химики?

– Что-то химики в почете, что-то лирики в загоне, дело не в простом расчете, дело в мировом законе.

– Ну что ж, – сказала Марина, – звучит со смыслом, хотя и противно.

Шампанское допили. Глеб, порывшись в прихожей, пришел и положил перед Мариной маленький сверток.

– Сюрприз из Парижа.

– Что это? – Она развернула бумагу и тихонько вскрикнула.

Глеб довольно улыбался.

– Мам, что это?

– «Шанель № 5». Глеб, ты – гений!

Костя привстал со стула, чтобы посмотреть.

– Ну и ну!

– Мам, какая шинель?

– Не шинель, а Шанель. Французские духи, самые лучшие. Ну, все, мальчики, давайте пить чай!

Артур пил чай, посматривал на взрослых, на письменный стол, на книжные полки. Он тоже получил подарок, маленький транзисторный приемник, а Косте Глеб привез написанную не по-нашему книгу какого то де Седа, которую Костя положил поверх всех бумаг на стол.

Разговор вертелся вокруг смерти Кеннеди. Трагедия в Далласе потрясла весь мир. Артур гордился тем, что он живет в самой лучшей стране мира, где не стреляют в президентов и уважают негров. Где все равны и можно носить любую фамилию, хоть испанскую, хоть корейскую, какую захочешь. Он вспомнил, что в четвертом классе его сосед по парте стал Осиповым, хотя раньше носил красивую фамилию Гольдштейн. Ребята пару месяцев путались, но потом все позабыли старую фамилию мальчика.

– Глеб, а ты Хрущева видел?

– Как тебя сейчас.

– Ну, и как он?

– Хочет догнать и перегнать Америку.

Артур спросил:

– Значит, Америка впереди нас?

– В экономическом смысле да. У нее войны, как у нас, не было.

Артур не забыл, что, однажды проезжая Харьков, видел на здании огромные буквы: «Перегоним Айову по производству молока, масла и мяса». Айову он знал. Тогда говорили: корова из штата Айова.

– Значит, равнение на Атлантику? – спросил Костя.

Глеб развел руками:

– Россия...

– Да, умом Россию не понять.

– Костя, давай лучше о поэзии. – Марина не любила политики. – Что там еще написал твой гений? – Она показала на листки со стихами.

Костя встрепенулся:

– Будьте любезны!

И он прочел:

Холст тридцать семь на тридцать семь,
Такого же размера рамка,
Мы умираем не от рака
И не от старости совсем,
Мы сеятели. Дождь повеет,
В сад занесет, где лебеда,
Где плачет ранний Левитан, —
Русь понимают лишь евреи.

Во двор въехала машина Глеба, и все вышли на улицу. Глеб предложил подвезти Марину с Артуром, но они отказались. Погода стояла хорошая, ветер стих, асфальт высох, и Костя пошел их провожать.

Распрощавшись с Глебом, друзья смотрели вслед его машине. Она, ускоряясь, полетела по пустынной улице Чаплыгина, сверкнула красными огнями на повороте в Харитоньевский переулок и исчезла, как птица в темноте.

Глеб незаметно перекрестил их, вздохнул и закрыл глаза. Губы его шевелились.

Артур не знал, что Глеб успел потолковать с Костей об их предыдущем разговоре и что Артур оказался прав, случайно разгадав загадку.

Костя тоже всего не знал, но начал догадываться о ключевой роли Глеба в пока еще непонятном ему русско-европейском союзе. Союз этот был основан на экуменической деятельно-

сти Папы Иоанна XXIII. Костя не мог знать, что перед смертью, получив хорошие известия из Советской России, Папа Иоанн, перекрестившись трижды, прошептал по-русски «Господи, помилуй».

Костя не подозревал о пути, на который вступил Глеб, пути суровой борьбы, в которую в свое время будет вовлечен и он, Костя. Борьбы беспощадной и вневременной.

Когда в марте скрытно готовилась «случайная встреча» Папы Иоанна XXIII с зятем Хрущева и главным редактором «Известий» Алексеем Аджубеем, было сделано все, чтобы помешать такому контакту.

Встречу готовил корреспондент «Известий» в Риме, выпускник 101-й разведшколы Леонид Колосов. В покрывало колеса машины, в которой он должен был везти Аджубея, несмотря на техническую проверку, проведенную, кстати, силами резидентуры ГРУ, кому-то все-таки удалось вмонтировать коварный металлический «волосок», разрывающий камеру на определенной скорости. Аджубей и Колосов чудом остались в живых, автомобиль разбился вдребезги.

Даже советский посол в Италии Семен Козырев не мог ничего знать о причине аварии, Костя и по-прежнему не ведал ни сном ни духом.

Но ему это и не требовалось, он хорошо знал семью своего друга и знал то, чего не знали другие, что было скрыто в железном шкафу, где лежало личное дело Глеба: по материнской линии Глеб принадлежал к семье Сионских.

4. Идущий путем одиночества

Артур потом долго не виделся с Глебом. Тот, сохранив в Москве резиденцию, стал митрополитом и бывал в столице наездами.

«Граф де Ла Фер в скромном темном костюме явился в приемную де Тревиля. Только великолепно украшенный эфес шпаги, подаренной его прадеду королем Франциском I, подтверждал то, что бросалось в глаза с первого взгляда, – принадлежность посетителя к высшей аристократии. Приемная была заполнена вооруженными людьми, ждущими вызова, беседующими, отдыхающими после дежурства. На некоторых из них ладно сидела новенькая форма – небесно-голубой китель с золотым крестом на груди.

К графу немедленно подошел лакей и пригласил пройти в кабинет. Двери кабинета закрылись за графом».

Артур посмотрел на себя в зеркало. Он никак не мог решить, одевать ли королевских мушкетеров в форму. Дело происходило в начале двадцатых годов, а в форму мушкетеров одели только в 1657 году, уже после смерти Людовика XIII, при Мазарини. Тогда же они сели на серых лошадей и стали называться «серыми мушкетерами», в отличие от «черных мушкетеров», которые появились лишь в 1660 году и ездили на вороных конях. В конце концов Артур решил следовать роману.

Ведь Дюма отмечает в романе наличие формы у мушкетеров и вороную масть их лошадей. Нельзя забывать, что Дюма четко оговаривает, что д'Артаньян принадлежал к «черным мушкетерам», а герои романа Атос, Портос и Арамис (позже к ним присоединился д'Артаньян) ездили на вороных конях.

Мысленно Артур представил их в голубом кителе с небольшим, размером с ладонь, крестом на левой стороне груди. Д'Артаньян, будучи гвардейцем Дезэссара, должен носить похожую форму, но попроще, без золотого шитья, например, синего цвета, только не черного: черный цвет – цвет третьего сословия.

«Отсюда следует, – подумал Артур, – что надо признать и похожую, красную форму гвардейцев кардинала с крестом на груди, но без королевских лилий».

«Над Парижем спускалась мгла. Под мелким дождем блестели мостовые. По улице мерным шагом двигался патруль – шесть человек, по двое в ряду, в небесно-голубых мундирах, потемневших от дождя.

Если бы кто-то решил посмотреть им вслед, то он увидел бы, как к патрулю подошел с вопросом шагающий навстречу высокий молодой человек. Патруль приостановился, один из мушкетеров, раскланявшись с прохожим, показал ему дорогу, о которой тот, по-видимому, спрашивал. Поблагодарив, рослый дворянин двинулся в указанном направлении. Мушкетер оглянулся. Этим мушкетером был граф де Ла Фер. Капли дождя стекали с его лица. В это время из патруля его окликнули:

– Пойдемте, господин Атос!

Атос, догнав товарищей, занял свое место в первом ряду.

Высокий прохожий приближался развалистой походкой сильного человека. Его лицо с еще не исчезнувшими детскими веснушками старалось сосредоточиться, чтобы хоть в какой-то мере соответствовать грозной фигуре рослого дворянина. Любопытство, которое он не мог удержать, оглядывая дома, проезжающую карету, редких пешеходов, выдавало в нем провинциала.

Действительно, молодой человек только вчера покинул Валлон близ Корбейля. В Париже продолжался набор в новую лейб-гвардию короля, и он прибыл с надеждой поступить на военную службу.

Его примут в роту королевских мушкетеров не под звучной дворянской фамилией дю Валлон, а под простым именем – Портос».

«Какими все-таки загадочными делает своих героев Дюма, – размышлял Артур, – как круто меняет их жизнь.

Атос, блестящий, полный сил, ума и благородства двадцатипятилетний аристократ, без выяснения обстоятельств собственноручно взял да и повесил беззащитную шестнадцатилетнюю девочку Допустим, – рассуждал Артур, – понятие родовой чести сказалось решающим образом в момент выбора, когда он обнаружил “флер-де-лис” на плече у своей жены. Она, выходя замуж и приобретая одну из наиболее известных фамилий, становясь первой дамой графства, скрыла от него свое прошлое. А если у человека есть нечто, что он предпочитает скрывать, это нечто не может быть хорошим. Всякая личная тайна постыдна».

Так думал наш юный друг.

Потом шесть или семь лет Атос терзался потерей чести и угрызениями совести, топил, как говорят, свое горе в вине. Только после казни миледи, не сразу, он вернул себе имя и возродился окончательно, когда у него появился сын.

Атос получил за заслуги ордена Золотого руна, Святого Духа и Подвязки, то есть знаки отличия королей и принцев, вновь был оскорблен, уже королевской властью, и не смог пережить смерти сына, ушел на небеса за его тенью.

Артур еще не знал, что оставшийся в одиночестве уповает на смерть, чтобы не разлучаться с тенью любимого человека.

Портос в «Трех мушкетерах» представлен автором довольно едко.

Однако в последующих книгах он изображается со все возрастающим дружелюбием. Почти от сатиры Дюма переходит к мягкому юмору, в котором сквозит мужское уважение к физической силе. Смерть титана в пещере Локмария – самая яркая сцена во всей трилогии о мушкетерах.

Мог ли подумать читатель, который ограничился первой книгой, что Портос станет для автора любимым персонажем.

Артур вспомнил удивительную историю, рассказанную Дюма-сыном о своем отце:

– Однажды я застал отца на его любимой скамейке в цветнике. Нагнувшись и склонив голову на ладони, он горько плакал. Я подбежал к нему:

– Папа, дорогой папа, что с тобой? Почему ты плачешь?

И он ответил:

– Ах, мне жаль бедного доброго Портоса. Целая скала рухнула на его плечи, и он должен поддерживать ее. Боже мой, как ему тяжело.

Ближе познакомившись с творчеством Дюма-отца, Артур стал подозревать, что автор наделил Портоса некоторыми качествами своего родителя (третьего Дюма), генерала Тома Александра Дюма. Бывший драгун 6-го полка Тома Александр обладал огромной физической силой. Впрочем, писатель в большой степени унаследовал эту силу.

Автор поселяет Портоса в Виллье-Котре, то есть на свою родину. Там в начале Великой французской революции его отец Александра Дюма познакомился с местной девушкой Мари Луизой Лабуре, которая стала его женой и матерью знаменитого писателя. В Виллье-Котре они жили в начале XIX века, в Виллье-Котре были похоронены.

«Осенние леса к юго-востоку от Парижа в окрестностях Корбейля утром скрыты туманом. Трава еще сохраняет свежесть, дубравы не растеряли своих зеленых листьев, но подлесок уже начал желтеть.

Во дворе небольшого поместья старший из семейства Валлон, могучий человек лет пятидесяти – пятидесяти пяти снаряжается на охоту. Рядом младший в роду, розовощекий трехлетний мальчик, внимательно наблюдает за дедом.

Антуан дю Валлон показывает внуку оружие, разговаривает с ним, гладит светлые волосы.

Внезапно дед, побледнев, садится на землю, дрожащие ноги не держат его; он пытается выпрямиться, ему это удается с трудом.

Мальчик бежит к дому, зовет мать. Она подбегает к Антуану, помогает встать. Поднявшись, но не решаясь сделать шаг, Антуан колотит руками по ослабевшим бедрам. Наконец приходит в себя, приседает, подпрыгивает. Оглядывает двор и замечает лошадь у конюязи. Он подходит к лошади, подлезает под брюхо и, захватив руками передние и задние ноги животного, легко встает вместе с ней. Лошади не нравится висеть над землей, и она пытается вырваться. Мальчик с матерью смеются».

Так представлял себе детство Портоса Артур. Начав писать о Портосе, Артур не мог не подумать о Косте.

Костя не поражал высоким ростом, однако имел атлетическое сложение и с юности выделялся среди сверстников силой. В детстве он слышал о «русском льве» Георге Гаккеншмидте, о знаменитых силачах начала века, занялся классической борьбой, но затем, повредив на ковре шею, отдал предпочтение тяжелой атлетике. Еще до окончания университета он стал первокурсником, а учась в аспирантуре, выполнил норматив мастера спорта. Спортивная карьера его не волновала. Как ученому, ему было интересно проникнуть в тайны силы, поэтому, по мере возможности, он экспериментировал на себе самом, продолжая по привычке посещать спортзал.

Однажды летом, когда Артур с мамой жил на даче, Костя продемонстрировал трюк с лошадью. Вообще-то Костя был человеком сдержанным и скромным, но в то лето пятьдесят девятого он ухаживал за девушкой. Ее присутствие заставляло его терять голову.

Судя по всему, он не раз пробовал этот номер, потому что сосед, который работал возчиком в сельпо, со спокойной улыбкой наблюдал, как Костя подошел к его стреноженной лошади, дал ей кусок хлеба и, подсев под конягу, поднял ее над землей. Постояв с лошадью на плечах пару секунд, Костя опустил ее. Она, не противясь, перенесла перемещение в пространстве, только потянулась губами к Костиному карману.

Женщины захопали, Костя раскланялся, а его дама сердца взяла с него обещание, что больше он этого делать не будет. К огорчению Артура, Костя дал ей такое обещание.

Историю Костиной любви Артур знал плохо, Марина знала гораздо лучше, но все же весьма поверхностно.

Костя познакомился с Ириной у нее на работе. Однажды он читал лекцию по истории религии в одном научно-исследовательском институте. Ирина работала здесь инженером. После лекции она подошла к нему с вопросами. Вопросы были толковые, они разговорились. Оказалось, ее отец – священник, Ирина – младшая и любимая дочь, они живут неподалеку от Костиной дачи. Костя с Ириной стали встречаться.

Они встречались почти ежедневно, перезванивались, возвращались вместе из Москвы на электричке, и Костя провожал ее до дома. В то лето их невозможно было оторвать друг от друга. Костя, загорелый, крепкий, смотрел на нее, и его глаза приобретали цвет неба. Ирина, хрупкая, стройная, с выгоревшими на солнце волосами, искала его общества, гордилась им и готова была идти за ним куда угодно.

Почему-то она боялась его потерять, огорчалась, когда не видела его несколько дней: вдруг ему предназначена другая и он с ней уже познакомился? Она волновалась, что он ходит в спортзал – вдруг от этого его жизнь станет короче. Вдруг он умрет раньше нее, она этого не перенесет. Если дома пекли пироги, она откладывала несколько штук для Кости, если сама готовила что-нибудь вкусное, обязательно несла ему попробовать.

Вечером, перед сном, она писала ему письма, а утром заносила их на почту. Она молилась, чтобы он жил вечно и никогда не покидал ее.

Костя был старше Ирины. Завершая третий десяток своей жизни, он привык доказывать себе и другим, что ему по силам везде быть первым, считал себя человеком практическим, даже скептиком. Но он обладал тонким слухом и, когда в его ушах зазвучали дивные колокола вечной любви, не смог устоять, понял, что ему повезло узнать настоящее чувство, стирающее границы между жизнью и смертью.

Весь мнимый практицизм, скептицизм и все прочие «измы» слетели, как шелуха. Будто пробудившись, он перестал быть следопытом, сталкером, его не заводили больше лукавые песни беспокойства. Он открыл для себя, что любовь выше судьбы. Не каждому, увы, дано это обнаружить, и он был благодарен жизни за открытую для него истину. Он стал мягче снаружи, но тверже и увереннее внутри.

Скупой на проявление эмоций, Костя был откровенен с Ириной, не скрывал своих мыслей, мотивов, надежд и не боялся потерять неожиданно свалившееся на него счастье. Он положил для себя, что в волшебном храме, в котором они оказались, слишком мелко будет с его стороны оставлять нераскрытыми какие-то уголки души. Конечно, он подозревал, что это весьма рискованно – женщины любопытны, и их интерес питается существующей или вымышленной интригой. Рано или поздно она сочтет, что знает тебя до конца, тогда прощай, любовь. Но, щелкая счетами, не услышать колоколов вечности. Он был согласен на неудачу, только бы не прибегать к уловкам, погрузиться с головой в подлинное чувство, а там будь что будет.

Все, что он знал или узнавал, он нес своей любимой. Ирина не была легкомысленной девушкой, она с готовностью впитывала в себя новые знания, начиная смотреть на мир его глазами. Но в ней было и что-то свое, особенное, привлекательное для него, – несовременный, масштабный взгляд на жизнь, пренебрежение к суете, подробностям, моде. Она презирала снобизм и равнодушно относилась к тряпкам и деньгам. Она не любила шагать в ногу, не слышала маршей, в ней звучала иная музыка. Костя не мог не сознавать, что от нее он получает куда больше, чем она от него. Так он думал и готовился прожить с ней всю оставшуюся жизнь, состариться и умереть в один день.

Никто, даже Ирина, не знал об этих мыслях. Артур же видел лишь внешнюю сторону их отношений.

«Охотник двигался осторожно, выискивая следы лесного зверя, часто замирал, прислушиваясь. Вот в густом кустарнике послышался шум, хруст веток, затем топот тяжелого тела. Поднятый с лежки зверь ретировался.»

Антуан сделал полукруг, обошел кустарник, занимая наветренную сторону, бросил в самую гущу камень. На этот раз потревоженный зверь вышел прямо на охотника. Охотник удовлетворенно улыбнулся: кабан весил не меньше пятисот фунтов, и клыки были великолепными. Глаза секача между тем налились кровью. Поздняя осень – начало гона у кабанов.

Антуан раздул тлеющий фитиль и, встав на одно колено, прицелился. Его движение заставило зверя встрепетаться и броситься в атаку.

Пуля ударила кабана по мощному загривку, опрокинула на задние ноги. Охотника заволкло черным дымом. Однако ранение только подстегнуло зверя. Кабан снова ринулся вперед.

Антуан отбросил в сторону аркебузу и спокойно вытащил охотничий нож с лезвием длиною в целый фут. И тут колени Антуана вдруг ослабли, он стал медленно опускаться на землю.

Подняться он не успел. Как летящий обломок скалы, кабан опрокинул его на спину. Острый клык вскрыл брюшную полость. На долю секунды кожаный пояс охотника остановил страшный резак, это позволило упавшему пустить в ход нож. Лезвие целиком вошло под левую лопатку зверя. Но Антуан уже ничего не чувствовал – сокрушительный удар в подреберье погасил его сознание.

Кабан сгоряча вскочил, но не смог сделать ни шагу, по его телу пробежала дрожь, он рухнул на правый бок. На миг его копыта взметнулись над землей, он дернулся и затих. Человек не пошевелился».

Так погиб Антуан дю Валлон, дед Портоса. Похожая причина скрывалась за смертью его отца и самого мушкетера. «Ахиллесова пята» есть даже у самых сильных.

Взволнованный этой сценой, Артур подумал, что эпизоды из детства Портоса можно было бы дать без звука, снабдив их подходящим музыкальным сопровождением. Видимая на экране сила, столкновение жизни и смерти должны сочетаться с крещендо на саундтреке. С чем-то напоминающим «*Lacrimosa dies ilia*»².

С Артуром мы отвлеклись от Костиной любви, а между тем она продолжалась.

Удивительно чистый воздух, песок и сосны над головой даже спустя сорок лет еще сохранились в умножившейся Малаховке, а в те времена в начале сезона охоты уже от близкого Красково были слышны выстрелы по болотной дичи. Справа от полотна железной дороги весной брали вальдшнепа на тяге, а зимой даже охотились на зайцев и лисиц. В окрестностях проходили границы между свободной территорией для охоты и угодьями Московского и Всеармейского военно-охотничьего обществ. Лишь проносящиеся на малой высоте истребители (неподалеку находился военный аэродром) распугивали дичь.

До сезона охоты было еще далеко, погода была нелетной, поэтому Костя с Ириной в тишине под низкими облаками шли по утрамбованной дороге к ее дому. Костя рассказывал, что он прочитал в иностранной прессе:

– На днях генерал де Голль был с визитом в Ватикане. Он принял благословение Папы. Оказывается, они хорошо знакомы.

– Откуда?

– Папа, когда был еще просто архиепископом Ронкалли, жил во Франции в качестве посла Ватикана. А де Голль тогда был главой временного правительства. В прошлом год Ронкалли стал Папой, ну а де Голль – президентом Франции.

– Какое совпадение!

– У Папы всегда были хорошие отношения с Францией, он и кардинальскую шапку получил из рук ее президента.

– Из рук де Голля?

– Нет. Венсана Ориоля. А ведь были времена, когда папский престол находился не в Ватикане, а фактически во Франции, в Авиньоне.

– Вот как?

– Да, в XIV веке. Это продолжалось почти семьдесят лет. Иногда это даже называют авиньонским пленением пап.

– И кто же их пленил?

– Был такой французский король Филипп Красивый. Он поставил своего Папу – архиепископа Бордосского Бертрана де Го. С его помощью он разгромил орден тамплиеров и перенес папскую резиденцию в Авиньон.

– Тамплиеры, это которые в «Айвенго»? Так они были разгромлены?

– Еще как! Эту историю хорошо знают во Франции. Потом их преследовали по всей Европе.

– И они исчезли?

– Скорее ушли со сцены за кулисы. Но им пришлось рассеяться. Часть обосновалась в Шотландии, часть в Германии, часть в Испании, даже в Португалии. А семьдесят два рыцаря были доставлены в Пуатье для ответа перед Папой.

– Наверное, они очень злились на короля?

² «Оплакиваем этот день» (*лат.*) – одна из частей «Реквиема» В. А. Моцарта.

– Еще бы! Не только на короля, но и на Папу. Произошла очень красивая и очень трагическая история. Когда казнили Великого магистра ордена, он предсказал Папе и королю скорую смерть. Папа скончался через сорок дней, а король – в конце этого же года.

– А потом?

– А потом короли почувствовали, как опасно быть монархом.

– Стали себя защищать?

– Говорят, Филипп Красивый ходил по Парижу один. Сейчас мало-мальски заметная фигура окружает себя охраной. Последний из династии Валуа, например, имел уже сорок пять секретных стражников. Самым опасным его врагом была династия Лотарингов. Так вот, эти сорок пять джентльменов не раз спасали своего монарха Генриха III, а потом по его приказу они убили главу Лотарингского дома герцога де Гиза.

– И покушения прекратились?

– Как бы не так! Короля все равно убили буквально через несколько месяцев в военном лагере в Сен-Клу. Убийца, монах Жак Клеман, как выяснилось, имел связи с Лотарингами. После Генриха III трон занял первый из Бурбонов Генрих IV, он тоже, как и Генрих III, был заколот ножом. Конец его династии Бурбонов фактически тоже произошел от ножа, только от ножа гильотины.

Ирина задумалась, пытаясь найти хотя бы какую-то логику в этом потоке насилия.

А Костя мысленно возвращался к визиту де Голля в Ватикан. Интуиция подсказывала ему, что, став президентом, де Голль активизирует действия по объединению Европы в единый оркестр.

Позже Костя поймет, что цель, преследуемая из века в век, стала расплываться. Движение к ней направлялось навигаторами из среды выдающихся писателей, композиторов, деятелей культуры. Из практической, военно-религиозной и геополитической сфер эта цель перешла в духовно-мистическую и искусствоведческую.

Монахи-рыцари, владельцы провинций, коннетабли, розенкрейцеры, Стюарты и Лотаринги потерялись в литературных салонах, оперных театрах и кинозалах. Так в Англии рыцарские звания и членство в палате лордов стали получать создатели модных шлягеров.

Де Голль, боевой офицер, генерал, прошедший Вторую мировую войну, не мог не видеть, что настоящей силой, способной достигать реальных результатов, обладает страна, сумевшая сломать языческую империю – неприемлемую альтернативу христианской монархии, которую намеревался создать Гитлер. Невероятно, но собрать земли под сенью общей сакральной цели было по силам только Советской России.

Папа, выбравший себе имя Иоанн XXIII, человек дела и широких взглядов, являлся важнейшим звеном для осуществления подобных замыслов. Потянув за это звено, можно (вспоминается Ленин и его работа «О лозунге Соединенных Штатов Европы») вытянуть всю цепь.

Официальная дипломатия и частные контакты в данном случае были бы неуместны. В свое время, благодаря Глебу, Костя поймет, что объединяющим фактором здесь могла бы служить единственная и единая цель – *Ecclesia Universalis*³.

Медленно, взвешивая слова и поступки, останавливаясь и нащупывая почву, шаг за шагом пастыри обитаемой земли – Ойкумены двинутся навстречу друг другу.

Рыжий Кон-Бендит, снаряд, выпущенный неведомой силой, не оставит шансов де Голлю. Переживший 15 покушений на свою жизнь, президент будет вынужден уйти в отставку.

Деликатные манеры церковной дипломатии Страны Советов вскоре будут утрачены, превратившись в вежливую отчужденность.

³ Всемирная Церковь (*лат.*).

Скрытая борьба за власть в Ойкумене похоронит идею объединения и станет являться, как людоед из сказки, то в одном, то в другом обличье. Рыжие сменят лысых, карлики – гигантов, и невдомек будет завтрашним поколениям, что это все тот же старый людоед.

– Костя! Очнись, Костя! – Голос Ирины заставил его вернуться в тихий дачный поселок.

Он улыбнулся ей, подхватил на руки, закружил и опустил на землю. Она была легкая, как ангел.

– Ирина, помяни меня в своих молитвах, нимфа!

Дело шло к свадьбе. Однако у нее вдруг умер отец, и свадьбу на год отложили. Смерть отца потрясла Ирину, и Костя не отходил от нее. Потом неожиданно заболела она, и ее положили в больницу. Костя каждый день приходил к ней, пытаясь скрасить бесконечные зимние вечера. Но она не скучала.

В отличие от него, она быстро знакомилась с людьми, и их присутствие не тяготило ее. Возможно, по этой причине болезнь не затянулась, и в одно прекрасное утро она вернулась домой. Костя был счастлив.

Морозным днем он сидел у нее на кухне. Дома никого больше не было, они спокойно пили чай. За окном летели снежинки, ветер срывал снег с гребешков навьюженных сугробов. Костя тихо читал вслух на память «Метель» Бориса Пастернака. Он не отрываясь смотрел в окно, будто за стеклом видел начертанные строчки стихов. Глаза Кости посветлели. Ирина зачарованно смотрела на него.

Снег закончился, небо стало проясняться. Костя рассказал, что знал тогда о Пастернаке, проклятом, но не забытом. Увы, он не мог знать, что спустя четыре месяца писатель умрет, что одиозный роман «Доктор Живаго» почти через тридцать лет будет напечатан в журнале «Новый мир», что сын автора только через тридцать один год получит за отца Нобелевскую премию.

Весной Ирине неожиданно предложили место преподавателя в техникуме, который готовил специалистов для ее предприятия. Она согласилась. Они стали видеться реже. Осенью она стала заведующей учебной частью и заместителем директора техникума. Ей нравилась новая работа, работа с людьми, а не с чертежами. Костя радовался вместе с ней и гордился ей. Правда, свободного времени у нее оставалось все меньше и меньше. По телефону она отвечала односложно и, казалось, с видимым облегчением опускала трубку. Иногда трубку брала секретарь и сообщала, что Ирина Геннадьевна сейчас занята.

Наступил день, когда, пообещав позвонить, она не позвонила. Не позвонила она и на следующий день. Костя поехал в техникум.

На месте ее не оказалось, он остановился в коридоре. Она шла по коридору вместе с директрисой. Едва кивнув, скрылась за дверью. Костя ждал. Минут через десять она вышла к нему.

– Извини, я сейчас занята.

– Это ты извини, скажи, когда лучше подъехать?

– Я позвоню.

– Говоришь: позвоню, а сама не звонишь, – с обидой сказал Костя.

– Мне некогда. Я позвоню.

Костя пошел по коридору. Оглянулся. Она помахала ему рукой.

Ах, влюбленные, как много вы обещаете! Как мало успеваете сделать! Как жестоки, когда разлюбите!

Они еще продолжали встречаться. Он пытался вызвать ее на откровенный разговор, но разговор не получался. Ирина с досадой отмахивалась от его слов.

Однажды Костя проезжал в автобусе мимо метро и увидел ее на улице. Она шла с офицером-летчиком. Позже он встретил этого летчика выходящим из директорской приемной техникума.

Ирина рассказала, что офицер как-то связан с военным представительством в их отрасли и что зовут его Метелкин Лев Маркович.

Вообще-то Косте летчик понравился – вежливый, симпатичный брюнет с крупным лицом и ямочкой на подбородке, взгляд открытый и дружелюбный. Когда говорит, немного грассирует.

Костя не был о себе столь высокого мнения, чтобы не понять: счастьем пришел конец. Однако он по-настоящему любил Ирину и считал, что она сильно повредит себе, если будет поступать столь стандартно – бессердечно. Спрятав гордость, упрекая себя за эгоизм, он все же попытался отговорить ее от нового союза.

– Послушай, ведь ты говорила мне, что всегда будешь меня любить.

– Это потеряло актуальность.

– Хорошо, ты вправе меня разлюбить, но останься прежней.

– А что случилось?

– Подумай, ведь так нельзя. Не всякому можно поступать, как ты сейчас поступаешь?

– Что ты имеешь в виду?

– То, что это для тебя не подходит. Ты из другого теста. Вспомни, кто твои родители. Вспомни свое воспитание.

Но он уже не был для нее авторитетом. Она пожимала плечами, делая вид, что не понимает его. Он видел, что ее тяготит банальное выяснение отношений.

Косте к месту вспомнилось, как разволновалась Ирина, когда его представили к званию доцента. Она испугалась, что теперь станет слишком незначительной для него персоной и он оставит ее. Тогда он умилился ее недоверию. Теперь, когда она сама пошла вверх по служебной лестнице, он подумал, что напрасно так радовался ее успехам.

В конце концов, он мог бы рассердиться на нее, оскорбиться, по-мужски забыть, даже отомстить. Нет. Он был сильным и считал, что если доброта – это слабость женщины, то для мужчины доброта – это сила.

Время от времени он звонил ей, надеясь на перемену, но тщетно. Она общалась холодно, даже намеренно жестко, чтобы не подавать надежд, не оставлять иллюзий. Ей самой требовалась решимость. Он знал ее и был уверен, что она ошибается, приняв условия судьбы. «Жизнь, – думал он, – это испытание души и болезнь тела».

Между тем новая метла в лице генерала Ивана Серова добралась и до Льва Метелкина. Майор Метелкин должен был отправиться в длительную командировку в ГДР. Прежние его поездки в Казахстан и Архангельскую область не были продолжительными. Он возвращался оттуда обветренный, загорелый, привозя диких уток, грибы и ягоды, а на военном аэродроме его уже ждала машина.

Предстоящая заграничная командировка Льва ускорила развитие его отношений с Ириной, и в феврале 61-го они, торопясь, зарегистрировали свой брак.

Загрустил Костя. Понял: не петь ему больше песен, не смеяться от души. Отвержен он и забыт Ириной. Не спешит она вернуть ему сердце. Так оно и затерялось у нее в карманах, в складках платья, как у королевы Марго.

Чувствовал он себя внутри пустым, как будто осталась от него одна оболочка, которая двигается, спит, ест, пьет, ходит на работу, что-то обсуждает, но ничего не чувствует.

«Спустя почти двадцать лет дом в Корбейле изменился, потемнел, его стены заросли плющом. Огромные яблоневые деревья подступали к самым окнам. Двор стал меньше, появились новые конюшни, сеновал, кузница.

Только дубравы вокруг как будто не затронуло время. Те же могучие дубы, та же зеленая трава, потесненная разъезженной дорогой.

Конец лета. Солнце спускается к горизонту. Стадо коров возвращается с пастбища.

В доме на втором этаже заканчивается ужин. За столом трое: Гаспар дю Валлон, похожий на своего отца Антуана, его жена, статная и суровая бретонка, и их сын – молодой человек лет двадцати двух – двадцати трех с веснушками на еще детском лице, но такой же крупный, как его отец и дед.

Гаспар, в отличие от Антуана, носил аккуратно подстриженные усы и короткие, уже поседевшие волосы. Прямая спина и военная выправка выдавали человека, отдавшего жизнь ратной службе.

Закончив ужин, он вытер усы салфеткой и попытался встать. Ему это не удалось.

– Ну вот, опять эта слабость в ногах. Не могу понять, что происходит.

Встревоженные жена и сын поднялись и подошли к нему.

– Постойте, сейчас пройдет. Говорят, у отца в тот день охоты случилось то же самое.

– Я сама видела это, Гаспар дю Валлон.

– Но я ведь не на охоту собираюсь. Успокойся. Вот, все прошло.

Он встал, потопал ногами.

– Отправляйтесь-ка в кровать, господин дю Валлон, – не терпящим возражения тоном сказала жена.

– Непременно, госпожа дю Валлон. Но прежде я хотел бы прогуляться по саду.

Гаспар вышел из столовой и стал спускаться по каменной лестнице. Внезапно колени его ослабли, он оступился и скатился вниз.

Услышав шум, мать с сыном выскочили из комнаты и бросились к неподвижно лежащему телу. С первого этажа сбежались испуганные слуги.

Гаспар лежал в неестественной позе, глаза его были закрыты, голова в крови. Молодой дю Валлон посмотрел вверх на железный крюк в стене над лестницей. Погнутый, он еле держался в каменной кладке, будто в него попало артиллерийское ядро.

Гаспар не шевелился. Он отправился вслед за отцом в тот лес, из которого не возвращаются».

5. Секретное досье

Ирина и Лев вернулись из социалистической Германии через три года, когда заместителем начальника Генерального штаба стал Петр Ивашутин.

Теперь они жили в Москве, где-то за Соколом. Лев стал подполковником. А Ирина получила инвалидность и сидела дома.

Когда Костя увидел ее, у него защемило сердце. Она расплнела, глаза, и без того большие, выкатились и казались огромными. Теперь она передвигалась медленно, говорила заикаясь, пальцы ее дрожали. Лев в ней души не чаял, ухаживал и опекал, как мог.

Из главы «Испытанный прием классической трагедии»:

«– Бог отступается от того, кто сам от себя отступается! – сказала миледи.

– Так значит, он хочет навлечь на свою голову кару, постигающую отверженных! – с возрастающим возбуждением вскричал Фельтон. – Хочет, чтобы человеческое возмездие опередило правосудие небесное!»

Не было у Кости ни капельки злорадства, а только сострадание, да чувство вины, вольной или невольной, какая разница?

Он вспомнил разговор с отцом Ирины. Став старше, Костя жалел, что слишком мало с ним общался. В то время ее отец уже был болен. Ирина тоже болела. Как ребенок, она была и беспечна и пуглива, боялась не выздороветь и испытывала чувство жалости к себе и к отцу.

Однажды смертельно больной отец рассказал им историю, как жил-был один человек большой веры, и обратился он к Господу с просьбой не оставлять его в течение жизни. Прожил он жизнь в надежде и утешении, пока не пришла ему пора умереть. Перед смертью видит он сон, будто идет, тяжело передвигая ноги по песку, и путь его заканчивается: впереди лежит безбрежный океан. На берегу он оглядывается назад. Позади – пройденный путь, тянущиеся следы на песке. А рядом с его следами другие следы. Он с облегчением вздыхает, он знает, Чьи это следы, понимает, что Господь не оставил его.

Однако, приглядевшись, он вдруг обнаруживает, что на самых трудных и опасных участках пути второй след обрывается, его там нет.

С горьким вопросом обращается он к Богу, чуть ли не с упреком, почему же в самых трудных местах пришлось ему идти одному.

И ответил Господь:

– В самых трудных местах Я брал тебя на руки и нес тебя на руках. Вот почему ты не видишь там второго следа.

«Да, – рассуждал Костя, – мы беду воспринимаем как Божье внимание. Если русский человек не плачет, значит, его Бог забыл».

Снова и снова Костя возвращался к отцу Ирины. Вот, что он прочел им из Иоанна Богослова:

Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, яко же Аз возлюбил вы, да и вы любите себе. Большие сея любви никтоже имать, да кто душу положит за други своя.

«Кто душу свою положит за други своя», – повторял Костя запомнившиеся слова. И хоть время было атеистическое и неприятностей ученый-историк мог обрести сполна, пошел Костя в церковь.

В почти пустом храме горели лампы и свечи. Горячо молился Костя, чтобы Бог дал здоровья Ирине. Долго стоял у иконы святого Пантелеймона, просил его заступничества, все силы вложил в свою просьбу и вдруг увидел: будто ветер подул на пламя, ярче запылала лампада, заиграли пламенем свечи. Костя, не помня себя, обессиленный вышел на улицу.

Через три месяца нашелся врач-невропатолог, который взялся лечить Ирину. Через год она была практически здорова. Еще через год Костя случайно ее увидел. Она снова стала стройной, а ее походка – твердой и уверенной. Несмотря на полный недостаток в доме, она вновь устроилась работать и, принимая во внимание связи мужа, успешно делала карьеру.

А Костя? Нет, он не запил, не опустился. Он, как автомат, продолжал вести прежний образ жизни. Увеличил вес штанги, ушел с головой в книги. Собственная судьба перестала его интересовать. Отчасти Марина была права, назвав его чернокнижником, его интересы сами собой склонялись к области метафизики. Подтянутый, чисто выбритый, внешне он не изменился. Только глаза потемнели и больше не улыбались, когда улыбался он сам. Он вдруг заметил, что на фотокарточках его облик получается все более стертым и обесцвеченным.

Еще молодой, он мог повернуть свою жизнь. Мог, но не было сил. Попытавшись пару раз, он с облегчением вернулся к привычному для себя укладу и решил больше не нарушать традиции.

Так он жил одиноко, предпочитая никого не пускать в свою жизнь. Из родственников у него остались Марина с Артуром, из друзей – только Глеб Лобов.

26 января 1966 года Костя, узнав, что Глеб лежит в больнице, поехал его проведать. Троллейбус первого маршрута довез его до Боткинской. С трудом удалось добиться встречи с Глебом, пока тот не вмешался, Костю не пропускали.

Глеб лежал в небольшой палате, побледневший и похуевший. Он пытался выглядеть бодрым, насколько может выглядеть бодрым человек после операции. Оказывается, у него нашли аппендицит, но с осложнением, которое, увы, заставляет его так долго оставаться в постели.

Костя был немного скован, зато Глеб оживлен и доволен, они давно не виделись, и ему было что рассказать другу.

А друг внимательно приглядывался к симпатичной медсестре, приставленной к Глебу. Из ее слов он понял, что болезнь Глеба была очень серьезной, но сейчас опасности нет.

К неудовольствию медсестры, Глеб сообщил, что на старый Новый год умер один крупный ученый, академик.

Прощаясь, Глеб попросил сестру передать Косте маленький подарок, томик Четвероевангелия в зеленом переплете, который прислали на Крещение. От внимания Кости не укрылось, что медсестра будто из любопытства перелистала страницы, прежде чем отдать ему книгу.

Костя ушел успокоенный лишь наполовину – он уверился, что Глеб выздоравливает. Он не знал того, что накануне на Ленинградском вокзале Глеб вдруг согнулся от острой боли. Кто-то из набежавшей невесты откуда толпы с размаху всадил ему в живот длинную шляпную булавку. Остановившись, Глеб почувствовал жжение в правом боку и теплую кровь, стекающую к паху.

Сыскари из «конторы» потом обыскали весь перрон и только на путях обнаружили выброшенную в снег булавку с головкой в виде зеленой виноградины в натуральную величину. Выяснилось, что на острие был яд, часть которого, к счастью, осталась на одежде Глеба.

Не рассказал Глеб Косте и того, что весной на Пасху, подъезжая к храму, он был атакован возмущенной толпой молодежи, яростной и угрожающей.

ЗИМ с трудом пробился к заднему крыльцу. Однако все кончилось благополучно: во время службы в церкви тысячи верующих на возглас «Христос воскрес» единым выдохом отвечали «Воистину воскрес», заглушая крики опешившей команды. Попытки сорвать крестный ход тоже не удались.

Конечно, Костя видел всю трудность положения Глеба и поражался глубокой вере своего друга, его потребности и, главное, пониманию процесса живого общения с Богом. Он не раз был свидетелем, как во время строгого поста Глеб не только не принимал пищи, но и не пил воды, сохраняя бодрость и неунывающий вид.

После посещения больницы Косте еще удалось справиться о состоянии здоровья Глеба, хотя самого Костю уже замучили на кафедре мероприятиями, связанными с подготовкой к XXIII съезду КПСС.

На этом съезде Михаил Шолохов призвал судить народившееся диссидентство, руководствуясь революционным правосознанием, а не статьями закона. На следующий год Шолохов получил звание Героя Социалистического Труда, а председателем Комитета госбезопасности стал Юрий Андропов. Министерство обороны тоже получило нового министра Андрея Гречко.

Между тем ни Костя, занятый разъяснением итогов съезда партии, ни Глеб, давно покинувший больницу, не подозревали о событиях, которые произошли далеко-далеко, но готовились подойти к ним близко-близко.

Чтобы дать некоторое представление об этих событиях, мысленно перенесемся в Центральную Европу. Один взмах ресниц, и мы в Восточной Германии.

Давно минуло Рождество, но в Гарце снега еще не было. Гернроде, Рюбеланд, Кведлинбург утопали в туманах. Наблюдая своеобразную архитектуру городов Гарца, Назрул Ислам вспоминал университетский курс, думал о Томасе Мюнцере, вышедшем из этих вот мест на войну с аристократией. «Фольксваген» бодро бежал по чистым улочкам, чаще мокрым, чем сухим, строго следуя правилам дорожного движения. Пробыв условленный месяц в Гарце, его хозяин так и не встретился с курьером Невидимого учителя и теперь должен был ждать его еще месяц в Галле.

Девственные хвойные леса подходили к самой дороге, темно-зеленые ели, сохраняя сумрак внутри леса, роняли на покрытую иголками мокрую землю капли стекающей по веткам воды. На ум пришел Генрих Гейне. Назрул Ислам опустил стекло и с удовольствием вдохнул прохладный влажный воздух.

В Галле Назрул должен был встретиться с курьером в старинной библиотеке, хранящей древние франкские памятники. Если встреча не состоится, он должен вернуться в Париж один.

Назрул Ислам знал немного. Три месяца назад в Лондоне некто из неизвестных семидесяти двух приобрел скромный архив почившего французского аристократа. Весь архив помещался в толстой зеленой папке, которую Назрул должен был передать курьеру из Швейцарии.

Архива у Назрула Ислама с собой не было. Вся его поездка в ГДР для встречи с человеком из Швейцарии затевалась с целью выявить возможную слежку, которая означала бы наличие интереса к бумагам со стороны нежелательных компаньонов.

Назрул не знал, что в Москве на Старой площади уже заинтересовались архивом. Чтобы скрыть заинтересованность, решили послать в ГДР под уместным предлогом человека никак не связанного с агентурой управлений КГБ. До резидентуры все же была донесена объективка на Назрула Ислама и дано указание обеспечивать и поддерживать командированное из Москвы лицо.

После Нового года Косте позвонил его однокашник, который преподавал историю в Высшей Краснознаменной школе КГБ, и предложил ему встретиться.

Январским днем 1967 года Костя вышел из метро «Белорусская» и направился к Ленинградскому проспекту. Он перешел мост и через пять минут подходил к скромному серому зданию в стороне от шумного проспекта, обгоняемый курсантами военного училища с эмблемой войск связи в петлицах.

Приятель рассказал ему, что собирается ехать в Галле в Академию химической промышленности ГДР, где когда-то преподавал историю партии, и намерен попасть в знаменитую старинную библиотеку, с которой Костя, как он знал, переписывался. Костя быстро набросал ему список интересующей его литературы из раздела *Les Descendants Merovingiens*⁴ с просьбой,

⁴ Потомки Меровингов (*фр.*).

если возможно, заказать копии. Ни Костя, ни его ученый собрат не предполагали, что тематика списка так близко лежит к цели предстоящей командировки в ГДР.

В Галле Назрул Ислам так и не встретился с курьером. Видимо, тот обнаружил, что Назрула Ислама «водят», и не спешил выйти на связь. Случайно наткнувшись в библиотеке Галле на приезжего русского, курьер удвоил осторожность.

К удовольствию Костиного приятеля, время шло. Наконец, когда к суете офицеров КГБ стали присматриваться парни из ГРУ, было принято решение рубить все концы. Из Москвы пришло указание обратиться к местным властям, чтобы Назрула Ислама выслали из ГДР; командированного преподавателя вернуть, об операции «Зеленая папка» забыть.

Так, неожиданно для себя, Назрул Ислам снова оказался в Париже. Вдохнув воздуха свободы, он решил сам отправиться с зеленой папкой в Женеву.

Увы, находясь во Франции, он подвергался большей опасности, чем в ГДР. В поезд под сводами Лионского вокзала подсели два опытных бойца, получивших боевое крещение еще в годы Соппротивления. Назрул Ислам, следуя в Швейцарию, не успел проехать и пятидесяти километров. Позже его тело обнаружили на рельсах. Вещей при нем не было. Зеленая папка как ни в чем не бывало продолжала свой путь из Мелюна на родину Парсифаля под присмотром седых, но крепких месье, чтобы затеряться в молочных улочках Женевы.

Костя встретился с возвратившимся приятелем на этот раз в Варсонофьевском переулке рядом с зеленым зданием поликлиники и получил десяток листов текста по интересующему его монарху, носящему тевтонское имя «Блестящий меч». Приятель пошел в поликлинику, а довольный Костя – к себе на Чистые пруды.

Зеленая папка выпала на время из поля зрения тайных и официальных организаций. Через полтора года, уже в 1968 году, Глеб, находясь на совещании в Женеве, получил конфиденциально толстую зеленую папку: во Франции шло в наступление левое движение, и де Голль распорядился ускорить передачу материалов русским.

В августе были внезапно введены войска в Чехословакию. Советские танки на улицах Праги никак не гармонировали с затянувшейся «Пражской весной». «Весна» от полярного ветра, прилетевшего с просторов огромного континента, сразу перешла в раннюю осень.

Москва держалась молодцом. Листья на бульваре, который шел к Кулишкам от памятника гренадерам, павшим в бою под Плевной, приобрели желтые и красные оттенки. Утреннее солнце, встающее из-за Яузы, золотило зеленоватые стены домов на Старой площади.

В коридоре по красной ковровой дорожке шли два человека в очках и темных костюмах. Один догнал другого:

– Михаил Андреевич, пропавшие материалы из Женевы обнаружены и идентифицированы Адамом. В настоящее время они уже в Москве.

– Хорошо. Кто-нибудь еще знает?

– Нет.

– Что задумали?

– Надо аккуратно разобраться, подготовить справку. Решать будем в рабочем порядке.

– Держите меня в курсе.

– Как только будет готова справка...

– Буду вам весьма признателен. Прошу.

– Только после вас.

Дверь открылась, они вошли.

В это самое время Костя по просьбе Глеба приехал к нему домой, в его резиденцию на западе Москвы.

Получив папку, Глеб обнаружил в ней архив, составленный из разрозненных на первый взгляд документов, рукописей, литературных произведений; большинство из них было написано на старофранцузском языке, которого Глеб не знал.

– Слушай, Костя, есть серьезный исторический материал, я бы даже сказал – секретное досье, которое относится к средневековой Франции.

Они сидели за столом в саду. Костя загоревшимися глазами посмотрел на Глеба. Глеб покачал головой:

– Оно не годится для научной работы. В нем документы, списки, даже стихи на разных языках, но эти вещи никто не должен видеть, понимаешь? Поэтому я не могу просто взять и обратиться к переводчикам, по крайней мере сейчас. По-английски я немного спикаю, по-немецки кое-что разберу, а вот по-французски – полный ноль. Вот смотри, – он вынул несколько листков, – похоже, это стихи.

– Давай посмотрим. – Костя протянул руку.

– Постой-ка, хочу объяснить. Не стану от тебя скрывать, что к этим материалам проявляет интерес высшее руководство. Есть те, к кому они не должны попасть ни в коем случае. В принципе, об этих документах почти никто не знает. О тебе я переговорил специально, поскольку ты – частное лицо. Я прошу тебя быть осторожным, хранить молчание, не делать копий. Все, что требуется, – это перевести на русский и, если можно, дать свое заключение. Честно говоря, мне не хотелось тебя привлекать: за документами охотятся, но другого выхода нет. – Глеб смеющимися глазами посмотрел на друга. – Дай ты бы обиделся, скрой я от тебя такую ценность. Что скажешь?

– Я готов, Глеб.

– И еще. Если почувствуешь опасность, сразу же звони. Вот телефон, по нему меня всегда найдут. Документы должны в сохранности вернуться в эту папку.

– Хорошо. – Костя взял визитную карточку с телефонами.

Глеб передал ему приготовленную пачку исписанных пожелтевших листков бумаги, вложенных в большой конверт. Друзья вернулись в дом. Костя сунул бумаги в портфель, который оставил в прихожей. В доме пахло горячим воском и ванилью.

Спустя два часа Костя отправился домой. Глеб проводил его до поворота аллеи. Костя поехал на троллейбусе к метро «Сокол». Троллейбус двинулся на восток, миновал перекресток, где в будущем появится станция метро «Полежаевская», от которой в двух шагах за поворотом можно найти светлого кирпича контрольно-пропускной пункт с виду обычной войсковой части с обыкновенной железной звездой на воротах. Повернув, троллейбус поехал дальше, оставил позади солидное здание военно-дипломатической академии и остановился, наконец, чтобы Костя мог выйти и пройти к станции подземки. Ориентиром для Кости служил храм Всех Святых на Соколе.

При большом желании Костя вычислялся элементарно. Если знать, что материалы пришли из Женевы и, вероятно с Глебом, то специалист по средневековой Франции сам просился на ум.

Костя тоже это понимал, но надеялся, что Глеб не ошибся, когда говорил о полной тайне во всем, что касалось архива.

Однако, в отличие от Кости, Глеб тайными доктринами не занимался, Костя же интуитивно чувствовал присутствие Невидимого огня, сопоставлял политические события и факты, которые умело кроются по единой кальке.

Неофициальными каналами из прозрачно-золотой Швейцарии в схваченную ночными осенними заморозками Москву пришла просьба проверить Глеба и его связи на предмет наличия искомого архива.

Проверка производилась неофициально, хотя воспользовались ничего не подозревавшими официальными органами, включив ее в их рутинную работу.

Ранним сентябрьским утром подполковник Лев Метелкин вернулся домой с дежурства. «Волга» остановилась у тротуара, и Лев пошел к подъезду.

Ирина сидела перед зеркалом, она собиралась на работу. Он снял фуражку, пригладил волосы, с удовольствием сбросил непривычные португепю и сапоги.

– Устал?

– Куда там!

– Какой ты колючий.

– Сейчас все поправим. У меня отличные лезвия.

– Мне пора.

– Может, удержишься?

– Ты же сказал, что устал. – Ирина лукаво улыбнулась.

– Я бессовестно врал!

– До вечера.

– Пстой, а то ничего не скажу.

– Ну, говори.

– А ты останешься?

– Посмотрим.

– Ага, если девушка говорит: посмотрим, значит, да.

– Так что там у тебя случилось? – Она нетерпеливо топнула ногой.

– Через меня прошла телеграмма в областную милицию. Произвести досмотр на одной даче в Удельной.

– У нас, в Удельной?

– Да, и знаешь у кого? У твоего Кости Журавлева.

– У Кости? Зачем?

– Так, ничего особенного, обычная проверка на предмет наличия отсутствия.

– Его в чем-нибудь подозревают?

– Нет, непохоже. Если бы подозревали, милицию бы извещать не стали.

– Надо его предупредить.

– Очень может быть. Только меня не упоминай.

– Ладно, я пошла.

– Ты же обещала!

Ирина посмотрела на часы, смерила его взглядом, будто прикидывая, достоин ли он такой милости, выдержала паузу, закусив нижнюю губу. Наконец сделала шаг навстречу, коснулась его опущенной вниз рукой и, глядя в затуманившиеся глаза, медленно проговорила:

– У вас десять минут, молодой человек. Вам хватит?

– О чем тут говорить, мадам!..

Днем Ирина дозвонилась Косте на кафедру и сказала, что им надо встретиться по важному делу. Первый раз за много лет Ирина позвонила ему. Костя был приятно поражен ее звонком, хотя сразу осознал, что звонок продиктован исключительными обстоятельствами.

Он полетел к ней на работу, как сказали бы инженеры человеческих душ, на крыльях любви. Сколько лет прошло, ему уже под сорок, но любовь его не утратила прежней пылкости, ощущения счастья. Меньше всего он думал о деле, больше всего о встрече, тщетно подавляя в себе вспыхнувшие иллюзии и надежды. Он приехал за пятнадцать минут до назначенного времени и теперь, не тяготясь ожиданием, прогуливался по Большой Ордынке.

Золотые купола храма Всех скорбящих радость, желтая трепещущая листва деревьев на фоне ярко-голубого неба, украшенный опавшими листьями паркет тротуара могли с великолепным спокойствием, как и он, вечно ожидать Ее.

Костя не заметил, как пролетело двадцать пять минут, потом его сердце вдруг замерло, в трахею перестал поступать воздух, и Костя пошел навстречу приближающейся Ирине.

Она шла в распахнутом светлом плаще, под которым переливался люрексом трикотажный костюм вишневого цвета. Черная лакированная сумка и такие же туфли придавали облику элегантность. Костя ничего не видел по отдельности, он был просто ослеплен.

– Здравствуй, здравствуй, Костя.

– Привет.

– Как поживаешь? – Она с любопытством оглядела его с головы до ног.

– Нормально.

– Не женился?

Костя пожал плечами:

– Нет.

– Как работа? Доктором не стал еще?

– Не стал.

Они шли к метро «Новокузнецкая». Ирина рассказала, что случайно узнала о предстоящем обыске в Удельной. Костя машинально поблагодарил. В эти полчаса он не мог воспринимать ничего, кроме присутствия Ирины. Она попросила не провожать ее и быстрее ехать на дачу. Костя отмахнулся.

– Скажи, почему ты меня бросила? Что я такого сделал?

– Не начинай, Костя. Ты мне ничего плохого не сделал. Впрочем, и ничего хорошего тоже.

– Разве мы не отвечаем за тех, кого приручили?

– Костя, «Маленький принц» – это книжка для детей.

– Жалко, что ее герои этого не знают.

– Надо им об этом сказать.

– Как все просто. Только мало кто помнит другую фразу.

– Какую?

– Когда даешь себя приручить, порой случается и плакать.

– Ох, сколько пафоса!

Костя не нашел что ответить.

Она помахала ему рукой из вагона на станции метро «Площадь Свердлова» и скрылась из виду. Оставшись один, он стал думать об их разговоре и только здесь оценил всю опасность своего положения. Даже если ему удастся спрятать документы из секретного досье, его самого могут сгоряча взять из-за множества иностранной литературы в его библиотеке, а потом учинить настоящий обыск, с привлечением специалистов.

«Ничего, мы не господа положения, но по положению мы господа!» – вспомнил Костя. Из дома он позвонил Глебу. Вскоре Глеб ему перезвонил. Костя коротко рассказал о полученном предупреждении.

– Когда ушла телеграмма?

– Вчера или сегодня утром.

– Поезжай на дачу. Ни о чем не беспокойся. В крайнем случае тяни время. Давай точный адрес.

Костя помчался на дачу. Глеб, войдя в кабинет, поднял трубку аппарата, на котором вместо наборного диска сверкал герб Советского Союза.

Через полтора часа с двух дач в Малаховке, из аккуратных домиков, выкрашенных голубой краской, спешно вышли два человека в ярких спортивных костюмах, парусиновых куртках и редких в то время для нашей страны кроссовках. Один из них вывел велосипед. Другой легкой трусцой побежал в сторону близкой Удельной по известному нам адресу.

До дачи добрались почти одновременно. Сначала быстрым шагом пришел со станции Костя. Через минуту подбежал спортсмен, похожий на иностранца.

Самое большое расстояние надо было проехать велосипедисту, поэтому он прибыл последним.

«Спортсмены» представились Косте, ему даже предъявили красные удостоверения, на которых они были не в спортивной, а в военной форме с полковничьими погонами на плечах.

Их манеры казались безукоризненными. Костя сразу почувствовал, что эти люди долго жили за границей. В отличие от нормального советского человека, они терпеливо выслушивали его до конца. Не перебивали, чтобы сказать, что им все ясно, и тут же выдвинуть возражение или, по крайней мере, высказать свое мнение. Выслушав, они секунду выжидали, чтобы убедиться, что собеседник закончил, ровным голосом отвечали. Если их перебивали, а это у нас скорее правило, чем исключение, они тут же замолкали и опять терпеливо слушали. Если собеседник вдруг менял тему, они, кивнув, покорно переходили к новому повороту разговора.

День кончался, солнце, снижаясь, еще дарило тепло саду. Грех было сидеть в такую погоду дома, и трое собеседников прогуливались по участку. Костя первым заметил идущих к дому милиционеров: двоих в темно-синей форме – местного участкового и молоденького лейтенанта, с ними асфальтовонеприметного человека в штатском.

«Спортсмен», прибежавший первым, подмигнул Косте и спокойно двинулся им навстречу. Милиционеры и штатский (он держался позади) открыли калитку и зашли на участок.

– Эй, хозяин! – Участковый махнул Косте.

– В чем дело, товарищи? – «Спортсмен» был безупречно корректен.

– Нам нужен хозяин. А вы, собственно, кто такой? – Милиционер подозрительно оглядел иностранную экипировку.

«Асфальтовый», бросив взгляд на уверенно-доброжелательного спортсмена, вдруг как-то заскучал.

– Документы есть? – Участковый не сдавался.

Доброжелательная улыбка перешла в торжествующе-ироничную.

– Прошу вас. – «Спортсмен» достал красное удостоверение и протянул его милиционерам. Как бы невзначай он позволил куртке распахнуться, так что под левым локтем стало видно рукоятку пистолета.

Милиционер невидящим взглядом уставился в удостоверение, постарался взять себя в руки – так, фотография, печати, «ЦП» – центральный подъезд, оружие. «Ну и влипли!» – подумал он.

– Извините, я про эту дачу ничего не знал.

– Всего на свете знать нельзя. Доложите начальству и забудьте.

– Есть.

Милиционеры посмотрели на «асфальтового». «Спортсмен» тоже пристально смотрел на него. Тот расслабился и улыбнулся:

– Извините, какая-то накладка.

– Бывает.

– Разрешите идти?

– Идите.

– До свидания.

– Всего хорошего.

Оставшись один, Костя стал размышлять. Охотники за документами в итоге не получили о них никакой информации. Однако они бы точно знали, что документы здесь, если бы установили факт предупреждения о проверке. Во всяком случае, в ближайшее время он не должен видаться с Ириной. Завтра, улучив момент, он позвонит ей с кафедры, чтобы поблагодарить и предупредить ее обеспокоенный звонок. Вот и все. Костя погладил ствол увечной яблони, приносящей самые сладкие плоды в его саду.

Меняя цвета, небо насыщалось синевой. Стало прохладно, и Костя ушел в дом. В доме было тепло и очень тихо. Костя зажег настольную лампу и мыслями вернулся к Ирине.

Он каждый день думал о ней, но сегодняшняя неожиданная встреча породила целый вихрь чувств и мыслей. «Не сделал ничего плохого, но и ничего хорошего... ничего хорошего». Не успел. Не смог угадать заветных желаний? Кто смог? Кто? «Кто душу положит за други своя», – вспомнил Костя.

Неблагодарность разлюбившего человека – жуткая вещь. Но... Но лучше стать жертвой неблагодарности, чем отказать в помощи.

Чего он не сделал такого, что она вдруг остыла к нему? Он всей душой потянулся к ней, пошел ей навстречу, надеясь хоть одного человека сделать счастливым. Первое время так и было. Потом она ушла. Он же, влюбившись в нее, как в собственное дитя, стал несчастным.

«Что я вообще делаю на белом свете? – продолжал он. – Меня никто не спросил, хочу я быть или не хочу. Неведомо откуда я пришел в этот мир, чтобы переживать его порядки, предаваться сомнительным радостям и мучиться от будто бы случайных неприятностей и бед. Разве я просил, чтобы меня испытывали жизнью, чтобы меня терзала совесть? Я должен получать удовольствия? Я их не получаю. Вернее, получаю, когда кончаются неприятности. Очень мило! Я должен заслужить спасение? Но почему его надо заслуживать? Я согласен просто не быть. Никогда! И не могу сам прервать свою жизнь. Знаю, тогда за это придется ответить, как за посягательство на то, что мне не принадлежит. Будет еще хуже. Меня сюда прислали и ждут. Чего? Зачем я здесь? Кто я? Мне здесь ничего не надо. Я никому не нужен, в том числе и себе. А я есть».

Костя заставил себя остановиться: «Ты не Кант, не Бэкон, не Шекспир, наконец! Хочешь решить эти вопросы? Одиноким путь подобен смерти. Потеряв любовь, ты стал Агасфером. Одной ее улыбки хватило бы, чтобы все твои мысли улетучились. Кант! Куда хватил! Во многих мудрости много печали!»

Костя улыбнулся, он вспомнил Артура и его любимого Дюма. Уже все написано.

Из главы «Диссертация Арамиса»:

«– Подумать только! Кажется, я потерял его... – лукаво сказал молодой человек, делая вид, что ищет письмо. – Счастье еще, что мир – это склеп, что люди, а следовательно, женщины, – призраки и что любовь – чувство, о котором вы говорите: “Какая гадость”

– Ах, д'Артаньян, д'Артаньян, – вскричал Арамис, – ты убиваешь меня!

– Наконец-то, вот оно! – сказал д'Артаньян.

И он вынул из кармана письмо.

Арамис вскочил, схватил письмо, прочитал или, вернее, проглотил его; его лицо сияло».

Костя вздохнул, провел рукой по лбу, сам себе сказал: «Ты болен, Костя. Разве поставить диагноз и вылечиться – это одно и то же? Тебя даже душевнобольным не назовешь, где твоя душа? Где-то там, с ней, и возвращаться не хочет».

Он не чувствовал боли – болеть было нечему.

6. СИЛЬНЫЙ С СИЛЬНЫМ ЛИЦОМ К ЛИЦУ

В конце зимы 1970 года Глеб опять побывал в Женеве, где помещалась штаб-квартира Всемирного Совета Церквей, а весной, 17 апреля, Костя приехал к нему на западную окраину Москвы.

Костя не только перевел за минувший год часть стихов, что дал ему Глеб, не только написал заключение, но и сумел бегло ознакомиться со всеми документами из архива, полученного Глебом.

Увидев этот мрамор, ты вздохнешь
Среди полей Аркадии беспечной,
Вдруг пораженный грустью бесконечной,
Страницу жизни ты перевернешь.

Здесь головы кружит хмельная кружка,
Под лютню пляшут пастушок с пастушкой,
И пуше прежнего веселье разгорится,
Но ты замрешь, прохожий, над гробницей.

Постепенно Костя из отдельных фрагментов составлял некую модель, которую он про себя называл сакральной политикой.

Глеб только что вернулся из Переделкина, куда ездил навещать больного Патриарха, и выглядел встревоженным. Алексею шел уже 93-й год, и любая болезнь могла стать для него последней.

– Ну, как продвигается экуменическая деятельность? – после изучения документов Костя проявлял к ней подлинный интерес.

– Поспешай медленно, говорили древние.

– Павел VI опять встречался с Афиногором.

– Нам еще до этого далеко. В прошлом году я был в Риме, посещал орден доминиканцев.

– Святую инквизицию? – Костя широко раскрыл глаза.

– Инквизиция давно отыграла свое время.

– Не спорю. Но ведь есть общественное мнение.

– И вы, историки, сыграли здесь не последнюю роль.

– Ты и вправду считаешь возможным объединить церкви? – задал прямой вопрос Костя.

– Не торопись, друже. Полагается все взвесить. Но делать шаги навстречу все равно надо.

Разделение ведет к войнам. Действовать надо осторожно. Знаешь, у меня в юности был один знакомый еврей. Он всегда говорил: зачем тебе лезть напролом, научись маневру.

– Ага! Нормальные герои всегда идут в обход!

– Те, кто противодействует, больше склонны к решительным, я бы даже сказал, грубым действиям. Они не терпят компромиссов и признают только черно-белую гамму.

Глеб помолчал, потом сказал уверенно:

– И все же христианство, несмотря на множество церквей, имеет общую основу.

– Однако согласись, мы далеко разошлись с западным миром.

– Но не настолько, чтобы не иметь общего, – парировал Глеб. – Никто не призывает народ терять свою особенность.

– И все же, все же, все же... Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут. Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд...

– Киплинг? А я тебе отвечу. Тем же Киплингом. – Глеб поднялся, подошел к книжным полкам, нашел нужный томик, открыл его на закладке, прочел вслух:

Но нет Востока и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?

– Вот любопытное зрелище! Православный Владыка использует как аргумент стихи масона Киплинга! – воскликнул Костя.

– Ты этого захотел.

Костя развел руками.

Глеб продолжал:

– Конечно же Киплинг не аргумент. Я это сам понимаю. И даже отдаю себе отчет в том, что мои оппоненты по-своему правы. Справедливость и истина на их стороне. Государственные, национальные и прочие интересы, наконец, русское православие, что может быть важнее в исторической перспективе? Но это – реалии земного мира, понимаешь?

Глеб заложил руки за спину и подошел к окну. Не оборачиваясь, он сказал:

– Когда я думаю о драгоценной крови Христовой, я выбираю Христа и отказываюсь от справедливости и истины! Я предпочитаю жить его замыслами, а не нашими соображениями!

Воцарилось молчание. Костя в который раз признал правоту Глеба. Справедливость и истина – изобретения человечества и по-разному воспринимаются людьми и небожителями.

«Он видит и чувствует то, чего не видят и не чувствуют другие, – размышлял Костя, – гордыня не позволяет слышать то, что слышит смирение». Вслух он произнес:

– Понимаю, как тебе непросто, Глеб. Любой из них тебе сказал бы, что Христос, справедливость и истина – это одно и то же. А я не стану. И судить не буду. Только знай, Глеб, если тебе понадобится помощь, можешь на меня рассчитывать. На все сто процентов.

Глеб, улыбнувшись, вернулся к столу.

Костя тоже сел и попросил Глеба не уходить от темы экуменизма.

– Скажи, как ты себе это представляешь? Давай заглянем через поколение. Что в итоге?

– Я же не писатель-фантаст и не кудесник. Святоотеческие писания впрямую не говорят о политике. Мне только ясно, что объединение в том или ином виде неизбежно. Разделение людей должно проходить не по политическим границам, а по границам Добра и Зла.

– Очень неконкретно.

Глеб вздохнул и понизил голос:

– Понимаешь, мирская власть признается религией в крайнем случае в виде монархии. Поэтому любое федеративное устройство не актуально.

– То есть в идеале, как в этих стихах, должен вернуться род царей-жрецов? Имеющих неоспоримое право? Право крови?

Глеб не успел ответить, его позвали к телефону. Возвратился он расстроенный и озабоченный:

– Алексей скончался. Надо ехать.

Костя понимал, что сейчас Глебу нужно было остаться одному, успокоиться, сосредоточиться. Поэтому он не стал ждать своего друга, простился и пешком отправился на конечную остановку троллейбуса. Он шел в прохладном вечернем сумраке по сухим дорожкам дачного поселка. Пахло оттаявшей землей. Свежий весенний ветер привольно гулял по улочкам поселка, что приютился в пойме реки вдали от центра Москвы.

Засунув руки в карманы плаща, Костя думал о Глебе, о почившем Патриархе и о том, что теперь будет: ведь, как ни крути, Глеб становился теперь первым лицом в Русской Православной Церкви. Это открывало захватывающие дух перспективы. Костя ощущал себя песчинкой,

затерянной в тревожной Вселенной. Думал он и о своей науке – истории, фиксирующей видимое, вернее, то, что ей позволяют видеть, и игнорирующей скрытое.

Так он стоял на остановке, поджидая троллейбуса, когда мимо с зажженными фарами промчалась «Чайка» Глеба.

Тем временем своей решающей стадии достигла начатая в эти дни операция «Килевание» – операция по дискредитации Глеба с целью пресечь его продвижение и удалить с политической сцены.

Вмешательство Андропова позволило сохранить прежнее положение Глеба. Осторожный Брежнев, подготовленный сторонниками «Килевания», все же не мог не прислушаться к аргументам кандидата в члены Политбюро. Однако в главном он не уступил – предложение продвинуть Глеба не прошло, ограничились сохранением статус-кво. Суслов вмешиваться не стал.

Пару дней спустя Костя понял, что исторический шанс упущен. Интуиция подсказывала ему, что наверху поступили грубо и недальновидно. Полярным холодом повеяло на него, и он пожегился в предчувствии неприятностей в будущем для своей страны.

В этот несчастный год к тому же скончался Шарль де Голль.

Потом еще это покушение Мендоса Амора на Папу Павла VI, который продолжал линию сближения верующих разных стран.

Подчиняясь какой-то своей логике, локомотив перешел на другой путь и бодро двинулся по боковому пути, нимало не заботясь ни о пункте назначения, ни о пассажирах.

День за днем, незаметно пролетал семидесятый год. Как бы мы ни старались уйти в прошлое, чтобы восстановить его в памяти, рано или поздно приходится возвращаться к той точке, из которой мы в него отправились.

Напомним, что в конце лета Артур побывал на даче в Удельной, где после рассказа Кости видел удивительный сон. Потом они долго говорили о загадке «Трех мушкетеров». Артур был уверен, что Костя открыл ему не все тайные знаки, расставленные в романе Дюма. Автор подавал эти знаки через головы читательской толпы тем, кто их понимает.

«Шляпа с пером, плащ и шапка перешли в руки лакея, и молодой офицер направился уверенным шагом через гостиную к двери, ведущей в покои хозяйки. Пригладив жесткие светлые волосы и проведя рукой по усам, он открыл дверь, вошел в комнату и огляделся.

За окнами комнаты темнел сад. Вечер опускался на Париж.

На круглом столе стояли свечи. Они освещали лист бумаги, над которым склонились двое: юноша в одежде семинариста (он сидел на стуле и читал вслух) и молодая женщина, одетая по-домашнему, но изящно (она стояла за спиной юноши, положив подбородок ему на плечо).

*Сделай слово мое и хитрость мою раною и язвою
Для тех, которые задумали жестокое
Против завета Твоего, Святого дома Твоего,
Высоты Сиона и дома наследия сынов Твоих.*

Семинаристу, судя по всему, не исполнилось еще и двадцати лет, у него были темные волосы и большие карие, почти черные глаза.

Хозяйка, склонившая голову к его плечу, напротив, отличалась пышными светлыми волосами и голубыми глазами.

– А вот и вы, шевалье! – воскликнула она при виде офицера. – Наш будущий аббат читает чудесный перевод из “Юдифи”.

Офицер приветствовал даму и не заметил или сделал вид, что не заметил поклона молодого человека.

– Я только что сдал дежурство, и вот я – на улице Пайен!

Спустя короткое время юноша нежно простился с хозяйкой. Офицер вышел вместе с ним. Аббат хотел распрощаться, но офицер остановил его вопросом:

– Скажите, любезный аббат, нравится ли вам, когда вас бьют палкой?

– Помилуйте, что вы такое говорите, сударь? Никто и никогда меня палкой не бил.

– Вот как? – Офицер уставился на молодого человека. – Впрочем, так я и думал. В таком случае позвольте вам заметить, что вы сможете оценить это удовольствие, если еще раз явитесь в этот дом. – Офицер показал на дверь дома.

Юноша побледнел и опустил глаза.

Его соперник, ослабившись, ждал ответа. Не дождавшись, он расхохотался и вернулся в дом. Ошеломленный аббат стоял и смотрел ему вслед».

Артур встал, прошелся по комнате, поглядел в окно. Солнце садилось среди многоэтажек на Садовом кольце, освещая фасады домов, отражалось от стекол, посылая оранжевые лучи в другие окна.

«Конечно, – думал Артур, – последний из друзей, Арамис, будущий аббат д'Эрбле, – самый загадочный персонаж в трилогии Дюма. Священник и воин в одном лице. Мы встречаем его молоденьким семинаристом Рене, оскорбленным и униженным, а оставляем через тридцать с лишним лет испанским герцогом д'Аламеда. Да что там герцогом! Одним из самых могущественных владык мира – *padre generale* – генералом ордена иезуитов!»

Он – единственный бессмертный герой из знаменитой четверки мушкетеров. Вот как последняя страница трилогии описывает смерть д'Артаньяна:

«Тогда, сжимая в холодеющей руке маршальский жезл с вышитыми на нем золотыми лилиями, он опустил глаза, ибо у него не было больше сил смотреть в небо, и упал, бормоча странные неведомые слова, показавшиеся удивленным солдатам какою-то каббалистикой, слова, которые когда-то обозначали столь многое и которых теперь, кроме этого умирающего, никто больше не понимал:

– Атос, Портос, до скорой встречи, Арамис, прощай навсегда!»

Арамис уходит в будущее, в извечную борьбу с королевским абсолютизмом, участвуя в нашей памяти во всех интригах того бурного времени, всегда на стороне неомонархистского движения: на стороне Габсбургов против Ришелье, на стороне Лотарингов против Мазарини, на стороне Стюартов против Кромвеля, на стороне Фуке против Короля-Солнца.

Проникновение на вершину власти в ордене иезуитов делает его фигуру еще загадочнее, еще многограннее, ставит ее над схваткой, придает ей диалектичность, намекает на синтез.

Костя сказал:

– Обрати внимание на эпилог в «Трех мушкетерах».

Из главы «Эпилог»:

«Aramis, apres un voyage en Lorraine, disparut tout a coup et cessa d'ecrire a ses amis».

«Арамис, совершив поездку в Лотарингию, внезапно исчез и перестал писать своим друзьям».

Лотарингия, строго говоря, в то время была за границей.

Порывшись в книгах, Артур снова отправился к Косте.

– Лотаринги и герцоги Гизы на протяжении столетий упорно и решительно боролись за французский трон, – пояснил Костя. – Сначала Франсуа де Гиз по прозвищу Меченый, став почти королем, пал от пули убийцы. Его сын Генрих, организатор Варфоломеевской ночи и Лиги, был убит телохранителями короля. Потом, как мы с тобой говорили, начались попытки захвата власти через Гастона Орлеанского и Фронду. В следующем веке, породнившись с австрийским домом Габсбургов, они почти достигли цели, когда Мария Антуанетта стала королевой Франции. Великая французская революция помешала этому. Еще в конце XIX века

строились планы на возрождение Католической Лиги. Но Первая мировая война похоронила эти планы, а также императорскую династию Габсбургов-Лотарингов, да и Романовых тоже.

– А Гизы это что? – спросил Артур.

– Титул герцогов Гизов лотарингские принцы получили из рук короля Франции Франциска I. Да, интересная деталь – лотарингский крест стал символом движения сопротивления «Свободная Франция». Ее возглавлял в войну Шарль де Голль.

– И как он выглядит?

– Вот, смотри, – Костя взял карандаш, – такой вот крест с поперечной перекладиной. Этот крест был на гербе Рене Доброго, герцога Анжуйского и Лотарингского.

– Когда он жил?

– Жанна д'Арк и он были ровесниками. А ты знаешь, что Жанна д'Арк тоже появилась из Лотарингии, и ее даже называли девственницей из Лотарингии.

– Нет.

– Она жила в деревне Домреми в герцогстве Бар, а оно принадлежало Рене Доброму. Фактически это была часть Верхней Лотарингии. Так вот, прежде чем отправиться в путь, Жанна поехала в Нанси, столицу Лотарингии, чтобы встретиться с ее правителями.

– Арамиса тоже звали Рене, – заметил Артур. – И она познакомилась с этим Рене Добрым?

– Да, они были знакомы. Вообще, Рене был довольно таинственной персоной. Кстати, у него работали два лекаря, которые поженили своих детей, и у них появился внук Мишель де Нотрдам, всем известный как Нострадамус. – Костя сделал паузу. – В тридцать пять лет Нострадамус навсегда покинул свой дом в Ажене, где поселился по приглашению Жюль Сезара Скалигера, и отправился... куда бы ты думал? Правильно, в Лотарингию.

– Кто такой Скалигер?

– Основатель классицизма, короче говоря, гуманист. Историки больше знают его сына, основателя современной хронологии Жозефа Жюста Скалигера.

За беседой время летело незаметно. Костя пошел ставить чайник. На столе появились хлеб, масло, мармелад, сушки, пряники и прочие вкусные разности.

Артур по обыкновению подошел к письменному столу Кости. Как всегда, не трогая живописный беспорядок, Артур, вытянув шею, ловил попадавшие на глаза строчки.

Alexandr Souvorov, general russe...

– Суворов? Русский генерал? Понятное дело!

*Felix qui potuit rerum cognoscere causas*⁵.

– Латынь? Ага, вот, по-английски...

The doctrine was declared heretical by several councils...

– Так, какая-то доктрина была провозглашена ересью. По-русски есть что-нибудь?

География лежит в основе стратегии мира или становится пособницей в стратегии войны...

– Какой-то Хэлфорд Макиндер!

...просоветски настроенный отъявленный масон, активно пролагающий путь народной монархии во Франции...

– Ничего не понимаю! Ага, а вот это интересно:

Согласно Писанию предконечные времена приблизятся, когда вновь будет воссоздано государство Израиль, Иерусалим возвращен евреям и, наконец, на горе Мориа вновь выстроен Храм Соломона (сейчас это место занимает мечеть аль-Акса).

С Костей не заскучаешь!

⁵ Счастлив, кто познал природу вещей (лат.).

В следующий раз Артур приехал на дачу зимой вместе с Виталиком. У ребят начались студенческие каникулы.

Костя был рад их приезду. Долгими зимними вечерами одиночество кажется невыносимым.

С утра Артур и Виталик надевали лыжи и ходили по заснеженным, пустынным окрестностям. В первой половине дня ничто не нарушало тишины. Редко-редко проносились поезда дальнего следования. Еще реже слышался приглушенный гул самолета, идущего курсом на аэродром Быково.

Голубое небо, зеленые вершины сосен, стволы медового цвета, синие тени на белом снегу радовали глаз; легкие наполнялись чистым воздухом, а тело согревалось сухим внутренним теплом разгоряченных мышц.

Виталик, несмотря на то что был моложе Артура, перегнал его в росте. Девятнадцатилетний, высокий, худой, со светлыми волосами и серыми глазами, он все еще походил на подростка. Пока не вставал на лыжи. На лыжне он был хозяином положения. Лыжами он начал серьезно заниматься еще в школе, а, поступив в институт, вскоре вошел в сборную команду общества «Буревестник». Артур и не пытался с ним соревноваться, хотя на лыжах ходил неплохо и в свое время норму ГТО второй ступени (обязательный для студентов первого курса норматив «Готов к труду и обороне») выполнил шутя. Виталик научил Артура «лесенке», которую освоил, подражая Гунде Свану.

Вечером Костя с Виталиком играли в шахматы. Артур сидел в кресле, охмелевший от свежего воздуха, утомленный с непривычки долгой прогулкой на лыжах. Прикрывая глаза, он видел перед собой убегающую в снежное поле лыжню. Из радиоприемника в комнату, обставленную старой мебелью, наполненную книгами, освещенную настольной лампой, непринужденно проникали звуки чембало.

Артуру мнились розоватые кружева, свечи в золоченых канделябрах, дамы и кавалеры с изящными манерами.

«Ранним утром следующего дня Рене д'Эрбле, одетый в сутану, явился к лучшему в Париже учителю фехтования. В зале было пусто, лишь в стороне два фехтовальщика разминались со шпагами в руках.

Учитель, итальянец средних лет, взял со стола линейку с делениями и, держа ее вертикально, предложил Рене поймать ее, как только он разожмет пальцы.

Линейка успела пролететь не более трех дюймов, когда была подхвачена семинаристом.

– Сколько времени вы бы хотели заниматься со мной, шевалье? – спросил без обиняков итальянец.

– Ровно год, сударь. Смогу ли я после этого на равных сразаться, скажем, с офицером королевской гвардии? – Рене следил глазами за двумя фехтовальщиками (позже он узнает их имена: Атос и Портос).

– Вы будете приходить ко мне ежедневно, шевалье. Через год вы сможете выйти на бой с двумя офицерами.

– Превосходно!

Год пролетел быстро. Лицо Рене немного похудело, волосы отросли до плеч. Походка стала уверенной, а в движениях появилась грация крупной кошки.

Однажды вечером Рене снял сутану и надел гранатовый колет с шитьем, прицепил шпагу и отправился в гости на улицу Фран-Буржуа, что в восточной части Парижа, примерно в полумиле от Бастилии.

Когда он вошел, светский раут был в разгаре. Кланяясь знакомым, он отыскивал нужного ему человека. Наконец, увидев оскорбившего его офицера, Рене решительно направился к нему.

Офицер с нежностью напевал песню о любви одной из дам. Рене постоял, послушал, однако, не дав донпеть песню до конца, прервал офицера на полуслове:

– Сударь, вы продолжаете настаивать на своем праве возражать, если я соберусь прийти в известный нам дом на улице Пайен?

Офицер несколько опешил, затем, оправившись от неожиданности, спросил резко:

– Кто вы такой, сударь? Я вас не знаю!

– Знаете, сударь, знаете. Я – тот самый молоденький аббат, который переводит “Юдифь” стихами и которого вы имели намерение угостить ударами палки.

– Да, уже вспомнил. – Офицер ухмыльнулся. – Так что вам угодно?

– Мне угодно, – Рене понизил голос, – чтобы вы соблаговолили пойти прогуляться со мной.

– С величайшим удовольствием. Завтра утром я в вашем распоряжении!

– Немедленно, сударь. Я не хочу дважды напоминать о себе.

Глаза офицера злоеюще округлились:

– Как вам будет угодно.

Затем, обернувшись к дамам, он проговорил:

– Сударыни, прошу меня простить. Я только убью этого господина и сразу же вернусь, чтобы спеть с вами последний куплет.

И он последовал за пошедшим к выходу Рене д’Эрбле».

К шести часам темнело и, завидев оживление в доме, к Косте приходил сосед Марк Аронович. Он приносил с собой завернутую в старую телогрейку кастрюлю с супом, только что снятым с огня его хозяйкой.

Марк Аронович был пенсионером, жил в Удельной постоянно и не мог отказать себе в удовольствии провести время в мужской компании, тем более среди молодежи. Он, как говорится, пожил, много знал, был умен и собеседником являлся отменным. В 1967 году его поспешили отправить на пенсию из летно-испытательного института, которому он отдал много лет; через некоторое время, правда, позвали обратно, но вернуться он не захотел.

– Ну, так я вам скажу, молодые люди, такого воздуха, как здесь, вы нигде не сыщите! Сам Захарьин рекомендовал легочным больным наш воздух.

– Это тот Захарьин, что лечил в Ливадии Александра III, – подтрунивая над Марком Ароновичем, немедленно отреагировал Костя, – лечил, но не вылечил?

– Константин Георгиевич, дорогой, император был обречен.

– А императору, между прочим, и пятидесяти еще не было, – сказал Костя, принимая кастрюлю.

– А Захарьин, между прочим, получил орден Александра Невского.

– Ладно, ладно. Здешний воздух и вправду замечательный. – Костя открыл крышку и потянул носом. – Что скажете, друзья?

Артур и Виталик, учуяв запах мясного супа с чесноком, без возражений согласились с очевидным, они быстро помогли накрыть на стол. Суп был разлит по тарелкам, и несколько первых минут все ели молча.

– Кстати, Марк Аронович, – отложив ложку, лукаво спросил Костя, – книга пророка Захарии не входит в Тору?

– Помилуйте, Костя. Захарьины, как вы знаете, старинный боярский род. Роман Захарьин – отец царицы Анастасии, жены Ивана Грозного. От них Романовы пошли.

– Припоминается, – прищурившись, продолжал Костя, – что в XIV веке в свите литовского князя в Новгороде был чародей по имени Схария или Захария. Он ведь секту основал, и, если не ошибаюсь, согласно Софийской летописи, за это впоследствии сожгли в железной клетке Федора Курицына.

– Костя, объясни, о чем это вы? – не выдержал Артур.

– Константин Георгиевич шутит над стариком, – ответил за Костю Марк Аронович. – Ему известна моя слабость к фамилиям знаменитостей.

– Например!

– Ну, например, назовите фамилию известного человека.

– Виталик, назови.

– Ленин.

– Ульянов.

– Это все знают.

– Все, да не все. По материнской линии знаете?

Артур помотал головой.

– Бланк, – сказал Марк Аронович.

– Ага, Виталик, еще назови кого-нибудь.

– Сталин.

– Е-мое! Джугашвили, понятное дело. А материнскую никогда не слышал, – Артур с ожиданием посмотрел на Марка Ароновича.

– Геладзе.

– Здорово! Теперь я спрошу, а то Виталик Горького предложит.

Марк Аронович поощрительно улыбнулся. Артур посмотрел вверх.

– Ну, например, Саша Черный.

– Гликберг.

– Костя, теперь ты!

– Пожалуйста. Давайте спросим что-нибудь посложнее, скажем, про жену Берии.

– Жена Берии – Гегечкори Нина Теймуразовна. Говорят, на самом деле – дочь князя Багратиона и польской красавицы Золотницкой. Сама красавица, как и ее сестра, княгиня Леонида, жена Владимира Кирилловича Романова, одного из наследников русского престола.

– Легенда, – сказал Костя.

– Может да, а может, и нет.

– Я знаю, как звали Троцкого. Бернштейн. Нет, Бронштейн. Нам на первом курсе говорили, – сказал Артур.

– А я – Гитлера, – сказал Виталик.

– Кто этого не знает? Шикльгруббер.

– Надо еще заправиться, – Виталик махнул рукой и попросил у Кости добавки.

Тот пошуровал половником в кастрюле. Остатки супа разлили по тарелкам.

– На чем мы остановились?

– Молодые люди ищут примеры.

– Борьба и искать, найти и не сдаваться. Кто сказал?

– Это – Каверин, «Два капитана». Полярные экспедиции и борьба с норд-остом. Последний бросок на Север.

– Вениамин Каверин – Зильберштейн, – вставил Марк Аронович.

Все засмеялись. Отсмеявшись, Костя сказал:

– По-моему, это все-таки заключительные слова из поэмы «Улисс». Не Каверина, а Теннисона.

– Марк Аронович, вы были знакомы со знаменитыми людьми? – спросил Артур.

– Так, чтобы хорошо знаком – нет. Но до войны видел здесь известных людей. У нас в детском городке преподавал Марк Шагал. Потом тут рядом, в Малаховке, был поначалу театр, в котором даже Шаляпин пел. Кстати, тогда вот отсюда, от Удельной, до театра ходила конка, – Марк Аронович показал рукой в окно. – Шаляпина я, конечно, не застал, не помню и Бунина, хотя он жил здесь на даче Телешева. Помню, перед войной тут снимали фильм по Островскому.

– Качалова видели?

– Качалов – Шверубович!
– Вы неисправимы!
– Увы, каюсь, Костя. Но здесь Качалова не видел.
– Говорят, – сказал Костя, – на сцене этого театра свою первую роль сыграла Раневская. Помните: «Я возьму с собой “Идиота”, чтобы не скучать в троллейбусе».
– Раневская – Фельдман! – не выдержал Марк Аронович.
Костя обессиленно развел руками: кто бы сомневался?
– А я недавно Келдыша видел, – похвастался Артур, – в гардеробе Физического института. Он пальто сдавал, а я одевался.
– Откуда ты узнал, что это Келдыш? – спросил Виталик.
– Откуда? От верблюда. Во-первых, я вижу – личность знакомая, а потом мне же гардеробщица сказала.
– Капитально! И что он у вас делал?
– Как что? Наверное, заехал к директору. Может же президент Академии наук заехать к академику Скобельцыну.
– Тебе ничего не сказал?
– Как же! Обнял меня и прослезился.
– Да ладно...
– Ну, сдал человек пальто и пошел к лестнице.
– Я тоже видел Келдыша, – сказал Марк Аронович, – только давно. Мы тогда сверхзвуком занимались. На Ла-176.
– КБ Лавочкина? – спросил Костя.
– Лавочкин – Айзикович, – подняв палец, наставительно произнес Марк Аронович.
– О, Аллах!
– Слово не воробей, его из песни не выкинешь!
– Не воробей, а целая воробьиная стая, – вдруг очнувшись, сказал задремавший Виталик. Костя и Марк Аронович переглянулись и засмеялись. Виталик удивленно посмотрел на них.
– Давайте пить чай, – предложил Костя.
Виталик, опорожнивший две полные тарелки супа, оживился и радостно потер руки. Две недели коротких зимних каникул подходили к концу. В субботу мальчишки уехали, и Костя опять остался один.
Выручали книги, работа, лекции. Марк Аронович, не желая докучать, бывал редко. Артур с Виталиком впряглись в учебу и тоже не встречались. Артур и не подозревал, что Виталик неожиданно для себя влюбился.
*«Рене привел офицера на то самое место рядом с особняком на улице Пайен, где год назад они расстались. Был поздний вечер, на темном небе повисла, как фонарь над пустынной мостовой, круглая луна. Дул свежий ветер. Противники сняли плащи и шляпы.
Рене поднял глаза к небу и перекрестился.
– Итак, любезный аббат, взгляните на небо, ведь больше вы его не увидите, – насмешливо сказал офицер.
Рене покосился на него и вынул шпагу.
– Я к вашим услугам, сударь. – Он встал в позицию, как будто пришел в фехтовальный зал.
Офицеру не требовалось повторного приглашения к бою. Он дерзко с головы до пят оглядел аббата, презрительно ухмыльнулся и, привычно отсалютовав шпагой, без разведки бросился в атаку.»*

Аббат, не сходя с места, отбил удар. Офицер выругался, едва удержавшись на ногах. Он перевел дух и осмотрелся. Рене продолжал спокойно стоять в позиции ангард. Его противник возобновил атаки.

Однако через минуту он снова остановился и в упор посмотрел на Рене, тот ответил ему холодным взглядом. В свете луны глаза аббата сверкнули, как два черных бриллианта.

Офицер отер пот, стекавший со лба. Оскалив зубы, он один за другим нанес три сильных удара. Рене отразил их и, сдвинувшись с места, сделал ложный выпад, заставив офицера переступить, чтобы удержать равновесие.

Больше офицер ничего не успел сделать. Лишь по глазам противника он понял, что лезвие шпаги Рене уже вошло ему в грудь и прошло насквозь. Он почувствовал боль, только когда вынимаемый из тела клинок скользнул по позвонкам; перед его глазами что-то ярко вспыхнуло и разлилось быстро остывающим пламенем. Секунду он постоял, выронив шпагу, и мертвым упал навзничь.

Аббат перекрестил лежащее тело, прошептал молитву, затем накрыл лицо покойного плащом. Подобрал ножны от шпаги, плащ и шляпу, Рене, не оборачиваясь, пошел по улице».

«Аббат стал мушкетером, – подумал Артур. – К сожалению, мало, что нам известно о нем в двадцатилетний период, после того как он снял мундир. Однако, прочитав всю трилогию, можно согласиться с тем, что склонность к поэзии и изысканности он не утратил, или, как говорил Сократ: “То, что я понял, прекрасно. Из этого я заключаю, что остальное, чего я не понял, тоже прекрасно”».

Артур потушил настольную лампу и лег в кровать. Голова еще была занята сценарием.

«С той поры, – продолжал размышлять Артур, – Арамис предпочитал даже в самых тяжелых условиях не расставаться со шпагой. С ней он чувствовал себя уверенно и, не раздумывая, пускал ее в ход. Был отважен и честолюбив».

Артур возмущался некомпетентностью режиссера, когда видел, что Арамис на экране заигрывает с трактирщицами или горничными. Ведь любовные связи Арамиса являлись продолжением его честолюбия.

Атос, вернее граф де Ла Фер, соперничающий по родовитости с принцами, мог позволить себе жениться на девушке, не заботясь о ее происхождении.

Портос, или господин дю Валлон де Брасье де Пьерфон, получил эту гроздь имен в результате мезальянса с богатой вдовой, которая утратила свое дворянство в браке с прокурором. Портос был тщеславен, но не честолюбив, и золото – это хлеб тщеславия, а не честолюбия.

Д’Артаньян, бедный гасконский дворянин, гвардии корнет, всей душой полюбил Констанцию, жену торговца. Ему было совершенно все равно, происходит ли она из мешан или купечества; не имело значения, крестница ли она Ла Порта, старшего камердинера королевы, или нет. Кстати, Ла Порт при всем желании не мог быть крестным отцом Констанции, потому что был моложе ее года на два. Родственную связь с Ла Портом приписал ей муж, господин Бонасье.

Д’Артаньян, корнет гвардии, был счастлив, когда на него обратила внимание миледи, графиня Винтер, и ему удалось добиться ее расположения только благодаря сделке между ними. При этом он еще успел завести интрижку со служанкой Кэтти.

Д’Артаньян, лейтенант королевских мушкетеров, был вполне удовлетворен нежными отношениями с хозяйкой гостиницы, где он проживал, бельгийкой Мадлен.

А вот Арамис, шевалье д’Эрбле, напротив, находил любовь только в высшем свете. Даже графиня Винтер, как женщина, не возбуждала в нем интереса. Он подсмеивался над прокуроршей Портоса, с почтением относился к Констанции и сумел лучшим образом распорядиться судьбой Кэтти, но все они стояли ниже уровня его амбиций.

Судите сами, кто удостоился его любви. Во-первых, это герцогиня де Шеврез, в девичестве Мари-Айме де Роган-Монбазон (известная в «Трех мушкетерах» как девица Мишон).

Она – подруга королевы, вдова де Люиня, коннетабля Франции, друга короля, командующего всеми вооруженными силами страны. Во-вторых, это герцогиня де Лонгвилль, в девичестве Анна-Женевьева де Бурбон-Конде, можно считать, принцесса и сестра принцев. Обе, каждая в свое время, королевы красоты. Первая, когда он был совсем юным, на три года старше его, вторая, когда он был в зрелом возрасте, лет на пятнадцать моложе.

Вскользь упомянуто, что Арамис бывал у герцогини д'Эгильон, то есть ни много ни мало у любимой племянницы кардинала Ришелье Мари-Мадлен де Виньеро де Камбале, получившей титул герцогини. Из-за платка кухни герцогини де Шеврез с инициалами «КБ» некой Камиллы де Буа-Траси, персонажа скорее вымышленного, у него произошла известная ссора с д'Арганьяном.

Артур постарался отогнать от себя мысли о красавицах. Он закутался в одеяло, закрыл глаза и немного погодя увидел уходящий за горизонт проселок, траву под летним солнцем, далекую лесную полоску колосающееся поле, колеблемое легким ветром.

В это же самое время похожий сон видел Виталик. Ему снился залитый солнцем луг. Виталик бежал, едва касаясь земли, по направлению к лесу. Синие ели важно стояли на покрытой сухими иглами опушке. Лес был сумрачен и таинственно молчал.

7. Виталис значит «жизненный»

Виталик вырос, не зная своего отца. Похоже, он никогда его не видел, лишь смутно помнил фразу, подслушанную в детстве: «без права переписки». Потом пришло извещение о смерти.

Он жил с матерью и бабушкой в подвале огромного дома. В квартире вместе с их комнатой было 16 комнат (их занимали соседи), да еще 2 кухни, да один туалет. Длинный коридор с выходящими в него дверями, которые Виталику не под силу было сосчитать, освещался одной тусклой лампочкой. По коридору ребятишки могли не только бегать, но и гонять на трехколесных велосипедах. К их услугам было немало темных углов, таинственных мест, секретных схронов, которые мальчики особенно любили исследовать. Играя в войну, они прятались за сундуками и шкафами.

Маленький Виталик поначалу робел заглядывать в дальний конец коридора. Переваливаясь, с бьющимся от страха и от восторга сердцем, он проходил несколько дверей, за которыми слышались голоса, потом замирал, делал еще несколько шагов в темноту, но не выдерживал и опрометью бросался с широко открытыми от ужаса глазами назад к матери, хватал ее за руку и прятал лицо в длинной юбке.

Клавдия, держа его ладошку, шла на кухню или в кладовую, а он смело топал рядом, разглядывая темные стены. Если вдруг кто-то открывал дверь, падающий свет вырезал ровный и хорошо видимый кусок коридора, желтый, как кусок сыра. Остальная часть пространства, казалось, становилась еще темнее.

Пока мать болтала с соседкой, Виталик набирался храбрости и делал несколько шагов в окружающий мрак. Заметив у своих ног покрытую гладкой шерстью спинку, он, сопя, присаживался над огромной крысой, обнюхивающей углы коридора, приговаривал, осторожно касаясь ладошкой ее спины: «Киса, киса».

Клавдия, заметив его маневры, фыркала от возмущения, топала ногой; крыса мгновенно исчезала. Клавдия хватала сына в охапку и тащила на кухню мыть руки.

Нельзя сказать, что этим ограничивалось общение Виталика с животными. Так, он был знаком с воспитанным котом, которого держала одна из соседок. В отличие от своей хозяйки, особы довольно полной и любившей яркие наряды, кот был серый в полосочку и какой-то плоский, будто вырезанный из картона. Он редко появлялся в общественных местах, проводя большую часть жизни в комнате хозяйки. Через форточку кот легко выходил на улицу и возвращался обратно, тем более что выход находился прямо на уровне тротуара.

Хозяйка полагала, что коты должны кормить себя сами, добывая пищу охотой на мышей. Однако кот не был из породы мышеловов, не имел охотничьего азарта, да и мать-кошка, видимо, не успела обучить его кошачьему ремеслу. Повинуясь инстинкту, он мог погнаться за удирающим мышонком, но внезапно, как будто вспомнив о неотложных делах, замедлял бег, устало присаживался и, посидев немного, отправлялся на диван. Если он слышал грубый мужской голос и топот башмаков, то, забыв о своей обычной расслабленности, спешно устремлялся в комнату. Детей он терпел, но к женщинам относился с большим вниманием, получая время от времени порцию молока – за вредность, как они говорили.

Перед ноябрьскими праздниками он прославился как настоящий хищник и защитник хозяйского добра. Накануне вечером его хозяйка зажарила в духовке утку. На ночь остывшая утка, завернутая в промасленную бумагу, была оставлена в холодной кладовке. Чтобы мыши не вздумали покушаться на редкий деликатес, охранять его поручили коту. Кот не хотел ночевать под замком в кладовке и изо всех сил сопротивлялся. В темноте он долго сидел под дверью и мяукал. Потом все стихло.

Наутро дверь открыли, из нее вышел, пошатываясь, как воин после битвы, кот; его глаза блуждали. Вместо приветливого «мяу» он издал слабый стон. Судя по всему, он сделал все, чтобы утка не досталась врагам. Хозяйка вошла в кладовую, и тогда соседи услышали ее крики. Утка была съедена полностью, аккуратно и со знанием дела. Кот в полуобморочном состоянии, вежливо рыгая, дошел до своей комнаты, мелькнул фанерой в дверном проеме и исчез под диваном.

На праздники всегда пекли пироги, и Клавдия приносила Виталику новенькие детские книжки, которые тогда можно было купить в книжном магазине, лишь заняв очередь ранним утром перед открытием.

Не умея читать, Виталик сначала разглядывал с бабушкой пахнущий краской журнал «Мурзилка» на плотной бумаге с красивыми картинками. На развороте «Мурзилки» был помещен цветной портрет Сталина в мундире с погонами генералиссимуса, с орденами и звездой Героя.

На Виталика надевали новую рубашку и завязывали бант. Он огорчился, что у него еще нет, как у взрослых, длинных брюк. Поэтому ему приходилось со вздохом влезать в короткие штанишки с помочами. Ни о каких детских колготках тогда и не слыхивали. Вначале на майку надевался лифчик – такая белая жилеточка с резинками для цепляния чулок, как у девочек. Потом коричневые хлопчатобумажные чулки в рубчик, которые удерживались этими дурацкими резинками, потом трусы, потом рубашка и короткие штаны. Вот такая была экипировка.

Впервые отглаженные длинные брюки он получил только в шесть лет, а до этого носил зимой рейтузы с резинкой внизу, а летом – сатиновые шаровары.

С детства мальчики жили прошедшей войной. Любимые фильмы были про войну. Книжки были про войну. Играли мальчишки тоже в войну.

Однажды, уже став студентом, он случайно услышал в троллейбусе немецкую речь, два офицера из ГДР ехали на занятия в Академию бронетанковых войск, и вдруг с удивлением и даже некоторым испугом он почувствовал острое инстинктивное желание передернуть затвор и прицелиться.

В детстве он не раз видел себя, обязанного гранатами, поднимающегося из окопа, чтобы броситься под танк.

Шло время, исчезли портреты Сталина. Журнал «Мурзилка» стал выходить на тонкой блеклой бумаге с хрюшками, зайчиками, птичками и облаками, похожими на липкие куски мыла. У Виталика в глазах рябило от тускло-леденцовых персонажей. Он еще успел поиграть в нормальные игрушки, потом появились красные и зеленые пластмассовые зайцы с выпученными глазами, опухшие синие птицы и голубые львы, надутые через соломинку.

Откуда ни возьмись приехал Чебурашка, зоообразец неизвестного вида из неизвестной страны, правда предварительно выучив русский язык. На смену космополиту Чебурашке приехали ковбои и индейцы, а впереди уже маячили трансформеры, кукла Барби и Покемон. Красные зайцы-бройлеры не могли выдержать конкуренции и отправились в недоразвитые районы.

Фильмы про войну еще снимали, но постепенно они начинали приобретать общечеловеческий оттенок. Героический период уходил в прошлое. Солдатами перестали гордиться, скорее испытывали жалость к загубленной юности «навек девятнадцатилетних» с «бритыми навечно головами». До свидания, мальчики!

Рефлексирующие длинноволосые командиры в новеньких погонах обдумывали сложившуюся ситуацию с их дивизиями, демонстрируя процесс мышления. Молодой лейтенант расхаживал по экрану с мечтательными глазами паренька из соседнего подъезда, который по обыкновению ходит без шапки и в пальто с поднятым воротником. На смену героическому периоду приходил демократический.

Пятилетнему Виталику не приходили в голову грядущие изменения. Он, как и все ребята, продолжал играть в войну, представляя себя красноармейцем, а еще лучше – краснофлотцем. Из старого пальто бабушка сшила ему черный бушлат, и Виталик им очень гордился. В бушлате он имел все основания представлять себя моряком.

Лучшее время для игр приходилось на день, пока взрослые были на работе. Ребятишки могли прийти к кому-нибудь из приятелей в комнату и устроить под столом блиндаж или, лежа на животе, расстелить на полу карту, как Чапаев.

Старшие мальчики возились на ковре. Виталика никто не трогал, он был самым младшим, не имел права голоса и только наблюдал. На него не обращали внимания. Виталик видел, как мальчики с пылающими лицами что-то шептали друг другу. Рука одного из них исчезала в расстегнутой ширинке другого, потом выскальзывала оттуда, они опять шептались, и тогда другой украдкой лез в штанишки первому. Давясь смехом, они показывали друг другу измеренную в потайном месте длину.

Виталик никогда не делился увиденным с матерью, подозревая, что она может запретить ему играть с большими мальчишками.

Если в ходе игры они брали пленного, а это, как правило, был кто-то из младших, командир приказывал своим подчиненным поставить пленного на колени. Пьянея от собственной власти, он приближался к удерживаемому пленному, норовя унизить его стыдным образом.

Когда для жертвы его противник был кумиром, она не слишком сопротивлялась. В этом случае старший мальчик позже сам искал случая уединиться со своим вчерашним пленником. Он нарочито грубым голосом зазывал младшего в комнату. Наблюдательный Виталик замечал, что жертва, краснея и скрывая радость, повиновалась. Виталик мог только догадываться, что они делали, оставшись наедине. Младший выходил из комнаты с горящими щеками и блестящими глазами, ни на кого не глядя, боясь себя выдать.

Взрослые, занятые своими скучными делами, никогда не думали о сложных взаимоотношениях между детьми, иногда доводивших мальчишек до слез.

К тому времени маленькая семья, членом которой был Виталик, уже знала о смерти его отца. Клавдия, державшаяся до этого неприступно, несмотря на то что пользовалась вниманием мужчин, готовилась теперь выйти замуж за Вадима.

Через год с небольшим она оставила свекровь и переехала к Вадиму. Виталик вскоре тоже уехал от бабушки. Увы, ему не посчастливилось в полной мере насладиться бабушкиной заботой, участием, лаской. Она не смогла долго прожить в одиночестве, переживая потерю сына. Через несколько лет она угасла. Виталик вступил без прикрытия в жестокий и безумный мир взрослых.

Мать Вадима никак не вписывалась в понятие бабушки, да и оскорбилась бы, вздумай кто ее так назвать. Ей еще не исполнилось и пятидесяти. Она была «немка», то есть учительница немецкого языка. Властная и строгая, не терпящая возражений, Зинаида Зиновьевна тщательно следила за собой, предпочитая костюмы, высокие каблуки, никогда не выходя из дома без шляпки на темных волосах. Виталик должен был называть ее по имени и отчеству, в крайнем случае, как она говорила, в неофициальной обстановке, тетей Зиной. За глаза Виталик звал ее, как, впрочем, и ее ученики, Зизи.

Зизи жила недалеко от них в комнате в большом доме на Красноказарменной улице. С ней в квартире жила еще только одна соседка, которая проводила большую часть времени в родной деревне. Придя в первый раз в гости к Зизи, Виталик был поражен высокими потолками, ванной и отсутствием жильцов.

Зизи милостиво соглашалась присмотреть за Виталиком, если взрослые уходили в гости или уезжали по делам. Тогда она смотрела на Виталика строгими карими глазами, и он поеживался, замечая в них лиловый огонек.

– Ну-с, молодой человек, помогите даме раздеться, – говорила она, входя в прихожую, скидывая ему на руки пальто, отдавая шляпку и наблюдая, как он снимает с нее боты.

Виталик, ощущая двойственное чувство жертвы, подчинился. К щекам прилиwała кровь, и он старался избегать ее взгляда. Она же, видя его замешательство, приподнимала рукой его подбородок, ее глаза прищуривались.

Когда она была им недовольна, она поводила его головой из стороны в сторону, повторяя «русише швайн». Ее полные белые пальцы с маникюром касались его губ, проникали в рот. Не в силах сдержать себя, она сжимала его шею ногами, глядя сверху вниз расширившимися зрачками.

– Понимаешь ли ты, скверный мальчик, что все равно все будет по-моему?

Наконец, притворно хмурясь, она прощала его и, легонько хлопнув пониже спины, отпустила играть.

В хорошем настроении, отдыхая после обеда, она подзывала его к себе, тешилась с ним, находя удовольствие в его покорности, согласии подчиняться ее фантазиям. В таких случаях Виталик сам был готов упасть, как спелый плод, к ее ногам.

Она же, облизывая губы, покачивалась, то отталкивая его, то вновь подзывая, вспоминая строки из «Фауста»:

Голенький, бескрылый гений, фавн без грубости
звериной —
Мальчик спрыгивает на пол, но его упругость почвы
Вмиг подбрасывает кверху, с двух и трех прыжков
малютка
Достает до потолка.

Рассердить ее было небезопасно, она могла, ложась спать и бормоча: «непокорное племя», поставить его на колени в угол, и он стоял в темноте, прислушиваясь к ее дыханию, пока она, проснувшись, не отправляла его в постель.

Однажды в субботу, 9 апреля 1960 года, Вадим с Клавдией собрались ехать на турбазу, а Виталик после школы должен был отправиться к Зизи.

Открыв ему дверь, она сразу же вернулась за стол. Уже смеркалось, однако шторы на окнах были плотно задернуты, на столе стояла свеча, тускло освещавшая разложенные карты, чашку, блюдце и скальпель.

Виталик с любопытством вытянул шею. Зизи продолжала раскладывать карты. Он встал коленями на стул и замер, наблюдая за ее ловкими движениями.

Наконец, улыбаясь, она вздохнула и откинулась на спинку стула:

– Вот видишь, мое желание сбудется!

– Какое?

– Нельзя говорить.

– А мне погадайте.

– Да нет, ты побоишься.

– Почему это я должен бояться? – обиделся Виталик.

– Потому что это – особое гадание.

– Как это?

– Оно с заклятием. Смотри, – и она показала ему залепленный пластырем палец, – нужно немного крови.

– Чего тут бояться? – Виталик решительно протянул ей левую руку.

– Храбрый юноша. Не дрогнешь?

– Не дрогну.

– Ладно, так и быть. Загадывай желание.

Зизи взяла его руку, держа ее над чашкой с водой.

– Загадал.

– Готов?

– Готов!

Она поднесла скальпель к основанию большого пальца и точным движением сделала над-рез.

– Es ist vollbracht!⁶

Виталик даже не вздрогнул. Кровь закапала в чашку. Слегка надавливая на рассеченное место, Зизи смотрела на падающие капли.

– Держи так! – Она нашла пластырь, склонившись, слизнула кровь с его руки и залепила ранку.

– Теперь посмотрим. – Кончики ее пальцев погрузились в чашку, мелкие брызги полетели на темную скатерть.

Виталик не отрываясь следил за ней. Она разложила карты, потом, оставив часть разложенных карт на столе, собрала остальные и опять разложила их. Последнюю карту она бросила на центр, это был червовый король.

– Все сошлось!

– Давайте еще погадаем.

– Больше не положено.

Зизи собрала карты, встала и, взяв чашку с блюдцем, пошла на кухню. Там она небрежно выплеснула воду из блюдца в раковину, заботливо убрала чашку с остатками порозовевшей воды и сняла с пальца пластырь – пореза под ним не было.

Сбылось ли желание Виталика, неизвестно.

Он быстро рос и уже в четырнадцать лет догнал в росте Вадима. В семнадцать был уже на полголовы выше.

Жизнь Вадима с Клавдией то поднималась на гребень, то обрушивалась в бездну. Вадим надолго исчезал из дома, появляясь, устраивал сцены ревности. В пьяном виде он мог быть веселым, но мог грозно кричать и плакать от жалости к себе. Справедливости ради надо сказать, что он ни разу не поднял руку ни на Клавдию, ни на Виталика. Однажды в период отчаяния он вскрыл себе вены и сам же испугался, увидев собственную кровь. Подоспевшая Клавдия и кинувшийся за ней Виталик сумели перекрыть кровь и успокоить Вадима.

Виталик потом отнес на помойку порезанную на клочки и залитую кровью простыню, которую могли увидеть соседи. На матрасе так и осталось ржавое исчезающее пятно.

Насмотревшись на Вадима, Виталик возненавидел все, что составляло классические атрибуты мужской жизни: водку, табак, карты, бильярд, футбол, анекдоты и чужие подушки. Летом он бегал на стадионе, что располагался через дорогу от Лефортовской тюрьмы, а зимой уезжал на трамвае в Измайлово, где специально прокладывались лесные лыжные трассы для катания, соревнований и сдачи норм ГТО.

Окончив школу, он поступил в Энергетический институт, но продолжал заниматься спортом, проводя лето в строительных отрядах или спортивных лагерях в Конакове под Москвой или в Крыму под Алуштой.

Сдав последний экзамен зимней сессии семьдесят первого года, Виталик пришел домой и обнаружил на столе записку:

Мы у 3.3., обязательно приходи.

Проголодавшийся Виталик в хорошем настроении отправился в гости.

⁶ Свершилось! (нем.).

Кроме Вадима и Клавдии у Зизи оказалась ее родственница, то ли племянница, то ли дочь племянницы, Виталик тогда не разобрал. Он увидел молодую особу, постарше его (она училась на последнем курсе педагогического института), темноволосую, стройную, с веселыми карими глазами, одетую в брючный костюм.

Зизи сказала, что родители Лии, так звали племянницу, живут рядом с Белоруссией, в Смоленской области. Название города ничего не говорило Виталику, и он его тут же забыл.

Вадим, как обычно, в обществе красивых женщин был оживлен. Узнав, что Виталик сдал экзамены, он налил ему штрафную и предложил выпить за здоровье студентов.

Виталик набросился на закуску. Вначале он немного дичился Лии, но она оказалась проста в общении, обаятельна и даже смешлива.

Лия рассказала, какие забавные были ученики у нее в школе, где она проходила практику. Клавдия смотрела на мужа любящими глазами, Зизи, наклонившись к Клавдии, что-то шептала.

Когда вышли на улицу, Клавдия взяла Вадима под руку, Виталика отправили провожать Лию. Она жила на Кропоткинской.

Молодые люди запрыгнули в троллейбус. Виталик опустил в кассу десять копеек, машинально попросил шофера за ними пассажира не бросать две копейки (проезд стоил четыре), подкинул их в руке и пошел по салону вслед за Лией.

Пока троллейбус двигался по узким заснеженным улочкам к метро «Лермонтовская», Лия рассказывала Виталику об институте, о биологии, которую она очень любила, интересовалась его будущей специальностью.

Виталику было с ней легко. Он безотчетно ловил невольные взгляды парней, посматривающих на видную девушку рядом с ним, с Виталиком. Прохожие на улице и пассажиры метро тоже провожали глазами высокого юношу в лыжной шапочке с иностранными буквами и темноглазую девушку в короткой шубке.

Он проводил ее до самого дома, и они договорились созвониться после каникул. Виталик почувствовал себя счастливым, когда она, прощаясь, провела ладонью по его щеке.

Да, да, да, вы правильно подумали: как это ни банально, они стали встречаться. Вечная история – что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, – и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «Смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас.

Клавдия, занятая Вадимом, спохватилась слишком поздно. Виталик уже влюбился со всей силой тянущегося к солнцу попружного растения и не желал слушать материнских увещаний. К Вадиму обращаться было бесполезно, Зинаида Зиновьевна, напротив, поощряла дружбу молодых людей.

Лия представила Виталика своей квартирной хозяйке, а также подруге, с которой вдвоем снимала комнату.

Однажды Лия, лукаво улыбаясь, позвенела перед Виталиком ключами, полученными от Зизи. В толпе зрителей они вышли из кинотеатра им. Моссовета и пошли к Садовому кольцу.

Фильм назывался «Анжелика и король», в нем играла несравненная пара: Мишель Мерсье и Робер Оссейн. Короля Людовика XIV играл Жак Тожа, а полицейского Дегре – Жан Рошфор.

– Женщина – игрушка в руках мужчин, – сказала Лия.

Виталик, подумав, осторожно возразил:

– По Анжелике этого не скажешь. Как это у нее получается разбивать сердца, карьеры, жизни и сеять смерть?

– Красота – страшная сила!

– Мне кажется, красота, сила, ум – не абсолютные величины; важнее всего, какой знак стоит перед ними – плюс или минус. Они могут нести и добро, и зло.

Лия внимательно и весело посмотрела на него.

– Какой ты у меня умный. И сильный. И красивый.

Она взяла его под руку и прижалась щекой к его плечу.

– Все-таки жалко, что уже весна.

– Почему жалко?

– Потому что мне хочется сходить в лес на лыжах. С тобой.

– Еще много зим впереди.

– Кто знает, где мы будем? Меня распределят в какую-нибудь сельскую школу на краю земли.

– А в Московскую область у вас не распределяют?

– Хорошие распределения – только по благу. Или надо идти и хорошенько попросить, в ногах поваляться. Девушкам это иногда удается. – Лия опустила голову. – Анжелика ради любимого была готова на все.

Виталик стиснул зубы и ничего не сказал. Лия попала ему прямо в сердце.

Уже смеркалось, когда они вошли в пустую комнату Зизи. Виталик сел на знакомый диван, она опустилась на пол, положила голову ему на колени.

– С тобой так спокойно. Не хочется ни о чем думать.

Когда их губы слились, часы перестали отсчитывать время шаг за шагом, оно понеслось вскачь. Лия опомнилась первая, встала и зажгла свет.

– Прости, милый, скоро придет Зинаида Зиновьевна.

Погладила ему щеку. Он опять нашел ее губы губами.

– Пощади, – сказала она, прижимаясь к нему...

Но их день настал. День, который перешел в чудесную ночь.

Лия аккуратно сняла постельное белье Зизи и постелила новое, принесенное с собой. Она велела Виталику раздеться, а сама пошла в ванную. Вернувшись, Лия потушила свет и скользнула под одеяло.

И опять исчезло понятие времени. И пять человеческих чувств исчезли и образовали одно.

Вечная пара, вечные два полюса – мужчина и женщина, разделяемые обществом и бытом, временем и расстоянием, предрассудками и распушенностью, детьми и родителями, воспитанием и феминизмом, самолюбием и деньгами, забвением и предательством, судьбой и смертью, вопреки всему эти двое из века в век находят друг друга, чтобы слиться в одно целое, потерять себя в нежном объятии, наносить и зализывать раны, восторгаться и страдать, падать, подниматься, прощать, прощаться, ненавидеть, мстить, жертвовать собой, мучить, возрождаться и умирать...

– Подожди, надо что-нибудь подстелить, – она отыскала рукой приготовленное полотенце, подложила под себя, – иди ко мне, милый.

Потом они лежали рядом, счастливые и довольные собой и друг другом. Она тихо сказала:

– Кровь капает.

– Дай посмотреть.

– Ни за что в жизни. – Она скомкала полотенце и запихнула его под диван.

– Тебе больно?

– Совсем чуть-чуть. Ты – такой славный.

Они уснули, как уставшие дети, и сон их был глубокий и сладкий, такой сон, когда капельки слюны показываются в уголке губ и еле-еле стекают на подушку.

Лия встала раньше него. Она вошла чистая и свежая из-под душа в залитую солнцем комнату. В истоме он не мог сжать пальцы в кулак, но, увидев Лию, встрепенулся.

Она подошла к нему, взъерошила волосы:

– Вставай, соня.

Виталик, лежа, обнял ее ноги, притянул к себе и уткнулся лицом в прохладные колени под халатом.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

– Прекрасно.

Он невольно взглянул под диван.

– Не смотри, я его уже выбросила. Все! Была, и нет девушки! Вставай, пойдем со мной.

Виталик потянулся к одежде.

– Нет, одеваться не надо. Давай руку. Давай, я не смотрю.

Она привела его в ванную, поставила под душ и открыла воду. Сотня тугих теплых струй, шелестя, забила из шланга.

– А теперь закрой глаза и не открывай.

Виталик чувствовал, как она водит струйками по спине, рукам, груди, подбирается к животу, приговаривает:

Не любишь, не хочешь смотреть?

О, как ты красив, проклятый!

Она прибавила напор воды, потом еще. Его голова сама собой запрокинулась, и он потерял ощущение реальности...

Сознание медленно возвращалось к нему. Он помотал головой и открыл глаза. Слабые струйки воды стекали по телу.

Она замороженно наблюдала за ним, как человек, переживший грозу, смотрит на голубое небо и последние капли, звонко падающие с веток деревьев.

Виталик, бывший в детстве игрушкой для взрослых, изо всех сил старавшийся забыть, как дурной сон, солоноватый вкус и сладкий запах порока, бесстыдные желания мужчины и утонченную похоть увядающей женщины, с Лией обрел уверенность в себе, чувство полета, искал с ней встреч и с сожалением расставался.

Между тем судьба готовила ему новое испытание.

8. Старшая сестра кроткой овечки

«Из верей кабачка на улице Феру, идущей от площади Сен-Сюльпис к улице Вожирар в южной части Парижа, смеясь и болтая, вышла группа молодых дворян. Их было шестеро, высыпавших на улицу весельчаков, из них двое, Портос и мушкетер по имени Аильбон, щеголяли в гражданском платье. Остальные, в их числе Атос и Арамис, – в мундирах королевских мушкетеров. Прощаясь, все они толпились напротив окон, слабо освещающих улицу.

Синяя апрельская ночь накрыла Париж. На востоке под восходящей лунной темнели башни собора Нотр-Дам.

Внезапно картина беспечного прощания была нарушена грубым вторжением посторонних. В прозрачном воздухе раздался свистящий звук вынимаемых из ножен клинков, и шесть человек с обнаженными шпагами выскочили из-за угла. В ответ на столь очевидное нападение мушкетеры успели, разворачиваясь лицом к нападавшим, схватиться за оружие.

Атака оказалась столь стремительной, что стоящие ближе всех к нападавшим Атос и двое мушкетеров в форме были немедленно заколоты. Шпага вошла Атосу под правую ключицу, и он, тяжело раненный, упал рядом с товарищами. Дважды он пытался встать и оба раза падал. В горло Портоса и мушкетера, одетого в цивильное, уперлись подрагивающие, мерцающие острия шпаг.

Арамису, который находился дальше всех от нападавших, одному удалось обнажить клинок, он бросился вперед, его шпага, ударившись о грудь противника, сломалась, как будто была сделана из льда: под красным мундиром его визави скрывалась кольчуга, тот засмеялся. Подоспели его братья по оружию, и Арамису под угрозой трех клинков пришлось отбросить сломанную шпагу.

– Кого я вижу! – воскликнул противник Арамиса, с усмешкой обходя обезоруженных мушкетеров. – Господин Арамис, господин Портос, господин Аильбон, мушкетеры короля, нарушающие ночной покой славного города Парижа! Милостивые государи, имею честь сообщить вам: вы арестованы гвардией его Высокопреосвященства!

Ошеломленных мушкетеров повели по улице. Три неподвижных тела остались лежать на мостовой. Отойдя на значительное расстояние, Арамис обернулся. Он увидел, что из кабачка выбежали люди и бросились к лежащим, стараясь оказать им помощь. Двоим помощь уже не требовалась. Раненый Атос жил на этой улице, его хорошо знали. Послали за врачом и отнесли раненого домой».

Этой весной Артур часто приезжал в Физический институт, где делал дипломную работу. Он проходил через второй этаж главного корпуса, спускался в лабораторию оптики низкотемпературной плазмы, показывал пропуск часовому. Через двор он ходил в вычислительный центр. Там стояла новенькая электронно-вычислительная машина М-220. Она занимала две большие комнаты. В первой стоял пульт управления, мигающий сотнями лампочек, находились периферийные устройства, шкафы записи и считывания, в которые заправлялись размером с рулевое колесо бобины с магнитной лентой.

Устройство ввода быстро-быстро перебирало стопку перфокарт, на которых с помощью отверстий и пробелов была записана программа. Чтобы решить, скажем, систему дифференциальных уравнений методом Рунге-Кутта, Артуру приходилось носить с собой стопку перфокарт толщиной, не уступающей тому «Трех мушкетеров».

Проглотив порцию карточек, машина задумывалась, переваривая программу, играя лампочками на пульте, потом, довольно мурлыкнув печатающим устройством, проглатывала следующую порцию, которая содержала уже конкретные физические параметры для счета. Если процесс счета растягивался на часы, Артур оставлял свою стопку перфокарт на ночь сотрудникам, которые обеспечивали круглосуточную эксплуатацию машины.

Артур выходил на Ленинский проспект и шел по бульвару мимо академических институтов к центру города. Садился в троллейбус четвертого маршрута и ехал до угрюмого серого дома на набережной, который называли «Братская могила», там он пересаживался на автобус третьего номера.

Пока он считал вероятности квантовых переходов и ловил образование инверсии населенности, сошел снег, высохли ручьи и днем тень от «Братской могилы» превращалась в узкую полоску темного асфальта. Близилась майские праздники.

Первое мая – день солидарности и общих демонстраций, который празднуется в день поминовения святой Вальпургии. Праздник этот начинается в сладострастную Вальпургиеву ночь – источник преданий и плод фантазии Гете – с шабаша ведьм в горах Гарца (с эротических причуд, как явствует из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь», где стихийные духи встречаются на великой ассамблее).

В пятницу, перед праздником, Артур с Виталиком и Лией, а она уже считалась невестой Виталика, договорились ехать к Косте на дачу: обычно Артур помогал Косте вскопать участок. Они захватили болгарского вина, продукты и в половине пятого погрузились в электричку.

Костя, в шерстяном спортивном костюме с нашитыми буквами из тонкого белого фетра «СССР», вышел за калитку их встретить. Он издали увидел, как молодые люди, одетые в зеленоватые куртки студенческих строительных отрядов, перепрыгивали лужи, направляясь к его даче. Костя помахал им рукой, ему ответили. Смеясь и галдя, они приближались, и Костя улыбался их беззаботному счастью.

Пока познакомились, выгрузили продукты, поделились новостями и осмотрели участок, стало смеркаться. Все собрались за столом под старым оранжевым абажуром.

После ужина Лия предложила сыграть в преферанс. Виталик в преферанс играть не умел, карты не любил, но с Лией был готов играть во что угодно. Костя едва помнил правила, а Артур играл весьма посредственно, поэтому сыграли несколько партий в девятку, и Лия, собрав карты, стала гадать. Тут Костя заметил, что гадать самое время: наступает Вальпургиева ночь.

– А также праздник майского дерева, – добавил он.

– Почему дерева?

– Поклонение деревьям в язычестве было распространено с незапамятных времен, – сказал Костя, как будто читал лекцию студентам, – майское дерево – пример культа фаллического символа.

Его поняла, как биолог, только Лия:

– Вы хотите сказать, что маевки, которые проводили революционные рабочие на природе, надо понимать как праздник этого самого символа?

Костя рассмеялся:

– Noni soit qui mal у pense – пусть никто не подумает об этом плохо, как сказал Эдуард III, учредивший орден Подвязки. В Библии, например, мы находим Древо Познания Добра и Зла. Кстати, – Костя взглянул на Артура, – в одной книге мне встретился рисунок витража одной церкви, он изображает дерево рыцарей Круглого стола. Артур, знаешь, где эта церковь? Во Франции, в Пьерфоне.

– В Пьерфоне? Где жил Портос?

– Вот именно. Ну, так вот, – продолжал Костя свою лекцию, – дерево это одновременно и символ философского роста, и объект тайного знания, секретной философии древних. В каббале, например, есть дерево Сефирот.

– В каббале? Это – что-то запутанное, связанное с цифрами и буквами.

– Каббала, друзья мои, это тайная доктрина древнего Израиля. Душа хасидизма, – ответил Костя. – Она изложена в трех книгах: Творения, Величия и Откровения. А Сефирот можно перевести как свойство Невыразимого Единого.

- Чем дальше в лес, тем булочки дороже!
- Подожди, Виталик, – сказала Лия, кладя ладошку ему на руку.
- В каббале, – неторопливо говорил Костя, – буквы и цифры являются Путиами Мудрости. Тайна творения открывается через секретную систему их построения.
- Например.
- Скажем, первые три буквы имеют в своем основании равновесие: на одной чаше весов добродетели, на другой – пороки, и они уравновешены, кто скажет, чем?
- Мудростью!
- Силой!
- Красотой!
- Нет, друзья мои. Добродетели и пороки уравновешены языком!
- Значит, тот, кто хорошо владеет языком...
- Хорошо наклеивает марки!
- Отсмеявшись, Костя спросил:
- А теперь скажите, что прочнее, порок или добродетель?
- Одинаково!
- Добродетель!
- Порок!
- Древние считали, что нет ничего более хрупкого, чем добродетель. Вот взгляните на эти карты: они стали инструментом порока и донесли до наших семидесятых годов наставление Посвященных. Карты даже называют королевской дорогой к мудрости.
- Вот эти карты?
- Нет, не совсем эти.
- Я видела настоящие карты. Их всего семьдесят восемь, из них двадцать две считаются главными, а пятьдесят шесть – малыми. Колода малых карт очень похожа на нашу. А на главных изображены целые картины.
- Костя кивнул:
- Например, нулевая – Шут, последняя, двадцать первая, носит название Мир, а малые карты, как и наши, разделены на четыре масти по сторонам света. Масти такие: Кубки отданы Северу, Палки – Югу, Мечи – Востоку и Монеты – Западу.
- Константин Георгиевич, вы так много знаете!
- Ну, что вы, Лия. Я только и знаю, что ничего не знаю. До Роберта Фладда мне далеко. Эзотерическое знание, дорогие мои, можно разделить на три этапа. Сначала достигается первая вершина, она называется Софией. Затем достигается вторая вершина, она называется Каббала. – Костя остановился.
- А третья?
- Третья? – Костя кашлянул. – Третья – Магия.
- Артур поднял брови. Взгляд Виталика затуманился. Большие глаза Лии заблестели.
- Артур спросил:
- Кто такой Роберт Фладд?
- Английский ученый. Между прочим, из твоего семнадцатого века, но с потрясающей эрудицией.
- А с Францией он был как-то связан?
- Он жил некоторое время на юге Франции и был воспитателем Шарля де Гиза Лотарингского, того самого, на сестре которого женился Гастон Орлеанский.
- О, эти фамилии мне ничего не говорят, – сказала Лия.
- Потому что ты невнимательно читала «Трех мушкетеров».
- Я кино смотрела шесть раз.
- В кино запоминаешь только фамилии артистов!

- А как поживает Марк Аронович? – вдруг вспомнил Виталик.
- Кто это? – поинтересовалась Лия.
- Костин сосед, большой специалист по фамилиям. Костя, может, пригласим его? – предложил Артур.
- Давайте, мальчики, я люблю новых людей!
- Костя отправился к Марку Ароновичу, велел Артуру заварить чай.
- Не волнуйтесь, Константин Георгиевич, я все сделаю не хуже Артура, – взялась за дело Лия.

Марк Аронович выглядел как человек, проводящий большую часть времени на свежем воздухе. Его лоб и макушка за отсутствием волос покрылись ровным светло-коричневым загаром. В речи Лии он уловил легкое придыхание на согласных, характерное для отдаленных от столицы областей. Спросив разрешения у Виталика, он, знакомясь, поднес руку Лии к своим губам. Марк Аронович обладал огромной интуицией.

- Что вы скажете о фамилии Лии, Марк Аронович?
- Я – весь внимание, мои юные друзья. Итак, Лиечка, ваша фамилия...
- Эттингер.
- Марк Аронович заулыбался:
- Звучит, как гром.
- Костя, прищурившись, смотрел в потолок. Артур с восхищением взглянул на Лию:
- Похоже на Шредингер.
- Это кто?
- Как кто? Основное уравнение в квантовой механике – уравнение Шредингера!
- Физик? Я знаю только Эйнштейна, – сказала Лия.
- А о Ландау кто-нибудь слышал?
- Да.
- И все же Эйнштейн – самый великий физик, – поддержал Лию Марк Аронович.
- Самый известный, – поправил его Артур.
- Что вы хотите этим сказать, юноша?
- Хочу сказать, что важным оказывается не то, что есть на самом деле, а что об этом говорят.
- В этом, юноша, вы абсолютно правы. А кто, по-вашему, самый лучший?
- Энрико Ферми.
- А как же теория относительности?
- А что теория относительности? Ни мне, ни вам, никому из присутствующих от нее ни жарко ни холодно. Но дело не в этом.
- А в чем?
- Сказать? – Артур обвел всех глазами.
- Конечно!
- Понимаете, теория относительности бывает специальной и общей. Что касается специальной, то по существу в ее основе лежат преобразования Лоренца. Они были известны задолго до Эйнштейна. В плане общей теории были использованы работы Пуанкаре. Эйнштейн приспособил их к новым представлениям о пространстве и времени и сделал, так сказать, популярными. Узкий круг ограниченных людей, кое-что понимая в этом деле, ухватился за эту теорию, вернее, теории. Публика, ровным счетом ничего не понимая, ухватилась за Эйнштейна. Так что популярным стал он сам, а не теория относительности.
- Он же нобелевский лауреат!
- Да. Однако Нобелевскую премию он получил не за теорию относительности.
- А за что?

– За объяснение фотоэффекта, который открыл Столетов. Кому это известно? Еще Эйнштейн занимался спонтанным и вынужденным излучением, а также броуновским движением? Да мало ли нобелевских лауреатов? Я вам назвал двоих из самых крупных, но их почти никто не знает. А покажи фотографию Эйнштейна любому школьнику, результат известен! Кто на свете всех умнее? Эйнштейн.

– Не могу с вами не согласиться, юноша. Если Маркса или, скажем, Фрейда почитает часть человечества, то имя Эйнштейна – это проповедуемая истина для всех без исключения.

– Кроме редких специалистов, – кивнул Артур.

– Совершенно с вами согласен. Кроме исчезающе малой доли специалистов, доброй половине которых полезно поддерживать это мнение. Позвольте пожать вашу руку, Артур.

Под общий смех они подали друг другу руки.

– Вот как решаются научные споры, товарищи! – подытожил Костя.

Виталик безмятежно смотрел на них. Ему было все равно, Маркс или Эйнштейн, варяг или грек будут висеть на стенах кабинетов или выходить на красное крыльцо. Он был управляем любовью, то есть вертикалью, уходящей прямо в небо, минуя кабинеты и трибуны. Вертикаль эта начинается не от головы, а от сердца.

К одиннадцати часам стали подниматься из-за стола. Покашляв, Марк Аронович повернулся к Виталику:

– Позвольте мне, юный друг, предложить Лиечке переночевать сегодня в моем скромном жилище. Жена будет очень рада такой гостье. Внуки на праздники уехали, и она уже немного заскучала. При всем уважении к Косте, боюсь, что Лиечке здесь будет тесновато, тогда как у меня – все условия.

Виталик сначала посмотрел на Костю, потом на Лию. Костя жестом дал понять, что находит предложение Марка Ароновича вполне подходящим.

– Лиечка, отдельная комната и ванная – в вашем полном распоряжении, – поспешил добавить Марк Аронович.

– Я согласна, – она взяла Виталика за руку, – да?

Виталик, озабоченный созданием комфорта для Лии, тоже согласился. Артуру было все равно, да его мнения, впрочем, никто и не спрашивал.

Виталик пошел проводить Марка Ароновича и Лию.

– А внуки у вас большие? – поинтересовалась Лия.

– Еще дошколята. В этом году у нас всю зиму жили. Как весна пришла, жена с ног сбилась. Им простор подавай. А перед Пасхой мы их никуда не выпускали. Мало ли что! Зато теперь у нас тишина и покой. Сами увидите, Лиечка.

Утром выспавшаяся Лия, стоя у окна на втором этаже в ночной сорочке, наблюдала за мальчишками, которым Костя предложил вместо душа два ведра колодезной воды. Сам Костя, подняв ведро, как ковшик, одной рукой, вылил его себе на голову; затем второе. Накачав из колодца еще два ведра, он поставил их перед Виталиком, который окатил себе водой плечи и грудь, а потом облил не решавшегося Артура.

Лия смотрела на крепкие мышцы Кости, на стройную фигуру Виталика, на кожу Артура, цвета топленого молока, на чистое небо, на робкие светло-зеленые листочки, чувствовала запах пирогов из кухни, прислушивалась к доносившемуся из радиоприемника маршу:

Кипучая, могучая, никем непобедимая
Страна моя, Москва моя, ты самая любимая!

Глаза ее сияли радостью. Это был ее мир. Ей предстояло покорить его, и она верила в удачу.

В воскресенье Лия с Виталиком вернулись в Москву. Их проводили не раньше чем Лия положила в сумку пироги, сладкие булочки и хлебцы из пресного теста. Марк Аронович обменялся с ней номерами телефонов. На даче остался Артур, он решил еще на один день задержаться у Кости.

«Спиной Портос, Арамис и Лильбон чувствовали направленные на них три шпаги. Они спускались по улице, сопровождаемые шестью кардинальскими гвардейцами, не в силах вымолвить ни слова.

Первым пришел в себя Портос. Поравнявшись с переулком, он споткнулся и чуть не упал. Шедший позади гвардеец едва не налетел на него, приблизившись на опасное расстояние вытянутой руки Портоса.

Портос, не оборачиваясь, выбросил руку назад. Лицо гвардейца, встретившись с мощным кулаком Портоса, перекошилось, а его хозяин выронил шпагу и, шевельнув губами, без звука осел на землю. Шпага, звякнув, покатила по мостовой. Той доли секунды, на которую не преминули отвлечься гвардейцы, хватило Арамису, чтобы завладеть упавшим оружием.

Аильбон бросился бежать в переулок, за ним Портос. Пока оставшие выхватывали шпаги, Арамис успел заколоть ближайшего к нему вооруженного человека и бросился догонять товарищей.

Один из гвардейцев склонился над раненым, остальные пробежали несколько шагов по темному переулку, но дальше преследовать не решились и вернулись подсчитывать потери. Впрочем, счет долгим не был: один серьезно ранен, другой в глубоком нокауте».

«Как изменились люди с той поры, – подумал Артур. – Для мушкетеров это была обычная стычка, о которой и говорить-то не стоит. Портос за тридцать лет имел только официальных дуэлей около ста девяноста, не считая случайных встреч, и признавал при этом, что у д'Артаньяна дуэлей и стычек было гораздо больше».

Артур припомнил, как в юности, в назревавшей драке, один из его товарищей достал из кармана авторучку с металлическим колпачком. В темноте колпачок сверкнул стальным лучиком, кто-то крикнул: «Нож!» – и противники отступили.

Да нет, пожалуй, люди не изменились. Времена меняются. В Отечественную ходили в штыковую атаку, в первые месяцы войны, даже генералы, прошедшие в молодости школу Первой мировой.

Когда красную кавалерию бросили на немецкие танки, танкисты схватились за фотоаппараты. Такое в истории бывает не часто, пожалуй, можно припомнить только победу кавалерии в 1794 году над голландским флотом.

Тогда полк французских гусар с ходу атаковал вмерзшие в лед корабли противника. Но это было блестящее использование подходящего случая. А в холодной России солдату выдавалась памятка, как воевать против немецкого танка, используя шанцевый инструмент, лопату, другими словами.

Что сказать? Россия... Не объять ее. Жара, пыль, дороги, напоминающие болота, снега, лютый мороз и русский солдат, поднимающийся с лопатой против танка. Он выгнал Наполеона и вошел в Париж. Он выгнал Гитлера и вошел в Берлин. Медленно запрягает, но быстро ездит, никому не угрожает, но ведаёт чувство справедливого гнева, часто преданный и проданный, но никогда не мстящий. Он поднимается, услышав стон матери Родины, не склонный приписывать себе победы и горько переживающий свои поражения.

– Костя, почему так долго на Руси было татаро-монгольское иго?

– Вообще-то, я не специалист по русскому средневековью. Но, знаешь, есть такой историк, Гумилев, так вот, если ему следовать, получается, что теория о монголо-татарском иге не имеет под собой никаких фактических оснований.

– Как это?

– Суди сам, религия и культура расцвели. Появилось множество монастырей, в них созданы иконописные шедевры. Даже язык стал классическим. Такое впечатление, что монголы не завоевывали Древнюю Русь, что Великая Русь и Монголия – это просто название одного и того же государства.

– А города кто осаждал?

– А Ла-Рошель кто осаждал? – вопросом на вопрос ответил Костя. – Кочевники с востока? Верховный правитель оружием смиряет непокорных вассалов. Обычное дело.

– Значит, татаро-монгольское иго – это миф.

– Не буду этого исключать. Но если это так, он создан не народом, а историками.

– Не понял. Зачем?

– Мало ли зачем? Например, чтобы оправдать династические претензии. В Европе власть Меровингов была узурпирована Каролингами, в России Рюриковичей тоже сменили Романовы. При них и писалась история.

– Н-да, неточная у тебя наука. Физика поточнее будет.

– Любую науку люди делают.

– Золотые слова. В геометрии, например, долгое время господствовал Евклид, а потом появились геометрии Лобачевского и Римана. Одна пространство свернула, а другая, наоборот, развернула. Это – математика, не что-нибудь. Физика занята построением моделей, поэтому и люфта в ней больше. Мне рассказывали, как у нас на теорсеминаре Раман кричал Ландау, чтобы тот отпраивлялся учиться в школу, потому что Ландау никак не хотел понимать, что такое мода. Не мода в одежде, а тип собственных колебаний. Сам Ландау на выступлении Дирака сидел и тихонько повторял: «Дирак – дурак, Дирак – дурак».

– А Дирак?

– А Дирак взял да и ответил ему по-русски: «Сам дурак!» Знаешь, Костя, я даже думаю, что в физике тоже есть своя мифология.

– Мифы?

– Да.

– Наверное, в любой науке, как и в жизни, есть свои мифы, – дипломатично согласился Костя.

– Понимаешь, Костя, мне кажется... – Артур остановился, – я считаю...

– Ну, что? Что?

– Атомного оружия еще не сделали, – сказал Артур, понизив голос.

Костя криво усмехнулся и опустил глаза.

– Тогда что же взрывают?

– Взрывают атомные реакторы. Ведь взрывы быстренько договорились производить под землей. Я посчитал, – заторопился Артур, – та модель атомной бомбы, о которой все говорят, не должна действовать.

– Постой, ты кому-нибудь говорил об этом?

– Обсуждал с ребятами, с преподавателями.

– Не надо этого делать, Артур. Здесь вопрос не научный, а политический.

– Я понимаю. Костя, ты считаешь меня сумасшедшим?

– Нет, не считаю.

– Послушай, послушай, тогда с политической или с исторической позиции можно допустить, что мы имеем дело с мифом?

Костя наклонил голову.

– Допустить можно. Хотя американцы не остановились перед применением бомб в Японии.

– Тогда как же? Откуда эти бомбы? Объясни.

Костю вопрос не смутил:

– Дело не в объяснениях. Объяснить можно все. Гипотетически немцам удалось что-то сделать, только на других принципах. Отдельные образцы, готовые или почти готовые, попали к союзникам. Их попробовали, получилось.

– От этих образцов сейчас что-нибудь осталось?

– Если исходить из твоей посылки – вероятно. Достаточно одного-двух экземпляров, чтобы пугать и пугаться. А договоры об ограничении, нераспространении и запрещении могут свидетельствовать как в пользу официальной точки зрения, так и в пользу твоей, гипотетической.

– В общем, еще лет тридцать ядерной войны не будет.

Костя пожал плечами:

– Я не сильно удивлюсь, если окажется, что ты прав. Истина рождается как ересь! Политика – дело лукавое. Впрочем, для того, чтобы уничтожить противника под песни об атомной войне, его можно отравить, обмануть, купить. Наконец, задушить в объятьях.

– Лучше подсыпать слабительного.

– Вот именно! Если ешь постоянно пустую кашу, не найдешь сил отказаться от заморских разносолов.

Костя потянулся. Ветер шумел в вершинах сосен. Солнце справа опускалось к железнодорожным путям, идущим из Москвы на восток.

– Интересно, как там наш Буагильбер? – спросил он.

– Виталик? Они уже заявление подали. Я буду свидетелем.

– Когда?

– В конце мая.

Действительно, на конец мая у Виталика с Лией была намечена свадьба. Они к ней не готовились. Свободные дни проводили на пляже на станции Маленковская.

Огороженная территория городского пляжа примыкала к парку Сокольники. Заплатив десять копеек, можно было пройти на территорию, в центре которой был устроен пруд. На травке и на песочке стояли деревянные лежаки. Ложись и загорай.

Лие удалось купить у знакомой кремовое кримпленовое платье, а Виталик выбрал из вещей Вадима голубую китайскую хлопковую сорочку, которая по объему пришлась ему впору. Кроме того, он купил себе новый галстук за восемьдесят копеек.

Приехала Лиина мать – строгая женщина с черными волосами, немного отливающими хной, не знающая усталости, с ловкими и точными движениями. Она остановилась у Зизи.

Свидетелями были Артур и подруга Лии по институту, та самая, с кем Лия на пару снимала комнату на Кропоткинской. Подругу звали Тамарой, она тоже в этом году заканчивала пединститут, невысокая, светлоглазая, со стрижкой «Гаврош», в белых туфельках на аккуратных ножках, в полотняном костюме, на котором даже на свадьбе красовался комсомольский значок с золотой веточкой, что указывало на принадлежность его обладательницы к высшему комсомольскому кругу. Она умело и, можно сказать, профессионально распоряжалась гостями до тех пор, пока все не захмелели. Тогда она позволила себе немного расслабиться, внимательнее присмотреться к окружающим.

Вначале Артуру Тамара не понравилась. Наверное, потому, что, едва взглянув на него, только холодно кивнула. Артур понял, что ей неинтересен, и тут же отказал ей в привлекательности.

Артур был не прав, но пусть молодость послужит ему оправданием. Лия подробно рассказала Тамаре об Артуре, его внешности, в которой были смешаны испанские и русские мотивы, его увлечении наукой, в которой, судя по всему, он делал успехи, и его перспективах, которые были связаны с аспирантурой. Тамара, мельком бросив взгляд на Артура, убедилась, что Лия, по крайней мере о внешности, говорила правду, и нашла его привлекательным.

В двух небольших комнатах гости разместились без труда. Комнату Виталика освободили для танцев. Артур перетанцевал со всеми: с Тамарой, Лией, Клавдией и даже с Зизи. Последняя танцевала лучше всех: в молодости она чуть не стала балериной, танцевать любила, сохранив фигуру и пластику. Умение матери передалось Вадиму, он не только пел, но и неплохо танцевал, а чечетка у него получалась, как будто он солировал у Гленна Миллера.

В полночь жениха с невестой оставили одних. Вадим с Клавдией пошли ночевать к Зизи, Артур отправился провожать Тамару.

Они ехали тем же маршрутом, что и Виталик с Лией несколько месяцев назад. Добравшись до «Лермонтовской», они обнаружили, что метро уже закрыто, и отправились через центр Москвы пешком. Миновали темное здание Госкомстата, построенное по проекту Ле Корбюзье, вышли к волшебному дворцу Главпочтамта, напротив которого расположился стилизованный под китайский домик магазин «Чай, кофе», прошли мимо темных витрин магазина «Спорт» и дошагали до площади Дзержинского. Далее двигаясь по проспекту Маркса к Библиотеке имени Ленина, они добрались до Волхонки и остановились у дома на углу.

В сердце теснилось и отпечатывалось в памяти: весна, ночной город, чистый асфальт, редкие пары, еще более редкие прохожие, цветомузыка светофоров, порывы теплого ветра и, главное, идущая рядом девушка, не близко-привычная, а незнакомая, загадочная, со своими важными женскими мыслями. Артур почувствовал, что вступает в пору взросления.

Детство с его беспечностью и смешными опасениями, робостью и терзающими желаниями, надеждами и обидами, коллективизмом и привязанностью, беспричинным весельем и жадной немедленного возмездия, трепетностью и приступами жестокости, жалостью к себе и верой в собственное бессмертие, это детство, уходя, приостановилось у порога и вот-вот уйдет навсегда. Еле заметная фигурка останется на горизонте, уменьшаясь со временем, но никогда не исчезая.

– Мы еще встретимся? – спросил Артур.

– Ты этого хочешь? – Тамара посмотрела ему в глаза так, что у него подпрыгнуло сердце.

Он только молча кивнул.

– Хорошо, вон там, у станции метро, послезавтра в шесть часов, – предложила она.

Артур снова кивнул.

– Тогда до встречи?

– Салют!

Артур вышел на набережную и только здесь сообразил, что послезавтра, когда уже за полночь, можно трактовать по-разному. Это его не смутило и не огорчило, не получится в первый день, придем во второй! Он бодро отшагал расстояние до гостиницы «Россия», через проезд Серова дошел до улицы Богдана Хмельницкого и, набрав крейсерскую скорость, пошел к Покровке.

У книжного магазина его нагнал мотоцикл с коляской. Два милиционера ехали, как сыновья Эмона, потерявшие своих братьев. Мотоцикл остановился.

– Парень, тебе далеко?

– К Разгуляю.

– Садись, подбросим.

Он сел в коляску, накрыл колени кожаным фартуком, и они помчались. Ветер наполнил легкие, отбросил назад волосы, заставил прищуриться.

Мотоцикл несся по вымершему городу, не обращая внимания на светофоры. Он затормозил у трамвайных путей, рванулся дальше. Как широкую реку, расцветченную бакенами, пересек Садовое кольцо, чуть не взлетел на мосту через железную дорогу и остановился у следующего перекрестка. Ночной полет закончился. Артур перевел дух.

– Нам налево, в Бабушкин переулок, – сказал водитель, – отсюда тебе два шага.

– Спасибо! – Артур выпрыгнул, затолкал фартук в коляску.

– Бывай здоров!

Мотоцикл взревел и, круто повернув, нырнул в переулок. Артур махнул ему рукой и, преодолевая поднявшийся ветер, поспешил дальше на своих двоих.

Войдя в комнату, он открыл окно. Марины в Москве не было, она уехала отдыхать по путевке. По холодным крышам забарабанили первые капли дождя. Он включил радио и лег. По первой программе звучала песня, которая начиналась словами: «Уходит детство через мой порог...»

Артуру запомнился этот прозрачный вечер, сомкнувшийся с ночью, ветер, принесший дождь, и трепещущие звуки песни под аккомпанемент весеннего ливня. Лежа в постели, он смотрел в открытое окно, слушал радиодождь и не заметил, как уснул.

9. Презумция верности

Месяц спустя Костя приехал с дачи на московскую квартиру посмотреть почту, взять новые журналы. Задумавшись, он брел по Чистопрудному бульвару. Вдруг его окликнули:

– Константин Георгиевич!

Костя остановился, он узнал Виталика.

– Привет, какими судьбами?

– Жду Лию, она пошла в Министерство просвещения.

– Как у нее дела?

– Хочет получить распределение в Москву.

– Теперь имеет полное право.

– Хорошо бы разрешили. – Виталик инстинктивно ждал от официальных органов какой-нибудь пакости.

Костя видел, что былая безмятежность Виталика за месяц успела исчезнуть, и решил переменить тему:

– С Артуром давно не встречались?

– С Артуром? Неделю назад он у нас был с Тамарой.

– Тамара? Это подруга Лии? – Костя широко раскрыл глаза.

– Ну да, с истфака. Помните?

– А, – покивал головой Костя, – ну тогда я за Артура спокоен.

– В каком смысле?

– В том смысле, что ей некуда торопиться. Я слышал, ее оставляют в аспирантуре.

Виталик рассмеялся. В это время к ним подбежала Лия.

– Здравствуйте, Константин Георгиевич.

– Здравствуйте, Лия.

– Ну, как?! – спросил Виталик.

– Все нормально. Они согласны. Скорей всего в шестьсот тридцать первую.

– Отлично, – Виталик облегченно вздохнул.

Он хотел еще о чем-то спросить, но вдруг до них донеслось низкое бормотание грома.

Костя поднял голову. Из-за Министерства заготовок заходила черная туча.

– Пойдемте ко мне, – сказал он, – и дождь переждете, и посмотрите, где я живу.

Виталик посмотрел на Лию. Она согласилась. Нужно было торопиться. Не мешкая, они пересекли бульвар. Лия шагала в центре, взяв мужчин под руки. Когда дошли до подъезда, упали редкие тяжелые капли. Сразу запахло пылью. Сбиваясь в темные шарики, пыль жадно поглощала влагу.

В комнате пришлось зажечь свет. Костя раздвинул шторы и открыл окно. В следующий момент молния отпечаталась на сетчатке трех пар глаз, взглянувших в окно, и сразу же последовал оглушительный треск, как будто перед мощным усилителем звука разорвали плотную ткань.

Это была настоящая московская гроза, которую весной бессознательно ждут москвичи, когда бурные потоки воды, текущие по кромке мостовых, смывают накопившуюся пыль и грязь в решетки стоков. Получасовой летний ливень, встающий стеной, звенящий водосточными трубами, в секунды разгоняющий прохожих. Еще бы! Если на тебя сверху непрерывно льется вода, а ветер свирепо бросает эту воду со всех сторон, никакой зонтик не поможет.

Спустя время порывы ветра стихают. Дождь продолжает заявлять о себе сплошным белым шумом. Незаметно гудящий шум переходит в шелест, пузыри в лужах исчезают, непрерывность меняется на дискретность, отдельные капли еще продолжают устало капать, и тогда появляется солнце. Теперь капли падают только с деревьев, ослепительная голубизна запол-

няет небо, со всех сторон выпрыгивают солнечные зайчики; они отскакивают от луж, от распахиваемых окон, от стекол автобусов и капотов автомобилей. Потоки воды у бордюрного камня, забыв о водоворотах, переходят к равнинному течению, а кое-где уже появляются светлые пятна просохшего асфальта. Улицы снова заполняются москвичами.

В этот же вечер Лия отправилась к Зизи. Виталик, захватив длинные резиновые ленты, побежал на стадион. Красное солнце заливало посвежевшую Москву.

Зизи уютно устроилась на диване.

– Как тебе, Лиечка, роль жены?

– Приятно. До сих пор не верится, что я вышла замуж. Это хорошо?

– Ну, я-то считаю, что в общем случае ничего хорошего в замужестве нет. Но пройти через это надо.

Лия повела плечиком:

– Он еще такой мальчишка!

– Все равно с тем арабом, – сказала Зизи, – у тебя бы ничего не вышло. Ему бы не позволили взять тебя в жены. А тот, с курса, командир отряда проводниц не имел московской прописки. Бери что дают.

– А потом?

– Когда придет потом, тогда и будем думать.

– А он?

– Что он? Таких много. Он, Виталик твой, живет, словно у него две жизни. А у нас с тобой она одна. О себе заботься.

Лия смотрела на нее.

– Что ты на меня так смотришь? Тебе никто не говорил, что человек свободен? Имей мужество освободиться от предрассудков.

– Что вы имеете в виду?

– Надо быть честной. Скажи себе: ничего, кроме меня!

– Я думала над этим.

– Не надо думать! Надо жить этим! – Зизи оживилась. – Понимаешь, надо подходить к жизни так, как будто весь мир существует только для тебя. Ты никому ничего не должна! Считай, что все тебе должны. Ясно? Они есть, чтобы исполнять твои желания. Раз так, используй их, как найдешь нужным.

– Не все согласятся.

– Все! Здесь, дорогая, целая наука. – Зизи заговорила с жаром. – Кланяйся и благодари тех, кто сегодня сильнее тебя, завтра ты их растопчешь. Пусть тебе лизут задницу те, кто слабей тебя, позволь им, они сами этого хотят. Жалкие жертвы, сделай с ними все, что пожелаешь. Люди управляют силой. Если будешь их гладить, они вцепятся тебе в руку зубами. А вот руку, которая их бьет, они будут лизать с упоением. Топчи их, они только об этом мечтают, пинай их, и они снова и снова будут подползать к тебе.

Зизи грациозно потянулась, она была похожа на большую кошку.

– Может быть, когда-нибудь я научу тебя всему этому, – продолжала Зизи. – На Вадима у меня по-настоящему никогда не было времени. Видишь ли, девочка моя, весь секрет в том, что, не научившись унижаться, ты не сможешь унижать других. Научись быть жертвой и тогда сможешь приносить в жертву других. Ах, – нежно замурлыкала Зизи, облизывая губы, – я бы научила тебя получать удовольствие и от того и от другого. Увидев настоящее бесстыдство, ты бы перестала ведать стыд. Надо испытать непристойности, чтобы больше не считать, что поведение может быть непристойным. Я бы заставила тебя переступить через дурацкие предрассудки, выдуманные для грубого стада. Лишь познавший порок оценит добродетель.

Лия, невольно подавшись вперед, ловила каждое ее слово. Ноздри Зизи раздулись, глаза вспыхивали лиловым пламенем.

– Как вы красивы сейчас, Зинаида Зиновьевна! – восхищенно сказала Лия.

Зизи провела рукой по волосам.

– Это еще не урок, девочка. Это – только введение в тему. Пройдя весь курс, ты научишься получать что захочешь. На это у тебя есть все права. Ein grosses Volk sind wir!⁷

Зизи улыбнулась Лие и переменяла позу.

– Ну а теперь расскажи, как у вас с Виталиком? Ты понимаешь, о чем я? Он тебе нравится?

– Да, пожалуй. Он не такой горячий, как араб. Но в этом есть своя прелесть. И он больше думает о том, чтобы доставить удовольствие мне, а не себе. Такой большой и милый слоник, – засмеялась Лия.

Зизи тоже рассмеялась:

– Вот видишь, ты еще и удовольствие получаешь.

Лия добавила полусшепотом:

– Он всегда готов мне его доставить.

Зизи томно выдохнула:

– Вот оно – преимущество молодости. Неутомимость.

– К этому преимуществу да что-нибудь материальное!

– Э, когда хочешь слишком многого, в цель не попадаешь. Сперва нужно покончить с настоящим, а уж потом вступать в сделку с будущим. Я помогу тебе. Что тебе сказали в министерстве?

– Все в порядке! Дают распределение в вашу школу, – ответила Лия.

– Ну вот! Я же говорила! Отлично! И от дома недалеко, – сказала Зизи рассудительно. – А как с пропиской?

– Оформляю временную. Если Вадим с Клавдией согласятся, можно будет приступить к работе.

– Они согласятся. Поупрямятся, конечно, но согласятся. Ты – девочка умная. Веди себя соответственно, не возмущайся, не лезь в бутылку. Ласковый теленок двух маток сосет.

Она посмотрела на часы и встала:

– Извини, Лиечка, я жду ученика.

– Спасибо за науку, Зинаида Зиновьевна.

– Желаю удачи. Ступай.

Женщины расцеловались. Лия почувствовала быстрый кончик языка Зизи между своих губ, но его касание было столь мимолетным, что она не стала бы это утверждать твердо.

Уже в дверях Лия шутливо спросила:

– Кстати, своих учеников вы чему-нибудь учите, кроме немецкого языка? Я им немного завидую.

Зизи в тон ей весело откликнулась:

– Не волнуйся, у тебя есть все шансы стать первой ученицей.

На этой шутке они расстались.

Между тем подругу Лии Тамару действительно оставили в очной аспирантуре. Костя не ошибся.

Артур, сдав очередной экзамен, подъезжал к угловому дому на Кропоткинской, где продолжала жить Тамара, и они шли по Кремлевской набережной или по Кропоткинской улице в сторону ее института, доходя пешком до Новодевичьего монастыря.

Этим летом, несмотря на начавшиеся студенческие каникулы, Артур продолжал пропадать в Физическом институте. Он предложил учитывать в колебательных квантовых переходах молекулы окиси углерода ангармоническую составляющую. Это позволило теоретически обна-

⁷ Мы – великий народ! (нем.).

ружить в газовом разряде значительное отклонение от бoльцмановского распределения. Другими словами, в итоге получать инверсную населенность. Артура заметили и временно оформили лаборантом. Он сделал доклад на семинаре в лаборатории Колебаний, которой руководил академик Прохоров. Тогда Артуру для помощи в расчетах дали студентку из Ростовского университета, которая делала дипломную работу в славном столичном академическом институте.

Бывшим Варшавским, а теперь Ростовским университетом руководил бывший супруг Светланы Алилуевой, член-корреспондент Академии наук и сын бывшего секретаря ЦК ВКП(б).

И хотя студентка из Ростова уже заканчивала писать диплом, она была в восторге от Артура, слушала его открыв рот и считала его непререкаемым авторитетом. Когда появился Артур, все ее затруднения с дипломом кончились. Артур снимал их одно за другим. Так, она мучилась с расчетом констант скоростей резонансных переходов в молекулах для решения кинетического уравнения. Артур мигом прекратил ее мучения, объявив, что резонансные переходы в кинетическом уравнении все равно взаимно уничтожаются и их вообще можно не принимать во внимание.

– Откуда ты знаешь?

– Увидел во сне!

– Докажи!

– Как же я докажу? Я привык спать в одиночку.

– Фу, какой ты! Ты не сон докажи, ты докажи свое утверждение. Математически.

– Ах, математически?! Пожалуйста! – И Артур быстро набрасывал на бумаге доказательство, после которого становилось очевидным, что он прав. Оставалось только поражаться, как столь простая мысль раньше никому не приходила в голову.

Они подружились на почве решения уравнений, однако она больше придавала значения ему, Артуру, забывая о физике. Он же больше думал о формулах. Когда она уехала на каникулы в Киев, где теперь жили ее родители и дед, ему стало ее не хватать. За лето он получил от нее три письма. Осенью она вернется, чтобы заканчивать работу над дипломом.

Положа руку на сердце, Артур принял ее отъезд не без некоторого облегчения, потому что продолжал встречаться с Тamarой. Получив первую зарплату лаборанта, Артур решил отметить это событие в ресторане «Узбекистан», который славился на всю Москву своей кухней.

Кроме Тamarы он пригласил Виталика с Лией. Вчетвером они отстояли полчаса в очереди у входа, им повезло, в этот день желающих попасть в ресторан было немного. Успев проголодаться, наша четверка набросилась на лагман, свежий лаваш, шашлык. Порции были такие, что им пришлось сделать перерыв в еде.

Официантка, показав на дальний столик, поставила перед ними бутылку «Советского шампанского». Оказалось, что за тем столиком сидел Вадим с компанией. Он-то и направил им подарок.

Вадим с сослуживцами и двумя офицерами в ресторане продолжал отмечать успешные испытания своих изделий. Он помахал издали рукой молодым людям.

Ушли перед закрытием, осоловев от сытной пищи. У Виталика отяжелели веки. Артур успел заметить за столиком у выхода молодого брюнета, напившегося до полного бесчувствия. Он сидел с закрытыми глазами, откинувшись на спинку стула, и что-то мычал. Дежурный милиционер старался привести его в чувство, растирая уши.

На следующей неделе Виталик уезжал со студенческим строительным отрядом зарабатывать деньги для своей маленькой семьи. Сначала Лия хотела поехать с ним: она могла бы работать поваром и медсестрой, но ей пришлось остаться. Вопрос с работой еще не был решен. Тормозила прописка. Требовалось согласие всех проживающих.

До отъезда Виталик подписал ее заявление в милицию, уговорил подписать Клавдию и попросил мать, как только Вадим появится, потолковать с ним.

Мелькнув в ресторане, Вадим неожиданно опять был вызван на полигон, но ненадолго. Он вернулся в хорошем настроении, загорелый и небритый, с ящиком черешни, прозрачной соленой рыбой и большой бутылкой спирта, желтого от настоя на лимонных корках.

Клавдия снова была счастлива. От командировки у него оставались свободные дни, и, когда она утром убегала на работу, он еще спал.

На второй день Клавдия перед уходом разбудила Лию и сказала, что в принципе договорилась с Вадимом о прописке. Лие надо было обязательно днем подписать у него заявление. Все складывалось как нельзя лучше.

День обещал быть жарким, однако в их двух комнатках жара никогда не чувствовалась. Просто пахло теплым деревом, да из окон, там, где кончалась тень от дома, виднелся раскаленный кусочек двора.

Солнце ушло косою полосой за стену, лишь узкий треугольный зайчик оставался на краю подоконника. Вадим читал, лежа в постели.

– Кофе будете? – Голос Лии донесся из коридора.

– Обязательно! – Он потянулся и отложил книгу, не закрывая страниц, обложкой вверх.

Лия принесла с кухни две чашки кофе.

– Корбетт, – прочла она, – «Кумаонские людоеды».

Вадим взял двумя руками чашку, попробовал кофе и удовлетворенно выдохнул:

– Эх, что еще человеку надо!

Лия, улыбнувшись, заметила, что все же надо, и принесла бланк заявления. Вадим кивнул:

– Знаю, Клавдия мне говорила. Ну что ж, давай потолкуем.

Он передал пустую чашку Лие и хлопнул ладонью рядом с собой.

– Садись поближе!

Лия поставила чашки на стол и присела боком.

– Хочется, чтобы у вас, молодых, было все хорошо, – начал Вадим. – Поэтому считай, что твои проблемы – это мои проблемы. Понимаешь?

Она, как школьница, согласно кивнула.

– Твой супруг сам бы мог попросить меня, и я бы ему не отказал, так же как и тебе. Но он – мужчина, его дело – зарабатывать деньги. Ты – женщина и сама можешь уладить это дело. Я не против, если мы все решим без него. – Вадим положил ладонь ей на колено. – Как ты считаешь?

Лия, потупившись, молчала. Он протянул руку и приложил палец к ее губам:

– Молчание – знак согласия?

Он погладил ей губы. У Лии задрожали ресницы. Она приоткрыла рот, хмелея от собственной покорности. Его пальцы погрузились во влажное тепло...

Прошло несколько секунд. Наконец он сглотнул слюну и откинул одеяло. Лия не поднимала глаз, но теперь все ее тело охватила дрожь. Она завороченно смотрела вниз. Потом она почувствовала, что на голову легла его рука и потянула ее к раскрытой постели.

«Красив, проклятый!» – не отрывая взгляда, подумала Лия, медленно опускаясь на колени перед кроватью.

Он передвинулся и, лаская взглядом нежный затылок, закинул руки за голову.

В эту ночь она лежала в своей комнате, прислушиваясь к его шепоту и вздохам Клавдии. Ее слегка припухшие губы улыбались в темноте. Она добилась своего: бумага была подписана, паспорт сдан в милицию на прописку. Зизи осталась бы ею довольна. Ласковый теленок, ласковый теленок! Внимая ночному регтайму, она с волнением вспоминала, как оказалось приятно соглашаться с желаниями Вадима, когда он понял, что может делать с ней все, что захо-

чет. Она, играя неопытную девочку, подчинялась ему не без сопротивления, но с видимым удовольствием.

Лия потянулась, проведя руками по телу от груди вниз до темных волосков. Засыпая, она услышала, как Вадим, не зажигая света, пошел на кухню. Когда он вернулся, Клавдия тоже уже спала.

Он прислушался к ровному дыханию жены и направился в комнату Лии. В полусне она увидела, что он опустился на пол у ее кровати. Его руки скользнули под одеяло. Лия изогнулась от жаркой ласки. Подарив ему поцелуй, она осталась одна, завернувшись в одеяло и спокойно проспала до самого утра.

Им удалось провести вместе еще несколько дней. И опять было непонятно, есть ли какие подозрения у Клавдии или нет. Во всяком случае, возросшая чувственность Вадима ее устраивала, ведь он, как в молодости, ночами не давал ей покоя.

Связь прекратилась сама собой с возвращением Виталика. Его известили, что Лия с первого сентября выходит работать в школу, на том он и остановился, не вникая в подробности, так и не узнав правды.

Лето кончилось. Начались первые холодные дожди. Один за другим прошли осенебри. И вот уже белые мухи закружились над промерзшей землей. Наконец лег снег. Виталик выиграл гонку на 15 километров на первенство Центрального Совета.

А над головой Артура, как туча, нависла беда.

Гроза разразилась после того, как ему предложили после окончания университета работать в закрытом городе Арзамас-16. Артур, имея в виду аспирантуру в Физическом институте, легкомысленно пожал плечами. Видимо, неправильно истолковав этот жест, с вниманием прошлись по его личному делу. Вскоре состоялось комсомольское собрание, и его чуть не исключили из комсомола, вынеся ему в итоге строгий выговор с занесением в учетную карточку с формулировкой «за крайний позитивистский уклонизм, политическую несознательность и отрицание определяющей роли советского государства в мировом процессе».

Какие это имело для него последствия? Самые плачевные. То, что его теперь на пушечный выстрел не подпустят к Арзамасу-16, Артура не огорчало. Однако он занимался квантовой радиофизикой, а она, в свою очередь, относилась к закрытой тематике. Ему предстояло с ней распрощаться, вся его работа шла прахом. Об аспирантуре можно было забыть. Распределение в ведущие закрытые институты оказалось под большим вопросом, даже преподавать с такой формулировкой его не возьмут.

Тамара, которая была членом Ленинского райкома комсомола, навела справки и в результате не только поддержала вынесенное решение, но и высказалась за более строгую меру – исключение.

Артур подошел к ней, когда она вышла из метро на бульварном острове у Волхонки.

Тамара сразу набросилась на него:

– Ты кем себя считаешь? Что ты себе позволяешь? Голова у тебя есть? Тоже мне ученый-физик!

– Все хорошие ученые – позитивисты, – возразил с оттенком превосходства Артур.

Его ответ только подхлестнул ее:

– Да будь ты хоть ультрапозитивистом! Ты, олух царя небесного, знаешь, за что тебя чуть не исключили?

– За то, что предлагал заменить эксперимент моделированием на ЭВМ, – ответил озадаченный Артур.

Тамара возмутилась:

– Яп-понский бог! Что ты мелешь? За такое не исключают!

– Послушай, послушай, как ты со мной разговариваешь?!

– А как прикажешь с тобой разговаривать? Скажи, ты говорил, что ни у нас, ни у Америки нет атомного оружия, говорил?

Артур поднес руку ко лбу:

– Вот оно что!

– Вот оно что, – передразнила она, – ты дискредитировал весь советский народ, его оборонный потенциал, весь труд, вложенный в ракетно-ядерный щит родины.

– Про ракеты я ничего такого не говорил.

– Как ты вообще до этого додумался? Все знают, что ядерное оружие есть, а он, видите ли, не согласен со всеми.

– Есть такая дисциплина, – начал Артур, – называется «математическая физика», еще есть аналитическая теория дифференциальных уравнений, еще...

Тамара не дала ему договорить:

– Да я не про то! Что ты свои долбаные формулы мне в нос суешь? Как ты додумался высказать сомнение в великой силе нашей армии и флота, нашей науки и техники? Может, кто надоумил?

Артур искоса взглянул на нее, осуждающе покачал головой:

– Против формул не попрешь, – объяснил он. – Пока не научатся делать маленькие атомные реакторы...

– Знаешь, кто ты?! Ты – классовый враг!

– Что ты болтаешь?! – не вытерпел Артур. – Вы совсем там рехнулись! Классовый враг! Бей своих, чтобы чужие боялись, да?

Артур взял себя в руки, сказал спокойно:

– Послушай, Томочка, вот ты – историк. Представь себе: ты точно знаешь, что такое историческое событие произошло при солнечном затмении. Но к тебе приходит астроном и говорит, что солнечное затмение в данной местности наблюдалось только в таком-то году. А этот год на тысячу лет позже принятой всеми даты. Как быть? Ничего не поделаешь, надо менять привычную для всех дату, правильно?

– Нет, не правильно! Надо присмотреться к этому самому астроному, на чью мельницу он воду льет? Ты лучше скажи, какой астроном к тебе приходил?

– Да никто ко мне не приходил. Кроме тебя, конечно.

– Не смей меня упоминать!

– Не бойся, Томочка. О том, что я с тобой был знаком, я никому не скажу.

– Вот и отлично!

– Ты уходишь?

– Ну разумеется!

– И мы не будем больше встречаться?

– Ты сам все испортил.

– Меня извиняет только то, что все это я высказал еще до знакомства с тобой.

– Можешь не извиняться.

– Ты меня разлюбила?

– А это – вопрос интимный, не твоего ума дело.

– Хочешь, я напишу признание, что ты меня переубеждала, но я тебя не послушался?

– Ты что, больной?

– Извини, я сказал глупость. Может, ты передумаешь?

– Все может быть. Ступай. И не звони мне!

– О чем ты говоришь? Я все понимаю.

Она ушла. Артур остался один. Он медленно побрел по бульвару к памятнику Гоголю. Последние лучи солнца освещали прихваченный вечерним морозцем подтаявший за день снег.

Когда Артур пришел домой, ему еще досталось и от матери. Марину мало интересовали научные аспекты его бед, она поняла, что теперь аспирантуры не видать как собственных ушей, и сильно расстроилась. Он только вздыхал, с аппетитом поглощая ужин. В сердцах Марина позвонила Косте (Костя, к несчастью, оказался дома), обозвала его чернокнижником и высказала все, что она думает о несостоявшихся ученых, физиках, лириках, политиках и общественных организациях.

– Логарифмы проклятые! – заключила она и повесила трубку.

Озадаченный Костя отошел от телефона. На завтра у него были планы заехать в библиотеку, посмотреть материалы об открывшемся центре исследований современной истории на улице Кондотти в Риме. Но он пообещал Марине обязательно заглянуть к ним.

Артур, как ни странно, быстро уснул. Ему приснилась жаркая горная Гасконь, которую он никогда не видел, но представлял похожей на Грузию.

«Апрельским утром в дороге собирался юный гасконец. У коновязи понуро стоял оседланый пожилой конь выцветшей от времени буланой масти. Он не был привязан и мирно пощипывал траву у себя под ногами. Юноша, одетый в дорогу, вошел в дом, заросший плющом.

В доме царили тишина и прохлада. Родители поднялись навстречу молодому человеку. Отец, дворянин лет сорока пяти, вручил ему перевязь и шпагу.

– Сын мой, – сказал он, – ты отправляешься в Париж на военную службу. Будь храбрым, верным и честным. Не покоряйся никому, кроме короля и кардинала. У тебя крепкая рука и железные икры. Ты научился владеть оружием. Вступай же в бой, когда это возможно и тем более когда это невозможно. В наше время только не щадя себя добьешься славы. Я не могу дать тебе много, я даю тебе лошадь и шпагу, а также письмо к нашему соседу господину де Тревилю. В добрый путь! Обними же нас с матушкой, и да поможет тебе Бог!

Молодой человек надел перевязь со шпагой и обнял родителей.

Они вышли на солнце. Немногочисленная прислуга провожала молодого хозяина. У всех, включая путешественника, в глазах стояли слезы. Он вскочил на коня и, оглядываясь, поехал по залитой ослепительным светом дороге на север. На повороте он последний раз помахал беретом и дал шпоры коню».

Марина звенела на кухне посудой. Большие серые глаза утренних облаков заглядывали в окна. Артур проснулся в истоме, все еще не покидая юга Франции, где Адур, стекая с гор, несет свои воды в Бискайский залив, где жили и живут потомки древних иберийских племен васканов – баски.

Язык басков очень схож с языком Иверии-Грузии. Д'Артаньян до конца жизни не избавился от гасконского произношения.

«Значит, – подумал Артур, – он должен говорить с грузинским акцентом. Акцент должен быть едва уловимым, но заметным. Лучше всего роль д'Артаньяна сыграл бы если не баск, то грузин». С Артура слетел сон. Вот те раз, д'Артаньян должен играть грузин! Артур встал с кровати.

«Да, – обдумывал он свою мысль, – здесь придется идти по лезвию бритвы, надо все сделать очень тонко: внешность южанина, легкий акцент, очаровательная провинциальность, импульсивность и пылкость жителя гор.

Во-первых, – Артур, продолжая размышлять, заправлял одеяло, – д'Артаньяну всего восемнадцать, он должен быть совсем юным, еще не имеющим мужских усов. Усы должны появиться после истории с подвесками королевы, при осаде Ла-Рошели. – Артур посмотрел на себя в зеркало шкафа. – Ростом он должен быть чуть ниже Атоса и Арамиса. Целесообразно в первой части картины уменьшить на пару сантиметров каблуки его сапог – ведь он должен будет еще подрасти и почти сравняться с ними в росте. – Артур приподнялся на носки. – Портос имел рост около шести французских футов, то есть примерно метр девяносто».

Артур прикинул: реально рост актеров может лежать в районе 175–177 сантиметров, актера, играющего роль Портоса, – не менее 190. Вес (этот вопрос Артур обсуждал с Костей) претендента на роль д'Артаньяна не должен превышать 72 килограммов, Арамиса – 75, Атоса – 77. Портос, судя по всему, в то время не имел привычной для зрителя грузности и весил около ста килограммов. Артур всегда внимательно относился к цифрам.

«Д'Артаньян должен быть резвым и ловким от природы, как сейчас сказали бы, спортивным. – Артур взял гантели. – Без одаренности олимпийского чемпиона ему не одолеть де Жюссака и Бернажу».

Артур вспомнил свой разговор с Костей о спорте.

– У нас существует мнение, – говорил Костя, – что упорство и труд все перетрут. В спорте это далеко не так.

– Например.

– Например, в беге на сто метров только один из сотни в силах выполнить норматив первого разряда, а мастера спорта сделает лишь один из десяти тысяч. Остальные, сколько бы они ни занимались, хоть с утра до вечера, не в состоянии выбежать, скажем, из одиннадцати секунд.

– А Виталик?

– Вот, хороший пример! Виталик имеет отличные показатели максимального потребления кислорода. Но заметь, он, хоть и неплохо бежит стометровку, норматив первого разряда он вряд ли сможет одолеть. Другая нагрузка.

– Как это?

– Понимаешь, клетки его организма хорошо приспособлены к кислородному обмену, к длительной, как говорят, аэробной нагрузке. А когда требуется «выстрелить» энергию, когда организм должен сработать на одном дыхании, у него это получается не так хорошо. Мы с ним занимались на даче штангой, а в штанге короткая, так называемая анаэробная, нагрузка, как и на стометровке, так вот, он вдруг почувствовал тошноту. Организм сопротивляется непривычной нагрузке.

– А изменить это как-нибудь можно?

– В весьма ограниченных пределах. Вот возьмем меня, – сказал Костя. – Если я выполнил норму мастера спорта по тяжелой атлетике, то у меня организм приспособлен к короткой, но интенсивной нагрузке, причем на клеточном уровне, можно сказать, генетически. Занимаясь лыжами, я могу за счет тренировок повысить свой показатель максимального потребления кислорода, ну скажем, процентов на тридцать. Но у Виталика, я уверен, этот показатель в два с половиной раза выше, чем у меня. Как же мне с ним соревноваться? Грубо говоря, если я десять километров пробегаю за час, он – за полчаса. Поэтому такие, как он, становятся чемпионами. Вот здесь упорство и труд будут весьма кстати.

– А наоборот?

– Наоборот? То есть если Виталик будет заниматься штангой. Пустая трата времени. Он – парень крепкий, спортивный, дойдет до третьего, максимум – второго разряда и остановится. Организм не позволит ему продвинуться дальше.

– И никак нельзя сдвинуть?

– Теперь можно. В аптеках продается метандростенолон. Плати рубль две копейки и получай пачку таблеток. Это синтетический гормон тестостерон. Он дает отличные результаты. Обратил внимание, как растут рекорды в тяжелой атлетике? Да и вообще в спорте.

– А ты принимал?

– Нет. Не хотел вредить организму. Поэтому и не стал чемпионом. Хотя данные у меня были.

– Так они вредные?

– Я видел тех, кто бросал спорт и эту химию. Их нельзя было узнать, как будто из них выпустили воздух. И это после волшебного ощущения силы, легкости, свободного дыхания.

– Костя, а ты знаешь секрет силы?

– Немножко знаю.

– Скажешь мне?

– Какой же это секрет, если о нем рассказывать. Могу намекнуть, а дальше ты сам думай. – Костя поднял палец. – Есть три ключевых слова: боль, удушье, холод.

Артур зажмурился, пытаясь представить себе, что имел в виду Костя. Костя мог и пошутить. Да и к чему присваивать «Константинов дар»? Что толку от формы, когда нет содержания?

Артур посмотрел в окно. Небо сменило фиолетовый оттенок на чистый лазоревый цвет. Окна домов, отражая небо, сверкали фантастическим электрическим огнем.

10. Держа розу за лепесток

В первый понедельник апреля Артур сел за стол и написал: *В первый понедельник апреля 1625 года все население городка Менга, где некогда родился автор «Романа о розе», было объято таким волнением, словно гугеноты собирались превратить его во вторую Ла-Рошель.*

«Все равно лучше не напишешь, – подумал он, – только теперь мне предстоит соперничать с профессионалами. Что я могу им сказать? Только одно: любите ли вы Дюма так, как люблю его я?!»

Артур попал после университета в вычислительный центр одного московского НИИ, разрабатывающего светотехническое оборудование. Место в целевой аспирантуре Физического института досталось его подруге – ростовчанке. К защите диплома у Артура уже вышла статья в уважаемом научном журнале, и кто-то поехал представлять результаты другой его работы на конференции в Праге, сохранив при этом его соавторство. Словом, диплом Артур защитил без труда, и, несмотря на некоторое, впрочем не слишком настойчивое, давление начальства, на защите ему поставили оценку «отлично».

Вычислительным центром, куда был распределен в итоге Артур, гордо называлась расчетная лаборатория, имеющая в своем арсенале две старенькие электронные машины БЭСМ-4. Располагалась лаборатория в давно не отремонтированном здании рядом с ликеро-водочным заводом. Командовал лабораторией доктор наук с южного Каспия, говоривший с сильным акцентом. Артур только рукой махнул, мысленно конечно, увидев, что пожилой джигит не умеет пользоваться логарифмической линейкой, а вместо интеграла попытался изобразить значок параграфа. Заместитель заведующего лабораторией вообще не имел высшего образования и занимался только хозяйственными вопросами.

Оказалось, что большинство инженеров и даже старших инженеров были практиками и еще только учились заочно в институтах. Примерно половину штата составляли женщины. Наиболее уважаемым человеком слыл маленький важный математик Яша Пинскер, окончивший университет лет на пять раньше Артура и непонятно каким образом очутившийся здесь: видимо, попал под горячую руку в связи с начавшейся войной на Ближнем Востоке.

Гордостью вычислительного центра было выполнение заказа по машинной обработке фотоизображений. Артура подключили к этой работе. Вскоре Артур предложил для фильтрации того типа фотоснимков, которые им предлагались, применять быстрое преобразование Адамара вместо традиционного Фурье. Его никто не понял, и он остыл. Как молодой специалист, он был обязан три года отработать на этом месте.

Летом его послали на строительство нового здания НИИ, осенью – каждую неделю посылали работать на овощную базу.

Артур поначалу возмущался, когда его отвлекали от интеллектуальной деятельности, потом стал принимать это как неизбежное зло, но так никогда к нему и не привык. Через полтора десятка лет, уже в период перестройки, эта практика закончилась, и ничего – стройки и овощные базы не рухнули и продолжали работать.

Теперь все его время занимала милая и преданная выпускница Ростовского университета Людочка Стырикович. Она сдала экзамены в аспирантуру, едва не завалив историю партии.

Людочка была серьезной девушкой, симпатичной, даже красивой, но внешность свою не подчеркивала и потому не бросалась в глаза. Не красилась, не начесывала волосы, не носила мини-юбок и туфель на высоких каблуках. Собранные сзади резинкой гладкие русые волосы переходили в конский хвост, пальчики с аккуратно подстриженными ногтями без маникюра не знали колец, лишь в мочках ушей красовались маленькие золотые серьги без камешков. В фигуре только тонкая талия, да плоский животик, обтянутый трикотажной кофточкой – «лап-

шой», обращали на себя внимание, главным образом женщин. Женщины разглядывают женщин куда более тщательно, чем мужчин.

Чтобы добраться до дома, где снимала комнату Людочка, Артур садился на двадцать пятый троллейбус, идущий в сторону центра, и, минуя Красную площадь, доезжал до конца маршрута. Дальше он шел пешком по бульвару мимо Университета Патриса Лумумбы и крематория или садился на тридцать девятый трамвай, который довозил его прямо до места.

Они разбирались в ее работе. Он помогал ей правильно ориентироваться в результатах. Иногда он увлекался, предлагал новую идею. Но не мог избавиться от постоянного влечения. Молодость брала свое, тело не давало покоя, рядом находилась девушка, готовая отозваться на его стремление к близости. Тогда они целовались, Людочка позволяла ему многое, но не все, а он не считал себя вправе настаивать и даже немного стеснялся проявлять себя, боясь оскорбить ее грубыми мужскими притязаниями.

Возвращаясь домой и глядя из окна троллейбуса на вечернюю Москву, он старался не вспоминать Тамару. Воспоминания эти были мучительны и понапрасну терзали его тело.

Бывали дни, когда Тамара сама набрасывалась на него, не скрывая своих желаний. Она прошла школу комсомольских походов, праздников и мероприятий в узком кругу выборных органов и выездных комиссий. Если ты не был, не поддерживал, не участвовал, не пил, то отторгался на первом же этапе комсомольской карьеры. Верхушка выступала сплоченным коллективом, и нарушать традиции общего времяпрепровождения считалось недопустимым. Тамара парилась в бане с дамами из райкома, выезжала в закрытые пансионаты, где устраивались банкеты, и нередко проводила ночь с нужным, а чаще просто с симпатичным ей человеком.

Артур ей нравился, и потому она не находила нужным себя сдерживать. Он помнил запах ее тела, когда она, узнав, что он один, появлялась после вечернего заседания бюро у него дома. Запах пота и польских духов «Быть может».

Она с блаженством скидывала туфли с утомленных ног, расстегивала ему брюки и толкала на диван. Ее волосы пахли лаком и табачным дымом.

Артур никогда не уставал и мог составить компанию Приапу. Она уставала быстрее. Поднявшись на вершину теплой волны три-четыре раза, она отталкивала Артура и беззаботно засыпала, уверенная, что, проснувшись среди ночи, найдет его спящим, как артиллерист при готовом к бою оружии.

Утром, вернувшись из ванны в хорошем настроении, она сбрасывала с него одеяло и шлепалась прохладными ягодицами ему на грудь.

В последнюю встречу у нее дома они поссорились. Он сказал тогда, что его персональное дело будут разбирать на комсомольском собрании, и она обозвала его щенком. Артур попытался было отшутиться, но это ее только обозлило. В гневе, не помня себя, она, привстав, села ему прямо на лицо, вминая его голову в подушку. Тогда он посмеялся над таким странным проявлением гнева, но запомнил его на всю жизнь.

Гневаясь, Тамара не знала жалости. Как-то она рассказала ему один эпизод из своей работы старшей пионервожатой в летнем лагере.

– Все у меня ходили по струнке, – гордясь собой, говорила Тамара, – да и попробовали бы иначе!

– А что бы ты сделала?

– Что сделала бы? Ха! Один раз девчонка из третьего отряда уронила стакан с киселем прямо мне на ноги. Хорошо еще, что он холодный был.

– Ну и что?

– А то! Я велела уборщице убрать разбитый стакан, а девчонку повела к себе в кабинет и заставила вылизать языком мне босоножки. Видел бы ты, какая она вышла тихая и смиренная, и потом всегда вежливо со мной здоровалась.

– Сурово, – сказал Артур.

– С ними только так и надо. Иначе на голову сядут.

Людочка была другая. Она не пользовалась духами, не теряла времени в очереди за колготками. Она относилась к Артуру с обожанием, но никогда не стремилась себя как-то приукрасить.

С детским эгоизмом Людочка брала Артура за руку и беспечно шествовала рядом, не сомневаясь, что как женщина не может ему понравиться и он сам скоро прозреет.

– Что ты во мне нашел? – спрашивала она. – Я такая худая и плоская. Если бы у меня бюст был такой, как у Азы, помнишь ее?

– Помню. А мне не нравится большой бюст.

– Чей же бюст тебе нравится?

– Бюст Хемингуэя, – отвечал Артур.

– Все бы тебе шутить! Я сегодня нашего секретаря парткома видела. Вылитый Карл Маркс!

– Да, знаю. Он плазмой занимается.

– Еще у нас новый комсомольский лидер. Игорь Толмачев. Ты его знал?

– Такой светловолосый, высокий.

– Ага.

– Толковый парень. Если его твой Карл Маркс поддержит, далеко пойдет. Мы еще его портрет на демонстрациях носить будем.

– А твой портрет будем носить?

– У тебя же есть моя фотография. Зачем ждать демонстрации?

Людочка представила себе, как она несет фотографию Артура, и рассмеялась.

– Вот тебе, вот тебе. – Она кулачком толкнула его в лоб.

Он схватил ее руку, прижал кулачок к губам. Кулачок был маленький, с белыми проступающими косточками, по которым можно было считать месяцы в году. Она разжала руку, и он уткнулся в теплую ладошку.

– Скажи, ты счастлив? – она спросила задумчиво, не отнимая руки.

Артур отпустил ее руку, постоял, будто прислушиваясь к себе. Потом с некоторым удивлением серьезно сказал:

– Да. Знаешь, я когда-то для себя сформулировал: счастье – это неприятности, которые тебя миновали. А теперь вижу, что счастье может быть просто, когда рядом любящий тебя и любимый тобой человек. Так бывает?

– Видишь, бывает.

– Интересно, можно так прожить всю жизнь? – спросил он.

– Как?

– Ну, не желая больше того, что у тебя есть.

– Не знаю, – ответила она. – Мне кажется, можно. Я иногда мечтаю жить где-нибудь на юге России в благодатном Черноземье, где чистый воздух, фруктовые сады, прозрачные родники и белые речные плесы. Где люди красивы и щедры. Где не надо запиравать двери. И чтобы на рассвете и на закате издали доносился колокольный звон.

– А чем заниматься?

– Учить ребятишек в сельской школе. Ходить на работу пешком по алее, заросшей абрикосовыми деревьями.

– И никаких научных открытий? Симпозиумов, встреч с интересными людьми? Общего признания? Известности? – допытывался Артур.

– Зачем, если есть любимый человек? Прожить бы спокойно всю жизнь.

– Жить долго и умереть в один день? А как же нас учили – лучше один раз выпить свежей крови, чем триста лет питаться падалью.

- Ну, если тебе хочется крови...
- Я в том смысле, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.
- А цель – это освобождение рабочего класса? – обронила Людочка.
- Да. Ты права, – поддержал ее Артур. – С целью у нас трудности. И все же, где постоянный непокой? Лишь тот достоин счастья и свободы, кто каждый день идет за них на бой!
- Ты знаешь, – возразила она, – мятежный дух у меня почему-то ассоциируется с Демоном.
- Но это дух революции.
- Разве бывает революция без крови? Кажется, мы пошли по кругу.
- Небольшое кровопускание не вредит организму, – сказал Артур.
- Не знаю. Может быть. Важно, на чьей стороне ты оказался. Горе тому, кто на стороне Демона.

Артур вздохнув, откинул волосы со лба. Он посмотрел на заходящее солнце, на длинные тени от фонарей. Прогрохотал трамвай с освещенным салоном. Пассажиры сидели за стеклами, глядя на бегущие мимо деревья.

- Эй! – Людочка взяла его за руку. – Ты что, обиделся?
- Да нет же! – Он бережно сжал ее кисть.

«Итак, молодой гасконец с небольшими, но ясными, как у сокола, глазами, в потертом суконном колете голубого цвета, выцветшем до цвета винного осадка, подъехал к воротам гостиницы “Вольный мельник”.

Он провел своего светло-желтого коня в ограду и, обмотав поводья вокруг коновязи, нахвистывая, направился к двери. Не знал д’Артаньян, что здесь он встретится с двумя своими смертельными врагами. Впрочем, один из них станет впоследствии его верным другом, а другой, вернее другая, его расчетливой любовницей.

А сейчас ничего не подозревающий д’Артаньян вдруг услышал смех трех мужчин, позабавленных редким цветом его Буцефала.

Точнее сказать, остряк, отпустивший шутку, только сдержанно улыбался, а хохотали его собеседники, принадлежащие, судя по всему, к обслуге гостиницы. Он же, благородно-бледный, одетый в дорогой одноцветный, фиолетовый костюм, со шпагой, выглядел важным баринном, и ему не пристало веселиться подобно простолыдину. На вид ему было лет сорок пять; черные волосы, черные пронизательные глаза, черные, тщательно подстриженные усы, на виске небольшой шрам».

Таков портрет шевалье де Рошфора, конюшего кардинала Ришелье. Боже упаси как-то связывать его с гвардейцами кардинала. Это совершенно самостоятельное лицо, подчиняющееся только Ришелье и не отдающее приказов гвардейцам.

Вот так, в гостинице «Вольный мельник» в небольшом городке Менгена-Луаре, был сделан первый шаг, втянувший д’Артаньяна в схватку сильных мира сего!

Городок располагался в 7 километрах восточнее Божанси, не доезжая 18 километров до Орлеана, если ехать через Тур.

– Давай зададим себе вопрос, – припомнил Артур слова Кости, – почему Дюма начинает книгу с городка Мента? Случайно ли выбрано это место?

– Не знаю. Почему?

– Заметь, Дюма писал роман по мемуарам Куртиля де Сандра. Так вот, в сочинении Куртиля эта стычка, окончившаяся для д’Артаньяна столь неудачно, произошла в Сен-Ди на Луаре недалеко от Мента, только на левом берегу реки, в 15 километрах от Блуа. Однако Дюма намеренно переносит ее из Сен-Ди в Мент, на родину Жана де Мента.

– Зачем?

– Мое личное мнение – ему надо было сказать читателю о Жане де Менте, этом Вольтере средневековья, и о его «Романе о Розе» («Roman de la rose»), он указан прямо в первом предложении «Трех мушкетеров».

– Зачем?

– Сейчас отвечу. Только подчеркну, что роза с древних времен была мистическим символом. Но сначала задам второй вопрос. Как называлась гостиница, в которой все произошло?

Артур ответил.

– Правильно. «Franc Meunier», – перевел на французский Костя. – Похоже на «Franc Mason». Не правда ли? Даже по-русски «Вольный мельник» напоминает «Вольного каменщика». Вот так начало книги и первая стычка д'Артаньяна проходят на поле розенкрейцерства и масонства.

– Ришелье был розенкрейцером?

– Не берусь это утверждать. Хотя его взгляды и поступки были довольно широки для католического преосвященства. Важно то, что начинается действие романа под знаком борьбы скрытых течений, а не просто как потасовка частных лиц. Действующие лица вовлекаются в эту борьбу, как песчинки вовлекаются в воздушную воронку.

Вот что говорил ему Костя. Артур глубоко вздохнул и вернулся к своим записям.

В первой стычке д'Артаньян терпит поражение. Он остается без рекомендательного письма, почти без денег, со сломанной шпагой и рассеченным лбом. Но он обретает врагов. И это немало.

Вторым смертельным врагом стала миледи. Мы видим вместе с очнувшимся от удара д'Артаньяном знакомую нам белокурую, голубоглазую блондинку Анну де Бейль. Через открытую дверь кареты она беседует с Рошфором. К этому времени Анна де Бейль успела выйти замуж за англичанина, стала важной дамой, графиней Винтер, разбогатела, родила сына и уже овдовела. Сейчас она в расцвете красоты.

«Нравится нам или нет, – продолжал обдумывать сценарий Артур, – но женщины в фильме не могут быть худыми. Д'Артаньян должен видеть обнаженные до локтя руки миледи, белые, как алебастр, холеные и пухлые, с ямочками на локтях и светло-розовыми ногтями на сужающихся кончиках пальцев. Их плавные движения во время разговора с Рошфором должны завораживать зрителя».

Откуда взялась миледи в Менге? Судя по разговору с Рошфором, она только что возвратилась из Англии, и Рошфор выехал ей навстречу, чтобы, не теряя времени, отправить обратно с новой задачей. Вероятно, она высадилась в устье Шаранты в районе города Рошфора (спустя три столетия сделают знаменитую ленту «Девушки из Рошфора») или у порта Ла-Пуэнт в 26 километрах южнее Ла-Рошели. Последний маршрут, возможно, использовался для ее поездок постоянно. Однако не следует исключать и дорогу через Нант, откуда до Мента простирается водная гладь Луары.

Что до д'Артаньяна, то он, благодаря рецепту бальзама, а скорее, отсутствию врачей, через день был совершенно здоров и продолжал свой путь в Париж. Артур не понял, почему д'Артаньян подъехал к заставе Сент-Антуан, то есть к восточной окраине Парижа, тогда как ехал с юга и перед ним была застава Сен-Марсель. По-видимому, более оживленное Сент-Антуанское предместье позволяло ему здесь же продать коня и войти в ворота города пешком, чтобы не шокировать жителей Парижа желтым цветом своей лошади.

Пройдя мимо Бастилии по улице Сент-Антуан, он должен был пересечь Сену, чтобы снять жилье на улице Могильщиков в южной части Парижа у Люксембургского дворца. Адрес Бонасье, у которого он снял квартиру, ул. Могильщиков, 11 (хотя в романе «Двадцать лет спустя» указан дом № 12). Это не слишком важно, поскольку, по крайней мере до 1775 года, в Париже дома еще не нумеровались.

Улица Могильщиков шла от собора Святого Сульпиция до улицы Вожирар. С 1806 года она стала именоваться улицей Шервандони. С запада к собору Святого Сульпиция подходила улица Старой Голубятни, где был дом Тревиля и куда на следующий день отправился д'Артаньян. Последняя улица находилась рядом с театром «Одеон».

Что чувствовал молодой гасконец, ложась спать на новом месте в ожидании утреннего визита к де Тревилю? Как представлял себе капитана королевских мушкетеров?

А как его представляют себе современные кинорежиссеры? Седеющим ветераном, закаленным воином, старшим другом д'Артаньяна-отца. Но разве Дюма назвал его другом отца? Нет, он назвал его соседом. Так вот, в момент появления юного гасконца в Париже Арману Жану дю Пейру, графу де Тревилю не было еще и тридцати лет. Это – полный сил молодой человек лет двадцати семи – двадцати восьми. Ему по воле автора придется предстать капитаном королевских мушкетеров, хотя на самом деле в 1625 году он был только младшим лейтенантом. Капитан-лейтенантом он стал через девять лет, в период, к которому относятся мемуары Куртиля.

Де Тревиль – такой же гасконец и должен, как и д'Артаньян, иметь черты гасконца и легкий грузинский акцент.

Дальше нам известно, что д'Артаньян оказался свидетелем объяснения Атоса, Портоса и Арамиса с Тревилем. Потом он стоял у окна, барабанил пальцами по стеклу. Ему показалось, что он увидел на улице Рошфора. Тогда он помчался вниз, столкнулся с раненым плечом Атоса, запутался в плаще Портоса и оказал медвежью услугу Арамису, подняв с мостовой батистовый женский платочек.

В результате он оказался вызванным на три дуэли и успел добежать до первой у монастыря Дешо, монахи которого давали обет ходить без обуви (*dechausses*). Монастырь располагался неподалеку от улицы Старой Голубятни на перекрестке современного бульвара Распайль. Судя по всему, старая церковь монастыря еще сохранилась.

Четверо молодых людей встретились в районе бульвара Распайль, чтобы не расставаться никогда.

Апрельский полдень в Париже. Солнце в зените. Жарко. На пустыре под палящим солнцем раненный этой ночью Атос, здоровые Портос и Арамис и восемнадцатилетний путешественник из провинции.

«Товарищи режиссеры, господа продюсеры, – взмолился Артур, – вы превращаете в забаву кровавый и смертельный бой. У вас на экране оказывается бесчисленное множество гвардейцев кардинала. Они бестолково бегают от мушкетеров и падают, как снопы, к ногам д'Артаньяна. Вы что, господа-товарищи?»

Против трех мушкетеров, один из которых ранен (в наше время он бы прочно лежал в госпитале), и неопытного юноши выходят со шпагами пять отборных бойцов, возглавляет их один из лучших фехтовальщиков королевства. Он нам знаком. Это – тот самый гвардеец, который задержал друзей-мушкетеров накануне ночью и о чью кольчугу сломал шпагу Арамис. Лицо историческое – Клод де Жюссак.

Правда, Клод де Жюссак мог участвовать в этой стычке лишь по версии Куртиля. Поскольку действие в романе Дюма происходит в 1625 году, Клод вряд ли появился бы у монастыря Дешо со шпагой в руке, к тому времени малютке едва исполнилось пять лет.

Но не спешите смеяться. На эту роль вполне подходит другое историческое лицо – Франсуа де Жюссак, сеньор де Сен-Прёй. Он родился в 1601 году, отличился в боях и даже был назначен губернатором Арраса. В ноябре 1641 года он был внезапно арестован и казнен в Амьене. Очень строгий критик и здесь бы нашел что возразить, например что в одном из поздних произведений Дюма Франсуа называется в числе сторонников скорее короля, чем кардинала.

Второй, ранивший той ночью Атоса, Жан де Барада съер де Каюзак, – любимец кардинала.

Третий – Жак Ротонди де Бикара. Он будет убит через шестнадцать лет в бою в чине лейтенанта легкой кавалерии. В заключительной книге трилогии о мушкетерах Дюма выведет на сцену его сына, офицера Жоржа де Бикара, который погибнет в пещере Локмария.

Вот три исторических лица, которые взяты автором из мемуаров Куртиля. Имена еще двух гвардейцев кардинала до нас не дошли.

Эти пятеро были уверены в победе и потому предложили д'Артаньяну удалиться и тем спасти свою жизнь. Им была нужна победа над мушкетерами. Д'Артаньян их не интересовал. Если бы он ушел, мушкетеры были бы обречены. Он остался. И они по достоинству оценили его поступок, приняв его в свою компанию неразлучных.

У монастыря Дешо д'Артаньян принял первый, подчеркнем, первый бой, и его возбуждение, молодость, неожиданное для опытного противника отсутствие манеры боя позволили ему одержать верх над самим де Жюссаком.

Юнец с незажившей ссадиной на лбу так заморочил голову де Жюссаку, что мастер фехтования стал делать ошибку за ошибкой, чем не преминул воспользоваться д'Артаньян. На этот раз кольчуги не было, и де Жюссак оказался серьезно ранен. Предводитель пал, исход боя был решен в пользу мушкетеров.

Кровь под ярким солнцем, зловещий блеск клинков перед глазами, пот, заливающий лицо, когда легким не хватает воздуха, а мышцам крови. И все же тело ускользает от бритвенно-отточенной стали и ожидает соприкосновения с ней и снова ускользает, пока лезвие не войдет, как в масло, в мгновенно сжавшуюся плоть, принося сожалующее облегчение или восторг удачи.

Изоощренные финты и приемы, доведенное до совершенства владение оружием, годы тренировок с детства, твердость характера, стойкость перед более сильным противником, победа, венчающая схватку, – нет, увы, не здесь делается настоящая жизнь. Она делается в храмах и кельях, в альковах и кабинетах, в лабораториях и библиотеках, незаметно, обыденно, не публично. А искры, сыплющиеся со шпаг, – лишь внешнее проявление невидимой работы.

Пять тысяч знают, что делают, пять миллиардов думают, что знают.

Демонстрируя чудеса ловкости, редко знают, за что дерутся. У монастыря Дешо Портос, гений силы, бросил гениальную фразу:

– Я дерусь просто потому, что дерусь!

И он дерется, и еще будет драться, увлекаемый друзьями, пока огромная скала не станет ему надгробием. Сильный и верный. Именно так! Потому что сила без верности – вещь случайная и бесполезная.

11. Вне логики

Пока Артур, забыв о своей собственной судьбе, размышлял о столь важных вещах, она готовила ему лестное предложение. Неожиданно Артуру позвонил бывший сокурсник, который оформился в какой-то НИИ в Кунцеве, и сказал, что им нужны хорошие специалисты.

Друзья встретились на улице Дзержинского, в самом ее конце, прямо у Бульварного кольца. Пока они шли к неприметному желтому зданию с узенькой дверью, Артур выслушал историю своего сокурсника. Оказывается, тот сдал анкету, прошел проверку и был зачислен в НИИ, который работает на КГБ. Им нужны хорошие математики, они попросили рекомендовать способного парня, и он предложил Артура. На вопрос, чем они занимаются, приятель ответил, что, скорее всего, криптографией, точнее ему не сказали. Артур был заинтригован.

Они вошли в дверь, остановились в узком коридоре, где стоял охранник. Приятель позвонил, и минут через десять к ним спустился по узкой же лестнице молодой еще, но рано расплывшийся человек в галстуке и расстегнутом пиджаке. Им выдали пропуски, и они поднялись на второй этаж. Коридор на втором этаже тоже был узким, как и небольшие кабинеты. Артур рассказал о себе, взял бланки анкет.

Через день Артур подъехал к дому с большими окнами в Большом Кисельном переулке. Войдя внутрь, он с удивлением обнаружил на стенах доски с расписанием занятий. Он пробежал глазами по расписанию: семинары по дискретной математике, функциям комплексного переменного.

Прежде чем он вошел в кабинет начальника факультета генерал-майора Бондаренко, успел увидеть всего двух человек: курсанта в форме и молодого лейтенанта с погонами связиста. Артур почувствовал себя одиноким в своем штатском костюме.

У генерала он пробыл недолго. Тот спросил, чем Артур занимался раньше, чем занимается сейчас.

– Если вы пойдете к нам, – сказал генерал, – вас не сразу аттестуют.

Артур пожал плечами.

– Я имею в виду офицерское звание, – пояснил генерал, – а это прибавка к зарплате.

Артур понимающе покивал головой.

– У нас есть научно-исследовательский сектор, – продолжал Бондаренко, – однако если вы занимались, как вы говорите, полупроводниками...

– Газовыми лазерами, – поправил Артур.

– Тем более. Так вот, традиционно, мы берем специалистов из технических вузов.

Артур посмотрел в большое окно. Он со своим университетским образованием никогда не чувствовал, что в чем-то уступает специалисту из технического вуза.

– А с вычислительной техникой вы знакомы? – спросил генерал.

Конечно же Артур был с ней знаком. Вычислительная техника – это только инструмент для мастера. Если ты довел задачу до ЭВМ, то остальное – дело техники в прямом и переносном смысле. Только смотри, чтобы результат был вменяемым.

Генерал тоже посмотрел в окно.

– Ну, хорошо! Сдавайте анкету, а там посмотрим.

Артур попрощался и вышел.

Анкета поражала своей подробностью. Вначале кадровик из узкого кабинета, где он теснился вдвоем с напарником, заинтересовался отцом Артура. Видимо прояснив для себя ситуацию, больше к этой теме он не возвращался. Потом его заняла ненадолго история с выговором по линии комсомола. Артур удивился тому, что с ним, с Артуром, еще продолжают возиться. Но кадровика, кажется, эта история не слишком смущала, из чего Артур заключил, что здесь более широко смотрят на вещи, чем где-либо.

Артур ездил в желтое здание как к себе домой. Наконец у него состоялась еще одна встреча, по всей вероятности, с будущим начальником. Последний, как понял Артур, работал в НИИ. Отсюда следовало, что на Большом Кисельном от Артура отказались.

Начальник был моложав, подтянут и деловит.

– Понимаете, – объяснил он, – мы сами готовим себе специалистов, и это, с одной стороны, хорошо, потому что они сразу ориентированы на нашу работу. Но, с другой стороны, мы варимся в собственном соку, а в этом случае трудно ожидать чего-то нового, нестандартного. Нужен свежий взгляд, свежие идеи. Вот мы и хотим попробовать специалистов с другой подготовкой. Ну, скажем, такой, как ваша. Может, вы нам подкинете что-то новенькое. Вы женаты?

– Нет.

– Собираетесь?

– Да нет пока.

– Через несколько месяцев аттестуем вас на офицера. Будете получать вдвое больше нынешнего. Никаких материальных проблем. Есть аспирантура. Подадите рапорт. Не сразу, конечно, но вас зачислят. Все по команде. Окончите, защититесь, еще прибавка к зарплате.

– Зачисление в аспирантуру как-нибудь коррелирует с научными результатами? – спросил Артур.

Его собеседник улыбнулся:

– Скажем, должно коррелировать. Хотя, – он взглянул на Артура, – вы ведь знаете, что не всякие случайные поля имеют корреляционную функцию.

Теперь настала очередь улыбаться Артуру, он попал в свою стихию, и потопить его в ней никому не удавалось.

– Ну да, это только свидетельствует об их неоднородности. Будем надеяться, что они имеют хотя бы структурную функцию.

Довольный начальник приподнял брови:

– Все же я предпочитаю иметь дело с однородными полями. Что проку от вашей структурной функции?

Артур принял мяч и тут же отправил обратно:

– Локально-однородное поле можно сделать однородным!

– Не понял!

– С помощью линейного фильтра. Например, фильтра высоких частот.

– Вы уверены? – Собеседник недоверчиво посмотрел на Артура.

– Можете проверить.

Начальник задумался.

– Да, да, да, – протянул он. – Если вы правы, это меняет дело. – Он опять на мгновение задумался. – Интуитивно чувствую, что так оно и есть. При этом, если импульсная функция непрерывна, информация не должна теряться.

– С точностью до константы, – добавил Артур.

– Очень может быть, – с расстановкой произнес начальник.

Он поморгал, уставившись на гладкую поверхность письменного стола, думая о чем-то своем, потом тряхнул головой и положил ладони на стол.

– Вот видите, мы уже незаметно приступили к работе. Я поговорю с кадрами, чтобы они поторопились. – Вставая, он протянул руку Артуру.

Прошел месяц. Артур ждал.

Однажды вечером он встретил кадровика недалеко от своего дома в молочном магазине на Новобасманной. Тот был с женой.

– Теория невероятностей! – сказал Артур.

– У нас дочка лежит в шестой больнице, – пояснил кадровик.

На немой вопрос Артура он, опустив глаза, только отрицательно покачал головой. Артур все понял и, бодрясь, откинул волосы со лба.

Он шел домой, незаметно для себя ускоряя шаг, и смотрел в узкое пространство между домами. Отсюда были видны звезды.

Из главы «Аудиенция»:

«Не всякий бой можно выиграть. Великий Помпей проиграл Фарсальскую битву, а король Франциск Первый, который, как я слышал, кое-чего стоил, бой при Павии».

– Костя, кому Франциск Первый проиграл бой при Павии?

– Довольно интересной личности, – сказал Костя. – Коннетаблю Франции Карлу Бурбону, сыну Клера де Гонзага. У него в армии в качестве военного инженера служил Леонардо да Винчи. Когда Карл Бурбон воевал на стороне Франциска, то был героем битвы при Маленьяно. Это недалеко от Милана. Павия, кстати, тоже в Ломбардии.

– А при Павии он сражался против Франциска? Как это?

– Он рассорился с королем, и ему предложили перейти в армию Карла V Габсбурга, заклятого врага Франциска I.

Он согласился, возглавил войско и разбил Франциска при Павии.

– А потом?

– Потом он вместе со своим кузеном Фердинандом де Гонзага осадил Рим. Не успел он это сделать, как был убит пулей, посланной с городской стены Бенвенуто Челлини.

– Ничего себе!

– Эти истории рассказывать можно бесконечно. Например, почему коннетабль рассорился с королем: он отказался жениться на матери короля, и тут своя история. Или, скажем, Фердинанд де Гонзага. Личность весьма таинственная. Боролся вместе с Гизами за французский трон. Его борьбу с династией Валуа продолжил его племянник Луи де Невер, который стал суперинтендантом финансов у Генриха IV.

– Костя, одно тянет за собой другое.

– Это не случайная цепочка имен. Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки!

Крыши домов закрыли звезды. Артур тряхнул головой.

Марина, узнав, что ее сына не приняли, возмутилась:

– Не хотят – и не надо. Было бы из-за чего расстраиваться. Им не голова твоя нужна, а биография. Вот пусть они биографиями и воюют. Ты по анкетным данным не подходишь: не из семьи рабочих, общественной работой не занимался, фамилия не русская, в армии не служил. Не был, не был, не был, не был. А я бы их спросила: есть у вас в анкете такой пункт – порядочный человек или нет? Ничего, мальчик мой, не расстраивайся, – утешала его Марина, – пусть это будут теперь их проблемы. Не огорчайся. Будь выше этого. Ничто нас в жизни не может вышибить из седла. Ясно?

– Васю взяли, – хмуро сказал Артур.

– Васю?! Вот пусть и целуются со своим... Васей! – Марина рассмеялась. – Милый Вася, я снялась. В платье бледно-голубом.

После ужина на душе стало легче. Артур уже не воспринимал жизнь только в темных красках.

– Пойду пройдуся, – сказал он.

– Правильно, ступай проветрись. Лучше спать будешь, – поддержала его Марина.

Артур вышел, дошел до Садового кольца, повернул налево, окунулся в оживленный московский вечер. Весной люди и улицы выглядят опрятно и чисто. Так же выглядит небо. Оно становится прозрачным, глубоким и синим.

Артур миновал деревянную будку у Курского вокзала, где поколения, сменяясь, чистили обувь, где можно было купить гуталин, разноцветные шнурки для ботинок, металлические подковки и плетеные авоськи. Потом проплыли неоновые буквы «Гастроном». Артур шел дальше к магазину «Людмила» с бесконечными витринами. Из-за стекол в интимно приглушенном свете за ним наблюдали, не меняя позы, роскошно одетые женщины. Артур скользил привычным взглядом по манекенам, не останавливаясь, не обращая внимания на схваченные шелком, застывшие фигуры. Он спустился на мост через Язу, пересек Садовое кольцо и двинулся по набережной. Артур любил набережные, там почти никогда не было прохожих.

Вода в Язуе вечером выглядела абсолютно черной, на ее поверхности появлялись и лопались пузыри. У берега стоял небольшой буксир, там горели огни, и два матроса переговаривались между собой. Он слышал, как они смеялись. На веревке висела забытая тельняшка.

На Астаховом мосту Артур повернул в сторону бульвара. Здесь, замыкая большой круг своего маршрута, он стал подниматься к Покровским воротам. Справа и чуть сзади на повороте загрохотал трамвай. Артур оглянулся и пошел дальше к бывшим казармам Навашинского мушкетерского полка, отстроенным еще государем императором Павлом I.

Артур уже не считал, как в детстве, что его государство – лучшее в мире. В газетах, по радио, телевидению, со всех сторон ему твердили, что партия и правительство заботятся обо всех и о каждом. Все, что есть в жизни хорошего, – это их заслуга, благодаря системе социализма. Система – вот главное! Получалось, что недостатки тоже определяются системой.

Один из его коллег считал лучшей страной Америку. Лучший джаз, лучшие фильмы, лучшие автомобили, лучшая электроника, все является образцовым. «Далеко, далеко за морем, лежит золотая страна...»

Поездка за границу представлялась волшебным счастьем. Особенно тем, кто твердил, что родная партия и правительство... и так далее.

Бывший одноклассник Артура окончил военное училище. Отличники учебы направлялись в ракетные войска, в Сибирь. Его приятель отличником не был и потому ехал в Группу советских войск в Германии. Артур присутствовал на торжественном параде по случаю выпуска молодых лейтенантов. Он слышал, как замполит училища, знакомый матери выпускника, сказал: пусть едет, поживет при коммунизме, при социализме еще успеет пожить.

Артура мало интересовала материальная сторона вопроса. Запад представлялся ему таким, как показывали в фильмах. Деньги были мотивом для криминальных историй. О жизни, о душе говорили другие ленты. С детства в прозрачной голубой дымке ему мнилось загадочное и прекрасное лицо Марлен Дитрих. Он помнил ее чуть усталое изящество. Этот образ почему-то (почему – он не знал) сочетался у него с восхищением акварельной прозой Ремарка и Хемингуэя. Мелкий перестук каблучков в тумане, сдвинутая на затылок шляпа на крепкой голове Жана Габена, черный свитер Ива Монтана, потом музыка Мишеля Леграна и Нино Рота как-то легче выплывали из памяти, чем изобилие в магазинах, стильные автомобили или огромные квартиры.

Артур не любил проигрывать. Вдыхая весеннюю свежесть, поднимая глаза к небу, погружаясь в грезы, он зализывал раны, нанесенные его честолюбию. Если бы сейчас он оказался рядом с Людочкой, наверное, достаточно было бы прижаться к ее плечу, чтобы исцелиться и забыть о полученных ранах. Странно, рядом с ней неприятности уходили прочь.

Артур улыбнулся, вспомнив растрогавшую его сцену. Как-то летом он шел с Людочкой по вымершей воскресной улице и издали заметил приближавшегося к ним сбоку пьяного. Людочка увидела покачивающуюся фигуру, лишь когда тот, на очередном галсе, выпрыгнул вдруг в нескольких метрах перед ними. Парень был явно невменяем, белые рыбы глаза смотрели пристально, будто стремились отыскать одному ему ведомую цель. Людочка в испуге обхватила обеими руками правую руку Артура и буквально повисла на ней. Это его рассмешило, хотя было не до смеха. Трудно было придумать более неудачную попытку защититься.

Парень качнулся всем телом в их сторону, но промахнулся и, по инерции переставляя ноги, пошел дальше. Когда опасность миновала, Людочка отпустила Артура.

Она не была девушкой его мечты. Она была лучше.

– Как ты думаешь, что будет лет через двадцать? – спросила она однажды.

– Через двадцать лет уже будет коммунизм. Всеобщее изобилие. Улицы будут убирать роботы. Мостовые будут чистыми, как в метро. Трамвай станет скользить на магнитной подушке. «Жигулей» и «Волг» вот этих вот уже не увидишь. Будут ездить электромобили.

– А что будет с нами, Артур?

– С нами? Мы постареем. Вернее, я постарею, а ты останешься такой же молодой. И я тебя буду так же любить.

– Свисти, свисти.

– И по этому бульвару, может быть, пойдут наши дети, не зная, что когда-то и мы бродили здесь, мечтая о будущем, и думали о них.

– А ты меня не бросишь?

– До полной победы коммунизма ни за что!

– Не бросай меня, ладно? Что бы я ни говорила, что бы ни делала, я всегда буду тебя любить.

– Не волнуйся, коммунизм пока еще только на горизонте.

Они подошли к ее дому.

– Не замерзла?

– Чуть-чуть. А ты?

– Я – нет, – Артур приосанился. – У нас на работе один дядечка вообще ходит в рубашке круглый год.

– И зимой?

– Конечно.

– Без шапки?

– Абсолютно!

– Тебе бы тоже так хотелось?

– Это надо годами тренироваться.

– Так ваш сотрудник долго тренировался?

– Да нет, у него другой случай.

– Интересно какой?

– Завтра расскажу.

– Артур, расскажи.

– Ну, хорошо, слушай. Только давай пройдемся, а то ты совсем замерзнешь.

Она боком прижалась к нему, Артур обнял ее рукой. Они неторопливо двинулись дальше.

– Он родился во время войны, зимой. А зимы тогда были суровые.

Людочка поежилась.

– Понимаешь, – продолжал Артур, – его мать, как бы это сказать, ну, в общем, она не хотела ребенка: муж воевал на фронте, она сошлась с другим. Да еще голод, холод, сожители, злые языки, короче, обуза.

Людочка, повернув голову, смотрела на Артура, стараясь не пропустить ни слова.

– И тогда она решила, – Артур подбирал слова, – что ребенок родился только для того, чтобы заболеть и умереть. Много ли ему надо. Она его вымоет и после ванны кладет на кровать под открытую форточку.

– О Боже!

– Однако, вопреки ее стараниям, он выжил. Причем не просто выжил, теперь он не боится никакого мороза и никогда не простужается, – заключил Артур.

– А мать?

– Не знаю. Наверное, потом поумнела, полюбила его, вырастила. А вот отец с фронта не вернулся, погиб на Днестре.

Людочка остановилась.

– Какая подлая штука – война!

– Война ненавидит женщин и детей.

– А мужчин?

– Как же можно ненавидеть свою пищу?

Людочка посмотрела на небо. На южной стороне показались две первые звезды. Артур увидел ее глаза, наполненные слезами, и его сердце сжалось. Он поцеловал ее в щеку. Она, все еще отвернув голову, смотрела на звезды.

– Я так боюсь, что ты вдруг исчезнешь, – произнесла она.

– Я не исчезну. И всегда буду с тобой, пока ты этого хочешь.

Людочка ладошками вытерла глаза и улыбнулась:

– Значит, коммунизм уже на горизонте?

– Еще на горизонте!

– Ну и пусть он там пребывает.

– Пусть, – Артур согласно тряхнул головой.

– Чем завтра будешь заниматься?

– Стенгазету на работе буду рисовать, – ответил Артур. – А ты?

– А я на ночь программу оставила. Пойду утром посмотрю, что там машина наша насчитала.

– Заедешь завтра?

– Я позвоню.

Они стояли у подъезда.

– Ты иди. – Она быстро поцеловала его.

– Подойдешь к окну?

– Да.

Обойдя дом, Артур смотрел на ее окно, пока не сдвинулась занавеска и за стеклом не показалась хрупкая фигурка припавшей к стеклу девушки. Он поднял руку и, оглядываясь, пошел к трамваям. Она отошла от окна и зажгла свет.

Артур шагал и думал, что завтра они снова увидятся и он расскажет ей, как впустую проходит время и какой ерундой ему приходится заниматься. Но с Людочкой он был счастлив и не променял бы ее общество ни на симпозиумы, ни на важную работу, ни на руководящую должность, ни на признание коллег.

«Может, прав был Блок, – пришло ему в голову, – никакой славы не нужно, только бы видеть любимое лицо».

Артур всегда с сожалением расставался с Людочкой. С другими девушками у него так не было. После свидания с ними он с удовольствием возвращался домой, предпочитая одиночество и привычную обстановку. Расставшись с Людочкой, он чувствовал себя не в своей тарелке.

«Может, это и есть любовь? – думал Артур. – Так просто ее распознать: любовь – это когда отсутствие любимой воспринимается не как одиночество, а как гнетущая пустота.

Ты и рассуждаешь сейчас, как Людочка, – поймал сам себя Артур. – Таких, как она, мало. И тебя она, возможно, любит, пока ты не такой, как она. В основе любви лежит разница. Только когда нужно излечиться, подобное лечат подобным».

Молодости свойственно самоутверждаться. Недостатка в гордости и воле у него не было. Женщина, которая подхлестывала бы его, а таких всегда в избытке, очень скоро стала бы действовать ему на нервы, испытывать его терпение. Напротив, ему требовались сдержанность и успокоение.

Гордость не оставляла ему выбора: он не мог, как автоматчик, палить по площадям длинными очередями шумно и бестолково, что так нравится близким и сослуживцам; они принимают это за натиск и энергию. Он действовал как снайпер; он выжидал, выцеливал (всем казалось, что он бездействует), а потом делал один, но точный выстрел.

Между стрелком и снайпером пропасть. Стрелок должен выйти на рубеж и отстреляться. Чем быстрее и точнее, тем лучше. Он подтянут и динамичен. Он торопится. Снайпер долго ждет. Он терпелив, как рысь в засаде. Он дует на замерзшие пальцы и старается забыть, что у него есть мочевого пузыря. Он ждет своего момента. Тогда следует выстрел.

Промах для Артура, как правило, – повод для мучительных переживаний. И переживал он не только по поводу утраченных возможностей, но казнил себя за непрофессионализм. Людочка никогда не отличала поражения от победы и умела не придавать им значения. Она просто жила, не оглядываясь, беспечно, неосторожно, не предвидя ничего плохого. Так живут дети. Как ребенок, она пугалась возникшей опасности и, как ребенок, принимала мнимую опасность за настоящую и наоборот. Мысли о Людочке успокоили Артура.

«Весной всегда чего-то ждешь, – думал он, вдыхая знакомый с детства, горьковатый запах освобожденной и подсыхающей земли. – Вдох, другой, и кажется, что нам откроется наше будущее. Еще минута, и мы будем знать, кто мы и откуда пришли, а главное, зачем? Не звезды, не книги, не лекции, музеи и галереи, нет не они, а вот это наитие, тонкий аромат, прозрачный воздух поведают нам без слов, без обмана, без умозаключений всю настоящую себестоимость нашего здесь присутствия».

Часть вторая Tenet confidentiam (Хранит тайну)

1. Вечером во ржи

Глебу пришлось по болезни оставить свой пост в отделе внешних церковных сношений: в начале 1972 года он пережил инфаркт. Однако его положение первого среди равных все еще сохранялось. Спустя год после болезни он побывал в Бангкоке на Всемирной конференции «Спасение сегодня».

В делах наступал застой, мучительный для энергичной натуры Глеба. Диалога церковей не получалось, работа велась лишь в невнятных рамках подготовки к диалогу.

«Холодная война» перехватывала инициативу. Политбюро ЦК КПСС укреплялось армейскими кадрами.

После инфаркта Глеб решил передать все документы, хранящиеся у него в известной нам зеленой папке, наверх, в надежные руки. История повторилась: он опять обратился к Косте.

Костя приехал под вечер, прошел по аллеям, любуясь золотым бором с темной хвоей, свернул к даче Глеба, позвонил. Ему открыли, и он, шурша сухими иголками и палыми листьями, уверенно направился к двухэтажному дому. Друзья обнялись, и Глеб начал с главного:

– Ты уж извини, отец мой, приходится вновь тебя звать, ты у меня единственный в курсе дела.

Костя устроился в кресле поудобнее.

– Я весь – внимание!

Глеб посмотрел на него и без предисловий сказал:

– Хочу передать нашу папку вероятному восприемнику. Как ты на это смотришь?

– А кто восприемник?

Глеб сказал.

Костя присвистнул:

– Надеюсь, он ее не отправит в архив.

– Не отправит. По крайней мере, в ближайшее время. – Глеб опять взглянул на Костю. – Я подумал, что хранить ее у себя очень рискованно. Я ведь не собой рискую, документами. Нет у меня условий для хранения.

Костя покрутил головой. Он понимал: дело серьезное.

– Вот видишь! Переслать я ее не могу. Передать лично, не привлекая внимания, тоже не могу. Так что вся надежда на тебя. – Глеб не смог удержать смешок. – Ты уж извини, брат, но в нашем деле вход – рубль, выход – два.

– За такой вход, Глеб, я бы червонец отдал.

Глеб потер руки, поднялся. Давая инструкции Косте, он ходил по комнате.

– Учти, опасность не исключается. За эти документы могут и живота лишить.

– Столько лет прошло, – со вздохом сказал Костя. – Хотя... – Он запнулся. – Знаешь, эта тема забытых монархов опять стала модной в Европе. Книжка вышла одного швейцарца, интервью в газетах. Как в Евангелии: «Он среди вас, и вы не знаете Его».

– Я и говорю, осторожность не помешает, – настаивал Глеб. – Давай сделаем так: я готовлю встречу. Он постоянно бывает в ЦК. Ты напишешь письмо, например, о разрешении пользоваться каким-нибудь секретным архивом. Тебе закажут пропуск, ты пойдешь под этим предлогом на Старую площадь и передашь папку.

Костя согласился.

– Я обращаюсь за разрешением в архив Института марксизма-ленинизма.

– Ну, тебе видней. Главное, чтобы это выглядело естественно. Приедешь ко мне, забереешь документы, я тебе дам машину. Тебя высадят у «Детского мира» или Политехнического музея.

Они еще долго обсуждали детали.

В это самое время в ранних, осенних сумерках в строгом светлом здании на Полежаевской, включив электрическое освещение, работали переводчики с французского. Они переводили книгу одного швейцарского журналиста и гражданина Израиля «Les Dessous d'une ambition politique» – «Подводные течения политических амбиций». Журналисту повезет больше многих: он проживет еще целых четыре года, пока пуля не оборвет его жизнь.

Между тем Костя отправился к себе на Чистые пруды. Он за двоих плотно поужинал у Глеба. Глеб пил только чай без сахара с горсточкой лесных орехов. После ухода Кости он встал на молитву.

Костя, раздумывая над заданной Глебом задачей, шагал от станции метро «Кировская» в сторону Покровских ворот. В свете фонарей навстречу ему по проезжей части шел Виталик. Не веря глазам, Костя даже головой тряхнул. Застегнутый на все пуговицы, Виталик двигался какой-то странной, неуверенной походкой, глядя в асфальт под ногами. Почувствовав неладное, Костя направился к нему. Виталик его не видел.

Вдоль бульвара резво бежал по рельсам набравший скорость трамвай. Дальше все произошло как в страшном сне. Виталик кинулся к трамваю. Будто в замедленном движении киноплёнки Костя успел протянуть к нему руку и поймать рукав куртки. Однако мощная инерция понесла Виталика дальше навстречу отчаянно зазвонившему вагону. Виталик даже не заметил, как лопнули швы на плече, и рукав, оторвавшись, остался Косте на память. Мгновение спустя трамвай грузно закрыл их своей тенью.

Виталик, порыв которого замедлился, ударился плечом о красный бок трамвая и отлетел прямо в руки подбежавшего Кости. Из затормозившего вагона выскочила вожатая, такая же бледная, как и тот, кто едва не стал ее жертвой. Она хватала ртом воздух и безмолвно размахивала руками. Виталик попал в железные объятия Кости и затих. Костя извинился и, сжимая в кулаке оторванный рукав, быстро увел Виталика.

Трамвай еще долго стоял под фонарем, пока вагоновожатая обсуждала происшедшее с пассажирами и зеваками. Наконец, сзади подкатил еще один красный вагон, и спустя пару минут оба трамвая, перезваниваясь, заскользили по рельсам дальше.

Наши герои в молчании дошли до Костиного дома. Виталика не оставляла нервная дрожь. Костя налил ему горячего чаю, плеснул туда же остатки из подвернувшейся бутылки «Кагора» и сходил к соседям за седуксеном. У них оказался только детский димедрол. Костя заставил Виталика проглотить порошок. Впрочем, тот и не сопротивлялся.

Уложив его спать, Костя позвонил Марине, сказал, что встретил на бульваре Виталика, затащил его к себе домой и уговорил остаться переночевать. «Если Клавдия начнет искать сына, – рассудил Костя, – она позвонит от соседей или из автомата Марине».

Проснулись в половине восьмого утра. Было уже светло. Костя внимательно смотрел на смущенного Виталика.

– Знаешь что, – сказал он наконец, – я тебе дам тренировочный костюм, иди побегай. Через час будем завтракать. Потом поедем на дачу. Согласен?

Виталик кивнул.

Через минуту после его ухода Костя вышел из дома, дошел до бульвара, постоял, наблюдая, как Виталик привычно накручивает свои километры, и вернулся в квартиру.

Костюмчик был, конечно, коротковат, а вот кроссовки «Арена», в которых Виталик вчера вышел из дома, пришлись весьма кстати.

Прохожие еще не двинулись занимать свои рабочие места в центре столицы, а одна-две выведенные на прогулку собаки, видимо, справедливо относили себя к клеткой весовой категории и не торопились бросаться под бегущие ноги сорок четвертого размера, несущие восемьдесят семь килограммов мускулистого тела со скоростью разогнавшегося трактора «Беларусь». А может, просто оказались достаточно хорошо воспитаны.

«Заново родился», – подумал Костя и вернулся домой. Он опять позвонил Марине и сообщил, что забирает Виталика на дачу. Пусть Артур привезет что-нибудь из его вещей.

Любопытной Марине ничего не удалось больше от него добиться, но по голосу Кости она поняла, что дело серьезное. Костя, сам ничего не зная, объяснил Марине, что у парня, скорее всего, депрессия и ему, он уверен, необходимо несколько дней побыть в спокойной обстановке.

А произошло вот что.

В конце лета Клавдия с Вадимом уехали в отпуск, в Крым. Виталик с Лией наслаждались свободой в опустевшей квартире. Все было под рукой: стадион, институт, школа, где работала Лия, парк, даже трамвай, выползающий на Дворцовый мост с Волочаевской улицы, чтобы следовать в Сокольники.

Лия любила не только гулять в маленьком парке над Яузой или бродить по оленьим просекам в Сокольниках, она любила новые знакомства, разговоры, танцы, песни под гитару.

Теперь она могла себе позволить пригласить компанию. Несколько раз ее друзья – парни и девушки приходили к ним в гости. Это были симпатичные молодые люди, способные, образованные, остроумные.

Одна пара отлично пела под гитару: он окончил музучилище, она училась пению. Виталик мучительно вспоминал слова и мотив.

Проходит жизнь, проходит жизнь, как белый парус вдалеке,
И пустота, и пустота – в твоём зажатом кулаке.

Вадим когда-то дал ему несколько уроков игры на гитаре, и Виталик иногда перебирал струны и мурлыкал себе под нос какую-нибудь песенку.

В очередной раз Виталик подошел к стене, снял с гвоздя гитару с поникшим синим бантом, попробовал подобрать мотив песни, но у него ничего не получилось, и гитара вернулась на прежнее место.

На следующий день он уехал на два дня в подмосковный спортивный лагерь. Утром там проводился кросс по пересеченной местности на первенство Москвы, и его упростили в институте выступить за команду «Буревестник». Ему выдали новенькие кроссовки, спортивную форму с голубой эмблемой и белой птицей. В них Виталик и пришел к финишу первым, получил кубок, который у него тут же забрали, чтобы поместить в начальственном кабинете на специальном стенде, сам же он отправился в душ.

Днем он уже был дома, усталый, но довольный, с подарками и грамотой красного цвета. Лия еще не пришла с работы. С книгой он завалился на диван, однако веки его сомкнулись, и он уснул.

Проснулся Виталик отдохнувшим и бодрым. Походил по комнате, снял со стены гитару и опять попытался подобрать мелодию. Обычно расстроенная гитара на этот раз отозвалась чистым звуком. Она была настроена идеально. Он еще раз проверил струны. Сомнений не было: так мог настроить гитару только профессионал. Сердце неприятно сжалось. Во рту появился кислый привкус. Такого поворота он не ждал.

Он принялся вспоминать, что знал об этом гитаристе. Лия всегда с уважением говорила о нем, да и Виталику он был симпатичен. Взрослый, лет тридцати, он работал инструктором райкома партии, а раньше, кажется, был комсомольским вожаком у Лии в институте. Звали его Игорем. Веселый, простой в обращении, невысокого роста, всегда при галстуке.

Вскоре явилась Лия, и успевший успокоиться Виталик рассказал ей о своем открытии и спросил, что все это значит? Лия, почесав носик, посмеялась над ним, на том дело и кончилось. И хотя Виталик был уверен в деталях, он считал, что обвинять Лию у него не было достаточных оснований. Просто он стал внимательнее. Увы, Виталик попал в яблочко.

Здание Калининского райкома партии, где работал Игорь, и здание школы, где работала Лия, находились рядом. Лия часто видела инструктора райкома, ведающего делами РОНО (так назывались районные отделы народного образования). Он был холост, и Лия заинтересовалась им. Холостой мужчина, как неизданная книга, вызывает у женщин чувство любопытства.

Она была замужем, и он заинтересовался ею. Видная замужняя женщина обращает на себя внимание больше, чем свободная от брака особа, подстерегающая мужчину.

Лия головы не теряла. Благодаря Игорю, она быстро вступила в партию и, не дождавшись годового стажа, стала партгруппоргом школы.

Он всерьез увлекся ею. Лия не была похожа ни на комсомольских барышень, привыкших к бесцеремонности сверстников и хамству начальников, ни на жадных чиновниц-разведенок, ни на разгульных крашенных блондинок из сферы потребительского рынка.

То недоступно-желанная, то готовая на жертву, строгая и страстная, опьяняющая, как вино, и сладкая, как мед, Лия притягивала его к себе, а притянув, уже не отпустила.

Его мать, Клара Ефимовна, была от нее в восторге (отец – не в счет). Игорь знал, что, если он женится, ему дадут квартиру: в столице разворачивалось жилищное строительство новых районов. А жениться он не хотел ни на ком, кроме Лии.

Не стоит говорить, что Зизи тоже была в курсе дела и поддерживала Лию.

Что касается Виталика, то он вскоре убедился в правильности своих выводов. Произошло это из-за ремонта дорожек на стадионе. В связи с ремонтом ему пришлось перенести тренировки на стадион Лефортовского парка. В парке он увидел, как бродили по осенним аллеям его жена и его соперник. В тот день Виталик бегал до седьмого пота.

Отношение Лии к нему постепенно ухудшалось. Вначале, возможно, она раздражалась, не отдавая себе в том отчета. Позже к ней пришла уверенность в собственном будущем, и она дала почувствовать, что ему дана отставка, полностью и бесповоротно.

Теперь каждое лыко шло ему в строку. Если он ей что-нибудь покупал, она распекала его за мотовство, если не покупал – за скупость. Она могла надуться на него из-за газетной статьи, которую он предлагал ей прочесть, за пессимизм перед сдачей очередной курсовой, равно как и за излишний, по ее мнению, оптимизм.

Когда у нее случилась задержка месячных, она поделилась с ним своими опасениями. Устраниться от обсуждения ему не удалось, хотя он предлагал подождать несколько дней. Виталик даже в мыслях не держал, что в сложившейся ситуации, эта щекотливая тема является, по меньшей мере, рискованной. Он выслушал Лию и рассудительно заметил:

– Вероятность того, что ты думаешь, ничтожно мала. – Виталик был в этом уверен. – Подождем еще неделю.

Он следовал принципу Вильяма Оккама: «Не умножай сущностей».

Женщины устроены по-другому и не так легко соглашаются с принципами, даже если они приняты в кибернетике.

– Какая еще вероятность? – возмутилась Лия. – Я в транс, а ты мне про какую-то дурацкую вероятность разглагольствуешь.

– Предложи что-нибудь получше, – не сдавался Виталик.

– Я тебя спрашиваю, понял? Хочу знать твое мнение.

– Мое мнение – пусть все идет своим чередом.

– И как ты себе это представляешь?! – От негодования Лия даже подбоченилась. – Я буду сидеть дома с ребенком, а ты на свою стипендию будешь нас кормить? Спасибо! Как бы нам не растолстеть от переедания!

– Родители помогут, – сказал Виталик.

– Вот ты всегда так. Пусть кто-нибудь, только не ты. Уже сейчас устранишься, а что будет, когда ребенок родится? У тебя один стадион на уме. И вообще, как мы все здесь поместимся?

– Хорошо, – терпеливо согласился Виталик, – давай подумаем, можно ли сейчас избежать появления ребенка.

– Я так и знала! На мое здоровье тебе наплевать. Да будет тебе известно, это у меня в первый раз, а в первый раз особенно опасно!

Виталик вздохнул. У него была ясная голова, и он твердо помнил, что по срокам не мог быть причиной ее опасений. Он долго хранил в памяти, как драгоценность, каждый случай взаимной близости и помнил подробности. Он считал, что они имеют дело со случайным сбоем женского организма.

– Ты меня не поняла, – вслух сказал Виталик.

– Я все поняла! На тебя нельзя положиться. Ты все еще за мамочкину юбку держишься! Посиди и подумай, а я сегодня пойду ночевать к Зинаиде Зиновьевне, понял? – И Лия бросила на него уничтожающий взгляд.

Она взяла сумку, аккуратно положила в нее ночную сорочку и направилась к двери.

– Тебя проводить? – поднялся удрученный Виталик.

– Сама дойду!

Дверь хлопнула, и Виталик остался один. Он посидел немного, потом переоделся и побежал к стадиону.

Вернулась Лия на следующий день веселая, как ни в чем не бывало. Зизи посоветовала ей подержать ноги в горячей ванне, и ночью Лие пришлось вскочить с постели за ватой.

После возвращения Клавдии и Вадима Лия все чаще стала ночевать у Зизи. Клавдия переживала за сына. Вадим, как ни странно, тоже принял сторону Виталика.

Наконец, однажды Лия, повздорив с Виталиком, собрала чемодан и ушла совсем. Виталик знал, что назавтра у нее назначен семинар в Министерстве просвещения, и под вечер поехал ее встретить, чтобы поговорить без свидетелей. На бульваре он сел на лавочку и стал ждать.

Она выбежала из дверей и остановилась. Виталик с бьющимся сердцем поднялся, но в это мгновение Лия помахала кому-то рукой. Виталик повернул голову и увидел своего соперника. Она подошла к Игорю, взяла его под руку, прижалась к нему, потерлась щекой о плечо, оглянувшись, подставила губы.

«– Дитя! Нет такого мужчины, который не верил бы, подобно вам, что его возлюбленная любит его, и нет такого мужчины, который бы не был обманут своей возлюбленной!»

«Что это? – поймал себя на мысли Виталик. – Почему небо черное и фонари ничего не освещают, а выглядят, как кресты в радужной оболочке?»

Он обнаружил себя опять сидящим на скамейке и не догадывался посмотреть на часы.

Затем он вспомнил Лию, и вся его жизнь, начиная с попрятого детства, полная унижений и несправедливых пощечин судьбы, грубого использования, подавленности и переживаний, жизнь, из которой он стремился выбежать на свежий воздух, поднимаясь всякий раз, как примятый цветок поднимается к солнцу, эта жизнь показалась ему маленькой серой хоккейной коробкой, из которой никогда не выбежать на мягкий зеленый простор.

Уйти можно было только в небо. Освободиться от тяжелого асфальта и, вдыхая полной грудью утренний туман облаков, умчаться, покинуть опостылевшие серые и жесткие борта.

Он бы так и сделал, не ухвати его за рукав Костя.

А Глеб в этот вечер долго стоял неподвижно, погружившись в молитву. Он чувствовал, как что-то тяжелое, темное и вязкое не дает ему ощутить теплый и спокойный свет, струящийся с неба.

Поглощенный глубокой скорбью, он стал на колени в надежде обрести душевные силы в Живоносном и Живоначалном источнике, уловить отблеск пророческого мира, свидетельства благоволения и милости Божией.

И вот тьма отступила, сердце окрылилось; подчеркивая каждое движение, он сотворил крестное знамение, благодарно вздохнул и поднялся с колен. Его глаза лучились теплым и спокойным светом.

На следующий день на дачу к Косте приехали Артур и обеспокоенная Клавдия. Они привезли сумку с вещами Виталика. Артур не забыл бросить туда резиновые ленты и тренировочный костюм друга. Потом, подумав, захватил портфель с тетрадками.

Виталик, поддержанный Костей, наотрез отказался вернуться в этот вечер домой и остался на даче.

Клавдия, болеющая за сына, от которого ушла жена, с надеждой смотрела на Костю. Тот ободряюще улыбался и просил не беспокоиться. По дороге домой Артур уверил ее, что для Виталика смена обстановки – лучший из вариантов.

Из слов Клавдии Костя в общих чертах понял, что произошло. «Женщины, женщины, – подумал он, – как это знакомо! “Нет такого мужчины, который бы не был обманут своей возлюбленной!”».

Его рука потянулась к книжным полкам, взгляд отыскал нужный фолиант.

«Обратился я сердцем моим к тому, чтобы узнать, исследовать и изыскать мудрость и разум, и познать нечестие глупости, невежества и безумия – и нашел я, что горче смерти женщина, потому что она есть, и сердце ее – силки, руки ее – оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею. Вот это нашел я, испытывая одно за другим. Чего еще искала душа моя, и я нашел? – Мужчину одного из тысячи я нашел, а женщину между всеми ими не нашел.

Только это я нашел, что Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы».

Через два дня Костя подвел Виталика к разговору.

– Понимаете, Константин Георгиевич, я для нее все был готов сделать, жизнь отдать.

– Ей не нужна твоя преданность. Если бы это было так важно, она бы завела себе овчарку.

– А что же ей нужно?

– Чувствовать себя экономически защищенной, вообще в безопасности от всяких волнений.

– Даже если их нет?

– Даже если их нет, они могут появиться в будущем. Поэтому женщинам так нравятся уверенные в себе и решительные мужчины. Особенно когда от них исходит запах денег. Хотя чаще всего такие мужчины и являются источником всяческих проблем.

– А как же любовь?

– Любовь – это другое. Это – когда сердцу не прикажешь. – Костя подыскивал слова. – Любовь – это победа, таящая зерно поражения. Лотерея, в которой выигравшему достается смерть. Надо уметь проигрывать.

– И так всегда?

– Увы. Только «всегда» – неподходящее слово. Любовь – это редкая птица. *Rara avis in terris* – редкая птица на земле. Между прочим, так Ювенал отозвался о женской верности. Однажды эта птица взмахнет крыльями, и поминай как звали. Для одного из двоих это станет трагедией.

– Да, ощущение не из приятных, – признал Виталик.

– Это – жизнь, дорогой. Ты полюбил и выжил. Считай, что тебе повезло. Ты справишься с этой болью. Только не мсти. Мсть – самая скользкая в мире дорога. – Костя помолчал, видимо обдумывая следующую фразу. – Понимаешь, – начал он осторожно, – она не виновата, что

действовала именно так. Женщины имеют право на эгоизм, ведь они слабее нас. Им позволено то, что порядочный мужчина себе никогда не позволит. Смотри сам, когда мы говорим: порядочный мужчина и порядочная женщина, мы имеем в виду совершенно разные вещи.

Виталик поднял голову: ему дали почувствовать себя мужчиной. Он постепенно обретал твердую почву под ногами.

Неяркий, теплый свет лился через плафон настольной лампы. Они вышли на крыльцо. Вечер был тихий и прозрачно-синий. Виталик поднял голову. Над ним, сверкая созвездиями, раскинулось поглотившее пространство черное небо.

Ему показалось, что упала звезда, и он то ли успел, то ли нет загадать желание. На ум пришла только одна мысль: чтобы Лия вернулась. Он не был уверен, что поймал момент, и стоял, глядя в небо, ловя падающую звезду, чтобы успеть наверняка, но звезды с неба больше не падали.

Костя потихоньку ушел в дом, а Виталик еще долго оставался на месте, забыв обо всем, удивляясь огромной вселенной, уходящей во мрак, и своему присутствию в ней, ничтожной песчинки на краю обитаемого мира.

Когда он вернулся в дом, Костя уже лег. На столе все так же горела неярким светом лампа, освещая так и не закрытую Костей толстенную книгу с идущей по верху страницы надписью «Екклесиаст».

Прошел еще один день.

Наконец, Косте на кафедру позвонил Глеб и сообщил, что у него все готово. Костя уже давно подписал у проректора письмо. Можно было ехать к Глебу за папкой.

Ночью Косте снились тяжелые сны. Проснувшись утром, он вдруг решил взять с собой Виталика. Эта мысль пришла ему внезапно, и вначале он отбросил ее, как нелепую шутку. Потом, подумав, он пришел к выводу, что мысль не так уж и плоха. Лишняя пара глаз могла ему пригодиться, но еще полезнее поездка была бы для Виталика, начавшего приходить в себя.

Костя понимал, что при других обстоятельствах не следовало бы вовлекать парня в опасные игры, но, когда он вспоминал, в какой смертельной опасности находился и, возможно, еще остается Виталик, всякие сомнения рассеивались.

Словом, он, не скрывая и даже подчеркнув рискованность задуманного, предложил Виталику встретиться в назначенный час в городе. Виталик с радостью ухватился за предложение Кости.

Во второй половине дня они встретились на станции метро «Сокол» и поехали к Глебу.

Оставив Виталика на улице, за воротами, Костя вошел в дом. Он предупредил Глеба, что взял помощника.

– Так где же он? – спросил Глеб.

– Гуляет пока у калитки.

– Негоже, отец мой, держать человека на улице. Зови!

Виталик, оробев, приостановился в прихожей.

Глеб внимательно взглянул на него. Видно было, что он доволен. Познакомились.

– Спортсмен? – спросил Глеб, заметив на Виталике синюю кофту на молнии.

– Мастер спорта по лыжам, – ответил за Виталика Костя.

– Вот это я понимаю! – одобрил Глеб. – Я ведь сам люблю ходить на лыжах. У нас здесь отличные места для прогулок. Теперь у меня напарник появился.

Виталика оставили в гостиной смотреть телевизор. Ему тоже пришелся по душе хозяин с веселыми глазами, одетый в простой подрысник.

Костя с Глебом поднялись в кабинет на второй этаж. На столе уже лежали упакованные в полиэтилен две папки: зеленая и красная – с переводом. Костя аккуратно положил их в свой старенький портфель.

– План немного меняется, – предупредил его Глеб. – Поедешь не на Старую площадь, а прямо домой, на Кутузовский. Тебя ждут. Вот адрес, запомни. Выйдешь за квартал, в переулке, чтобы камеры не перехватили машину. Держи! – Глеб, покопавшись в кармане, сунул Косте несколько красных бумажек. – Это на такси.

– Да у меня есть, – стал отказываться Костя.

– Вот и бери еще. Мало ли что! Вдруг моя машина забарахлит.

Они пошли вниз. Отказавшись от ужина, наши искатели приключений оделись.

– Ну, с Богом, – Глеб благословил их и вызвал шофера.

Пока заводили машину, Костя давал инструкции Виталику. Потом ворота открылись, они сели в серую «Волгу» и, не останавливаясь, помчались по сумеречной аллее. Не встретив ни одной живой души, они доехали до поворота, свернули налево и, набирая скорость, полетели по прямой, как стрела, дороге.

В этот момент их обошли разогнавшиеся белые «жигули». Костя забеспокоился. Не доезжая до конечной остановки троллейбуса, «жигули» вдруг, взвизгнув тормозами, неудобно остановились. Серая «Волга» едва не ударилась о белое крыло «жигулей». Промедли шофер еще мгновение, полетели бы в разные стороны, как бильярдные шары, столкнувшиеся машины.

– Не останавливаться! – крикнул Костя.

Шофер Глеба включил заднюю передачу, но не тут то было! Костя обернулся и увидел, что сзади, блокируя «Волгу», остановились еще одни «жигули», на этот раз желтого цвета.

Костя уже передавал на заднее сиденье портфель Виталику, успев четко и даже несколько зловеще выговорить:

– Беги направо, сделай полукруг и вернись на эту аллею в самом ее конце. Дистанция около трех километров. Там мы будем тебя ждать.

Он с силой распахнул свою дверь, перегораживая дорогу подбежавшим людям из первой машины.

Виталик выскользнул из задней двери и, перепрыгнув неширокую канаву, побежал по жесткой осенней траве. Он понимал: теперь вся надежда на него. Удастся ли ему выполнить все, что велел Костя? За Костю он не беспокоился. Часть невесть откуда взявшихся преследователей побегут за ним, за Виталиком, а Костя что-нибудь придумает. Он вспомнил одну историю с Костей, которую рассказывал Артур, ставший ее невольным свидетелем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.